Наша виртуальная ночь
наше реальное одиночество
Владимир Коркунов

№4 2011

ВОКЗАЛ

VOKZAL@PISEM.NET

ВХОД НА ВОКЗАЛ

ТЁМНО-БЕЛЫЙ

ПОШУРШИМ

убегу рельсами,
путями ровными.
вдаль.
поездов стонами
размеренно.
гудками станций,
чтобы подавить желанье остаться,
чтобы писать стрОками скромными.
письма тОмами –
не электронными,
а такими…
бумажными.
один
два
три
потом ещё пять дважды.
в конверты укладывать и засыпать,
но забывать их отправлять
вам.

СХЕМА ВОКЗАЛА

Уже рождаясь – мы оказываемся в Сети. В ячейке общества, в собственных сетях и цепочках логики и мышления. В детстве ты свободен хотя бы незнанием об этих системах. Но со временем жизнь всё быстрее плетёт свою чёрно-белую вязку – день-ночь, день-ночь, беда-счастье, работа-дом, чёрное-белое, правильно-плохо.

Перед вами сетевой номер. В котором свободные – потому что пишущие – люди – говорят о сетях. Каждый побывал в своей... Кто-то порвал, кто-то попался, кто-то сам сплёл... Но у каждого есть свобода – сказать об этом.

И, естественно, параллельной рельсой в номере идёт тема всемирной Паутины...

О.Т.

ВХОД НА ВОКЗАЛ – 1
СХЕМА ВОКЗАЛА – 2
РАСПИСАНИЕ – 3
КАССЫ – 4
ГЛАВНЫЙ ЗАЛ – 5
УЗЛОВАЯ СТАНЦИЯ – 11
ЗАЛ ОЖИДАНИЯ – 19
ОПАСНОЕ МЕСТО – 25
МАШИННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ – 32
ПЕРРОН – 51
ПЕРРОННЫЙ КОНТРОЛЬ – 65
ПЛАЦКАРТ – 69
ВЕРХНЯЯ ПОЛКА – 76
ПУТИ СООБЩЕНИЯ – 85
СТОП-КРАН – 93
97 – КАМЕРА ХРАНЕНИЯ
102 – ЛИТЕРНЫЙ ПОЕЗД
175 – ДАЛЬНЕЕ СЛЕДОВАНИЕ
176 – ЭЛЕКТРИЧКА
180 – ПЛАТФОРМА №1
190 – ПЛАТФОРМА №2
194 – ДЕПО
214 – ПОЕЗД ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ
224 – РАЗВИЛКА
226 – ПЛАТФОРМА №5
227 – ДЕТСКАЯ КОМНАТА
230 – СТРЕЛОЧНЫЙ ПЕРЕВОД
234 – ПУТИ ОТСТОЯ
245 – ВИД ИЗ ОКНА
256 – ВОЗДУШНЫЙ ПЕРЕХОД
263 – ВЫХОД В ГОРОД
267 – ДИСПЕТЧЕРСКАЯ
272 – ПРИВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

РАСПИСАНИЕ

(Стихи, проза)

Тёмно-Белый 1:00
Андрей Демьяненко 5:00
Ольга Туркина 10:00
Дарья Александрович 11:00
Ёжик Медвежонков 19:00
Марсель Милан 25:00
Бабкина Мария 30:00
Макс Стоялов, Дэн Стоялов 32:00
Евгений Капустин 37:00
Татьяна Томах 38:00
Александр Рыжков 45:00
Станислав Лапшин 51:00
Елена Завельская 64:00
Ильин Олег, Мусин Игорь 65:00
Бородин Сергей 67:00
Сергей Дорохин 69:00
Роман Всеволодов 76:00
Андрей Демьяненко 77:00
Марсель Милан 81:00
Илья Криштул 85:00
Тёмно-Белый 92:00
Антон Огнев 93:00
Андрей Демьяненко 96:00
Генрих Сапгир 97:00
Ольга Туркина 101:00
Олег Осетинский 102:00
Дмитрий Гусев 174:00
Александр Смирнов 175:00
Алексей Кияница 176:00
Алексей Карелин 177:00
Елена Качаровская 179:00
Анна Асмус 180:00
Екатерина Асмус 183:00
Тимофей Бинюков 185:00
Василиса Соколова 190:00
Калерия Соколова 193:00
Владимир Дорошев 194:00
Елена Шипина 201:00
Егор Авинкин 204:00
Игорь Павлов 213:00
Платон Беседин 214:00
Анна Вайнберг 223:00
Олег Неустроев 224:00
Антон Погребняк 226:00
Тёмно-Белый 227:00
Роман Шабанов 228:00
Ярослав Юмжаков 230:00
Юрий Дихтяр 231:00
Сергей Карлов 234:00
Валерий Сафронов 235:00
Олег Ильин 240:00
Андрей Демьяненко 241:00
Ольга Бес_Крайность 245:00
Владимир Коркунов 256:00
Андрей Назаров 263:00
Татьяна Грачёва 264:00
Антон Погребняк 266:00
Тёмно-Белый 272:00

НАЗНАЧЕНЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЕЗДА

(рисунки, граффити)

Андрей Демьяненко ..... 24:00; 29:00; 44:00; 80:00; 192:00; обл. 1,2, 3, 4
Ольга Туркина 17:00; 98:00; 178:00; 200:00; 204:00; 205:00; 206:00; 207:00; 212:00; 239:00
Анатолий Дымант 214:00; 215:00; 216:00; 217:00; 218:00; 219:00; 220:00; 222:00
Татьяна Вешкина 225:00
Игорь Поляков 257:00; 258:00; 259:00; 260:00; 261:00; 262:00

• • • • • ВОКЗАЛ

КАССЫ

http://litopiter.ru/Vokzal/
Наш сайт!

Просьбы, пожелания, вопросы, предложения, информация по презентациям и событиям в жизни журнала – всё в группе ВКонтакте «Литературный журнал «Вокзал».

Приобрести журнал можно в галерее «Борей» (СПб), на презентациях и в редакции.
Справки по телефону: 8-950-025-18-37

Журнал выходит с августа 2007 года, раз в три месяца.

E-mail: vokzal@pisem.net

Всем отъезжающим просьба предьявлять документы в открытом виде!

Приглашаем авторов ксотрудничеству! Журналу очень нужны художники!!!

Дорогие авторы! Присылайте, пожалуйста, вместе с вашими гениальными произведениями и биографии! Даже, если Ваше имя не нуждается в представлении. В биографии желательно указать ИМЯ и/или ПСЕВДОНИМ, под которым хотите печататься, ГОРОД, В КОТОРОМ РОДИЛИСЬ, ГОРОД, ГДЕ ЖИВЁТЕ, ГОД РОЖДЕНИЯ (для женщин не обязательно), пункты и пунктики ОБРАЗОВАНИЯ, деятельность, публикации, награды... Ну и прочее по желанию.

Не забывайте подписываться под своими произведениями!!! Лучше указывать фамилию и в названии файла.

Рекомендуемый размер рассказов – до 5 страниц А4 12 кеглем. И стихов тоже! Не больше!!! Рисунки присылайте в формате JPG, лучше архивом, не забывая о том, что «Вокзал» А5 формата.

ГЛАВНЫЙ ЗАЛ

АНДРЕЙ ДЕМЬЯНЕНКО

КЛОНЫ БЕГУТ ИЗ СЕТИ

Георгий Иванович Пук был толст, некрасив, не очень умён, не очень удачлив, ленив. Он любил пиво, кольца кальмаров, фильмы ужасов и компьютерные игры, что, собственно, и афишировал на страницах социальных сетей.

Возраст Георгия Ивановича становился такой, что об «Ивановиче» можно уже вспоминать, а можно ещё и не вспоминать.

О своём семейном положении Пук заявлял «не женат», хотя, конечно же, познал все прелести совместной жизни и был больше разведён, чем не женат, больше «убеждённый холостяк», чем «в активном поиске».

Статусы же его состояли из известных фраз, как, впрочем, и он сам был из них соткан.

Работал Георгий в офисе маленького компьютерного магазинчика, ленивым продавцом, развлекающимся хождением по сети.

Ещё он заявлял о себе, как о сочинителе.

Сочинительство его состояло в компилировании подсмотренных сюжетов с общеупотребимыми штампами. Он насоздавал себе страниц на литературных сайтах и время от времени выкладывал туда пришедшее в голову. На что читатели реагировали без энтузиазма.

Однажды, когда Георгий Иванович попивал пиво со школьным приятелем, жизнь переломилась.

Он похвастался перед Колькой литературными успехами.

Колька – маленький живчик, ценящий возражения

больше всего остального, засомневался:

– Жора, по-моему, это ерунда, – сообщил он.

– Что ерунда? – не понял Георгий.

– Да твоя вот эта возня-мазня в Интернете.

Жора даже пролил пиво от неожиданности такого отзыва.

– Почему это? – возмутился он и лужицу пива начал размазывать в готического воина. Получалось красиво.

– Почему-почему? Потому. Если это было бы интересно, ты бы давно стал известным, – нашёлся Николай.

Жора пририсовал воину огромную базуку и вздохнул печально.

– Тяжело стать известным в море графоманов.

– Но истинный талант – как ядерный взрыв! – вспылил Коля. – Сколько бы человечество ни пыталось обуздать атомную энергию, взрывы будут происходить помимо их воли! Так же и здесь!!!

– Ну и ладно, – с ленцой сказал Жора, – взорвём… – вытер рисунок, разросшийся на столе в фантастически дикую картину, – и открыл новую пачку колец кальмара.

На следующий день Георгий принялся выдумывать писателей, которые будут его читателями. Он брал в Интернете фотографию знаменитости и помещал в условия страны, в клетку повседневной жизни. В ограниченности листа придумывал карандашом новый образ.

Например, из губастенькой, сисястой черноволосой актрисы он сделал блондинку с тонкими упрямыми губами и отсутствием груди. Причём, усадил её на инвалидное кресло. На обратной стороне листа он придумал ей родителей, характер, судьбу. И представил, какими рецензиями она может откликнуться на его нетленку.

Обладая странными именами, обычным отчеством и смешной фамилией, он придумывал своим героям имена красивые. Анжелика Джолика, Игорь Святославович Гольдман, Эн Хопкингс, Константин Энский… И наводнил ими сеть.

И в каждой ячейке появились миниатюры нарисованных людей, придуманных судеб.

Успех был огромен. Читатели интересовались этими персонажами, как осы бабушкой, варящей варенье.

А Георгий Иванович, обладая наряду с ленью усидчивостью, создавал всё новые и новые штрихи биографий клонов. Но это не давало ему никаких дивидендов. Его неизвестность оставалась по-прежнему неизвестностью. Отклик получали рецензии выдуманных авторов, а не реальной личности.

Ударом стало обсуждение, что Георгий Иванович Пук – неудачный, вялосделанный клон то ли Анжелики Джолики, то ли Константина Энского.

Жора, забросив разработки характеров, принялся за рецензии. Он доказывал чужелично свою талантливость, свою существовабельность.

На следующий день все рецензии такого толка пропали.

Георгий ничего не понимал. «Кто-то захватил мои станицы», – решил он и взялся менять пароли.

Ни одна из страниц не была доступна.

«Точно! Захват! Захват моего таланта!» – думал Георгий.

Он сидел на кухне, поедая кальмаров, пил, разливая пиво, и плакал. Единственное удачное предприятие за свою жизнь приходилось закрывать. Слёзы капали на столешницу, а Георгий соединял их кончиком ножа, рисуя свою грусть. Это были поникшие карлики, соединённые друг с другом одним чувством, одним материалом, – подсоленной водою слёз.

Георгий решил закрыть все страницы. Но на первой букве письма, направляемого администратору сайта, раздался звонок.

– Ало… Георгий? – раздался хриплый голос.

– Да, – отозвался Жора.

– Вас беспокоит Константин.

– Какой Константин? – Жора был вял.

– Энский.

Георгий онемел.

– Я бы попросил вас не трогать наши страницы, – продолжил собеседник…

– Но вы же… Вы же… – обрёл голос Жора.

– Мы живые люди, со своими желаниями! Не трогайте нас!

– Но я же вас выдумал! – заорал в трубку Георгий.

– Вы слишком хорошо нас выдумали, – спокойно ответил собеседник. – Поэтому мы живы.

– Это розыгрыш? – Жора цеплялся за разум, как тонущий за плавучие предметы. – Колька, это ты?

Но Коля ничего не знал об экспериментах Жоры.

– Отстаньте! – кинул трубку Георгий и бросился дописывать письмо администратору.

Тут же раздался звонок в дверь. Жора глянул в глазок.

На площадке в инвалидном кресле сидела тонкогубая блондинка, на коленях у неё была базука. Георгий тряхнул головой. Никакой базуки – только длинный зонт. Жора сразу её узнал – Анжелика.

– Георгий, – сказала блондинка, – я вас предупреждаю: не надо с нами играться!

– Да что вам надо! – распахнул дверь Жора.

– Жить, – спокойно ответила девушка.

Он смотрел в её глаза, полные жизни и печали и, узнавая, не узнавал свою героиню.

– Понимаете, не всегда в вашей воле то, что вы создаёте.

Георгий хотел что-то возразить, но тонул во взгдяле Анжелики. На краткий миг ему показалось, что он снова хочет жениться. Он знал её любимый цвет, любимые цветы.

Он знал, что у неё родинка на бедре в виде звёздочки. Он знал её лучше, чем кого бы то ни было. И он любил её.

Анжелика развернулась, подъехала к лифту, ткнула зонтом в кнопку.

– Не надо нам мешать жить, Георгий. Иначе мы будем мешать вам, – тихо бросила девушка и въехала в лифт. – Займитесь чем-нибудь другим.

Георгий закрыл дверь и подошёл к компьютеру. Сообщения не было.

Он обновил свою страницу.

«Автор закрыл свою страницу» – сообщал сайт.

Георгий попытался зайти на почту. «Неправильный логин или пароль».

«Пора сдаваться врачам», – решил Жора, вся его жизнь схлопнулась.

Он достал полторашку пива и стал бороться с собой, заставляя себя позвонить в больницу. Он ощущал пустоту. Пустоту большую, чем межзвёздное пространство. И где-то на дне копошился он прежний, не пишущий. Он не думал, что каракули на бумаге могут настолько заполнить его мир. Теперь всё кончилось.

Он снова подошёл к компьютеру. Недоступен сам себе. Зато на страницах его героев появились новые рассказы. Интересно…

Плеснув пива на стол, он чертил пальцем автора, который прозябает в тени своих героев.

Звонок в дверь искривил ногу рисуемого тролля.

– Кто? – тихо спросил Жора.

– Иван.

Жора глянул в глазок. Снова его герой: Иван Скок. Кроме того, что он был хорошим художником, он ещё писал абстрактные миниатюры, основанные на цветовых пятнах.

Жора распахнул дверь: «Проходите».

Небольшой хромой человек с отсутствующим носом и ушами-локаторами прошёл на кухню.

– Давайте попьём чаю, – предложил Жора, грустно ухмыляясь, он смотрел на пиво.

– Давайте.

Иван хотел поставить торт на стол, но застыл перед пивными изысками.

– Садитесь, что вы? – пригласил Жора. – Сейчас вытру, – сказал он, перехватив взгляд посетителя.

– Вы талантливы, – зачарованно протянул Иван, разглядывая рисунок, он сел и поставил торт на колени.

– Пивная живопись, это то, что мне осталось, – сообщил Георгий. – Вы всё у меня отняли.

– Но вы столько же и приобрели, – возразил Иван. – И это прекрасно, – он подбородком указал на рисунок.

– Спасибо, – отозвался Жора, безжалостно вытирая со стола.

Посетитель выставил торт на стол.

– И что мне теперь делать? – поинтересовался Георгий.

– Займитесь своим делом! – пылко воскликнул Иван.

– Но вы отняли у меня всё, – Жора походил на пивную кляксу.

– Мы у вас ничего не отнимали. Ваше – с вами. Вы прекрасный рисовальщик. Поверьте мне, я художник, – сообщил Иван.

Жора открыл торт и разрезал на куски.

– Не знаю, – он был эхом себя, а точнее, прежним Георгием Ивановичем Пуком, он ощущал себя куском торта, который сейчас съедят.

После ухода Скока Жора создал новую почту и страницу на художественном портале, изобразив себя на аватаре пучком трав. Он выложил портреты всех своих героев и ещё несколько работ.

Первой отозвалась Анжелика под своим портретом: «Какой прекрасный рисунок! Меня никогда прежде не рисовали!»

Жора тут же нарисовал фантастический пейзаж в ультрамариновых тонах. Это был её любимый цвет.

«Это для Вас, Анжелика! – написал он. – Спасибо!»

ОЛЬГА ТУРКИНА

Наше поколение поэтов,
Промолчите вы про интерНЕТы!
*Как нас ждут **и**глы*
В вене,
Как нас жрут игры
Во веки.

Нас жгут икры
В беге! Пишите
Про карий и синий
Под веками бег,
Под икрами иглы силы,
Под играми вены рек.
Пишите
Про отроков пернатых,
Про интерДА их.

Узловая станция – место пересечения нескольких железнодорожных линий. Рассказы Дарьи Александрович, как узловые станции. «Сеть» написан специально для этого номера. В этом произведении даже обычный предмет – это узловая станция.

ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ЧИСТОТА И ПОРОКИ

Мы ехали с отцом на поезде… Куда, не помню... Мне было всего 7 лет…

Помню только, что изредка поглядывал из окна поезда и видел людей… Людей разных, и у каждого из них была своя история…

Милиционер:

Я помню, где-то под Кировом… Мы к нему ещё не подъехали… Я отодвинул занавеску… Вокруг были зелёные поля, домики: ветхие, разваливающиеся, только строящиеся особняки; дома, где топилась печь; у домов стояло по 2-3 стога сена… Людей не было, наверное все мылись в баньке… Хорошо протопленной русской бане, и отдыхали дома со своей семьей… И вот, среди этой пустоши, по зелёной высокой траве шёл человек в форме. Шёл ловко и красиво… Ровным уверенным шагом, и высокая трава была ему нипочём!

Наверное… Да нет, точно… Он спешит к своей семье. У него красивая, белокурая, хозяйственная жена, которая каждый вечер ждёт его после службы, готовит ему еду и топит баню к приходу любимого мужа… И сын, у него обязательно есть сын… Маленький, лет 5-6, который очень любит и считает минуты до прихода папы, хотя ещё не знает, как узнавать время…

Стук в окно, выглядывает седоватый, полноватый мужчина с усами в тельняшке…

– Чего тебе надо, Миш?! У меня дети и жена спят… Иди домой давай!

– Тсс! Иваныч! Дай водочки выпить, а то не могу я домой на трезвую голову возвращаться! Эта мегера опять орать будет, что денег мало. Жить не на что, о детях я совсем не думаю! Осточертела мне такая жизнь! Помоги – подлечи душу, а?!

– Ладно! Уходи только быстрее, а то моих всех разбудишь! На... Поллитру хватит?

– Да, спасибо…

Уже не в трезвом уме и совсем не твёрдой, даже сказать, размягчённой памяти человек в форме дошёл, наконец, домой к своей мегере… Только ступив на порог ветхой избушки, скрипнув ступенькой разваливающейся лестницы, послышался крик:

– Ну, и где ты опять шлялся?.. Я замаялась тут целый день с твоими детьми сидеть… Я не помню, когда ездила последний раз в город... Ты бы хоть раз соизволил явиться не когда они уже спят… хоть бы уложил их в постель разок… Я больше так не могу, Миш… Их пять... ПЯТЬ, а я одна… Понимаешь, одна… Я устала от такой жизни… Ненавижу, ненавижу твоих детей!

– Они и твои, между прочим, тоже, Оля! Или ты уже не помнишь, как ты их рожала?

– Мои? Ты прекрасно знаешь, я ни одного из них не хотела! Я не люблю детей! Я не хотела детей… Я думала сделать аборт… Ты, ты заставил меня рожать… Сказал, что обеспечишь семью и мы не будем ни в чём нуждаться… Где, где эта хвалёная семья? Нам нечего есть… А одежда… Мы ходим в отрепьях трёхлетней давности… Я больше так не могу… Не выдерживаю…

– Я же приношу деньги в дом! Если бы ты меньше тратила денег на свои выезды в город… Не ходила бы в клубы и не угощала вечно своих друзей… тогда бы нам хватало денег! И если уж ты так в них нуждаешься – иди работай!

– Как не ездить в город? Я целыми днями с этими сопливыми маленькими чудовищами… У меня звенит в ушах от их плача, я не могу их видеть! С каждым днём я всё больше и больше хочу, чтобы их не было… Мне нужно развлекаться, чтобы не свихнуться в этом дурдоме! А идти работать… Как… Кто тогда будет сидеть с твоими отпрысками? Да и не люблю я работу… Ты же знаешь…

– Оля! Знаешь… Это я так больше не могу! Я прихожу домой, ты вечно орёшь на меня… Всегда с претензией! Нет, чтобы хоть раз встретить меня по-человечески: накормить, поговорить как муж с женой… А уж о сексе я и не говорю! Ты не ложишься со мной в постель уже год и думаешь, я не замечаю, что у тебя другой, что ты мне изменяешь? Что твой любовник приезжает сюда, когда ты не можешь выбраться в город! Оля, это не ты так

не можешь! Это я так больше не могу! Я ухожу… Оставляю тебе этот дом! Детей заберу завтра, жалко будить!

– Ну и катись к чёрту! Не нужен мне этот твой дом! Я уеду жить в город к Лёше! Он во всём понимает и поддерживает меня!

– Сомневаюсь, что он с радостью примет тебя! Напомни мне… Он же женат… И что-то мне подсказывает, что он никогда не бросит жену и детей, раз не сделал это в течение двух лет, которые ты меня обманывала!

– Нет… Нет… Он обещал... Я верю ему!

– Удачи! Но знай… Обратно ничего не вернёшь!

– А мне и не надо! Я симпатичная, высокая блондинка с длинными волосами, да и с фигурой полный порядок! О такой, как я, мечтают тысячи мужчин! Я не вернусь к тебе!

– Дай Бог, дай Бог! Ладно, прощай! Завтра приду за детьми!

– Забирай! Забирай этих детей к чёртовой матери!

По высокой траве шёл мужчина в форме. Шёл ловко, и высокая трава, казалось, была ему нипочём!

А мимо проезжал поезд…

Девушка:

Вологда… Я выглядываю из окна поезда. Не люблю выходить из поезда. Не люблю, когда поезда стоят! Люди куда-то бегут, торопятся. И девушка, одинокая, замёрзшая, ночью довольно прохладно, девушка! Красивая, длинноногая шатенка! Жаль, в темноте не разглядишь её глаз… Наверное, они голубые, чистые, как небо, или зелёные, ярко-зелёные… Словом, ангельские глаза. А дома её ждёт жених, непременно жених, который станет ей хорошим мужем. Она только закончила филологический или журфак, такая девушка непременно творческая… И вот она устроилась на перспективную работу, и с будущим мужем они мечтают о детях и планируют свадьбу! Да, у неё всё непременно так!

– Маш, мне надоело тебе твердить! Иди работай, раз провалила экзамены в медицинский! Ты же знаешь наше положение.

– Мама, ты достала пилить меня… Талдычишь одно и то же: иди работай, иди работай! У всех родители как родители, обеспечивают, а ты одно своё: иди работай! Достала! Лучше бы у меня другие родители были… Ненавижу тебя!

– Неблагодарная тварь! Проваливай, проваливай из дома! Иди ищи себе других родителей!

– И пойду! Пойду!

…Дверь захлопнулась…

...Улица! Девушка идёт по тротуару! Рядом останавливается дорогой лимузин!

– Девушка! Девушка! Я смотрю, вам одиноко! Может, прокатимся до ночного клуба, потанцуем, а потом я непременно отвезу вас домой!

– А! Была, не была! Давайте!

Через час девушка стояла на вокзале. Юбка на ней была порвана сбоку, лифчика нет… Тушь растеклась, круги под глазами… По ляжкам течёт узкая, маленькая струя крови, а из глаз, чёрных, как смородина, глаз, льются слёзы. Девушка стояла и думала, что не может после этого вернуться домой, и нужно как-то себя обеспечивать, начинать новую жизнь. Но домой… Домой она никогда больше не вернётся…

А мимо проезжал поезд…

Бабушка:

Я не помню, какой город это был… Только сквозь мутное окно поезда было видно одинокую старушку… Она стояла с двумя сумками и палочкой… Из глаз её лились слёзы… Наверное, она плачет от радости… Приехала её дочка или внучка, но их встречу я не застал – поезд отъехал!

– Уйди…Ты только занимаешь место в нашей квартире… Мне плевать, что у тебя умер муж, и теперь в его квартире живёт его сын! Хотя какой муж… Ты просто была его любовницей, а его сыну ты никто! У нас негде, негде жить! Аня родила, Саша учится… Твоя комната нам нужна… У нас нет места для тебя!

– Но, куда же я пойду, доча? На улицу?

– Мне плевать… У тебя есть пенсия… Иди жить в дом престарелых… Твоей пенсии тебе хватит! Я всё сказала. Двери нашего дома для тебя закрыты!

…Дверь закрылась…

Старушка не заметила, как пришла на вокзал!

«Броситься что ли под поезд, да и дело с концом! Детям и внукам я не нужна, тогда и жить незачем».

Всё-таки какая хорошая жизнь у этих людей, думал я… А может, мне кажется это в силу моего возраста. Нет… Их жизнь всё же интересна и прекрасна!

А мимо этой жизни проезжал поезд…

СЕТЬ

1

«Скорее, скорее. Поторопись! Оно уже пришло, надо быстрее прочитать…», – думал житель улицы Горького, подходя к своему подъезду. Забежав, он наспех открыл почтовый ящик квартиры 35, выхватил из лап этой железяки столь дорогое для себя письмо и торопливо поднялся по лесенкам вверх. Не поняв, как он так быстро оказался в квартире, седоволосый полный мужчина сел на единственный деревянный стул на кухне и жадно раскрыл и начал читать письмо.

«*Дорогой, Миша! Я помню свой дом. Большой, но уютный одноэтажный коттедж из красного кирпича. Как я любил сидеть и перебирать укроп, собирать ягоды, когда жара изматывала меня и хотелось побыстрее закончить, но при этом я наслаждался этим душным, пропитанным сладким чарующим запахом. Но большее наслаждение доставляли яблоки, недозревшие зелёные кислые яблоки. Я мог есть их тоннами и даже не морщиться.*

Баня… Она пахла смолой, хотя, это и не удивительно, когда я сидел на верхней полке, со стенок стекала смола. Я обожал сидеть в тазике и «отмокать» – так я называл процесс сидения в горячей воде до процесса шорканья мочалкой и мытья головы. В этот момент можно было брызгаться и рассказывать маме, как интересно было в первый день в школе… Ладно, мне пора идти на работу. В следующий раз я напишу тебе про животных, которые жили с нами в коттедже! Твой дорогой друг из детской мечты!», – закончил письмо неизвестный.

Престарелый мужчина с голубыми, как небо, глазами ещё раз с любовью взглянул на письмо, аккуратно положил его обратно в конверт, подошёл к углу на кухне и положил очередное письмо в большую рыбацкую сеть. Очередное, потому что в этой покрывшейся пылью сети лежало десятка полтора писем от одного и того же незнакомца. Михаил хранил их именно в этой сети, потому что это единственная вещь, которая доставляла ему радость в детстве. У него не было семьи, он жил в детдоме, но по выходным к нему приезжал мужчина, которого он называл дядя Рома и который увозил его на рыбалку с ночёвкой. Целый день и ночь рядом с тем, кому ты нужен… В эти моменты мальчик ощущал себя в семье. Он наконец-то проводил время, как все нормальные мальчики со своим отцом. Но, в один день этой семьи в лице дяди Ромы не стало… Он просто перестал приезжать.

Единственное, что осталось от этой семьи, это рыбацкая сеть и адрес так называемого отца: город Верхотурье, улица Горького, дом 40, квартира 70. Он покинул стены тюрьмы, в которую был заточен с другими детьми до 18 лет, и сразу же поехал по этому адресу. Но квартира оказалась пуста, а дядя Рома 8 лет как мёртв.

После этого Миша устроился на работу, купил неподалёку однокомнатную квартиру, но, разочаровавшись в жизни, начал сильно пить и, наконец, почти всё продал. Остался только диван в комнате, холодильник, ветхий стол и деревянный стул на кухне… И конечно, самое ценное – это рыбацкая сеть…

Михаил всю жизнь мечтал о своём доме, собаке и уюте… И вот уже как 15 дней старик начал получать письма от неизвестного друга и бережно хранил их. Это для него такая же ценность, как и рыбацкая сеть, покрывшаяся пылью и пожелтевшая от времени.

2

Вот и пришёл тот другой раз, когда должно было прийти очередное письмо от незнакомого друга. Седовласый коренастый мужчина, как обычно, суетливо порылся в ящике для писем и с надеждой и радостью в глазах понёс эту ценность домой. Он даже не стал выкуривать сигарету перед тем, как начать читать письмо. Он быстро открыл его и начал жадно поглощать долгожданные буквы.

«Вот отыскал минутку и снова пишу тебе! В прошлый раз я обещал написать тебе про животных, которые жили у нас дома. Главной, естественно, была собака ротвейлер, которую звали Алмой. Почему её так назвали, я не знаю. Её мне подарили в 5 лет, для меня это была не просто собака, это был друг. В детстве я катался у неё на спине, это дико забавляло. Она была умная и всегда защищала меня, правда, бабушка не любила, когда она бегала в саду по грядкам, а не по бороздам. Это единственное, что она не любила в этой собаке, я же любил её просто за то, что она есть, и мне было совсем неважно, бегает она по грядкам или по бороздам.

Вскоре у нас появилась кошка Машка. Очень пушистая и красивая чёрная кошка, но уж очень любила она погулять, не сидела дома. Я очень любил, когда она рожала котят. За ними очень интересно наблюдать, пока они маленькие, и кормить их из пипетки. Но скоро Машке вообще надоело и возвращаться домой. В один день она просто ушла как обычно, и больше не вернулась.

Были у нас и курицы. Правда, почему-то они не неслись, и бабушка

была этим расстроена. И как-то раз мы с папой решили заехать в магазин, купить яиц и сказать бабушке, что это снесли наши курочки. Собственно, так мы и сделали. Бабушка сразу запричитала: «Ой, радость-то какая. Курочки мои нестись начали, теперь свои яйца будут. И если бы не мама, бабушка бы так и не заметила магазинной печати на скорлупе. Вскоре же курицы действительно начали сами нестись… Вот и вся живность, которая жила под крышей нашего уютного дома. Твой дорогой друг из детской мечты!» Михаил свернул письмо и проделал уже доведённый до автоматизма ритуал – положил письмо снова в рыбацкую сеть.

На голой стене у старика одиноко висел передвижной календарь, на котором посередине была ленточка с красным квадратиком, которым можно было выделить нужный день недели. Михаил посмотрел на календарь. Была суббота. «Значит, завтра воскресенье, почта не работает, и письма ждать не стоит», – сделал заключение престарелый мужчина.

3

Михаил никогда не забывал передвигать этот красный квадратик на календаре. Именно поэтому встав в воскресенье и посмотрев на календарь, на котором была отмечена суббота, он даже не усомнился, что сегодня именно суббота, а не какой-нибудь иной день. И по привычке он пошёл открывать железный ящик с таким же номером, что и его квартира, но письма не было. Первым делом Михаил подумал, что суббота, могут принести и попозже, и пошёл в квартиру поесть.

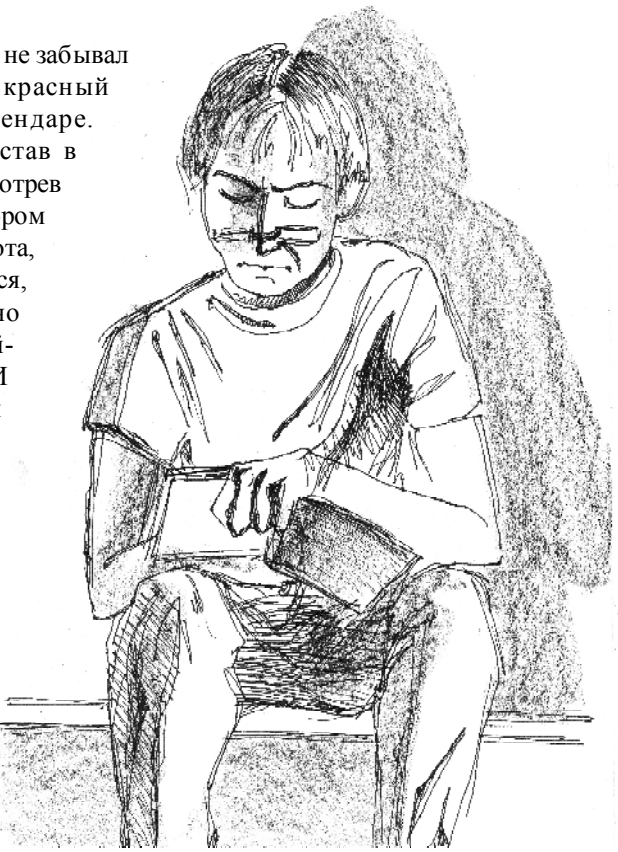


Рисунок Ольги Туркиной

Съев, как обычно, картошку с варёной сосиской и выпив рюмочки две водочки, он снова спустился за письмом, но оно так и не появилось.

Чтобы не пропустить почтальона с ценным грузом, он решил взять из дома свой единственный деревянный стул и сидеть под ящиком ждать письма. Мимо проходили люди, но никто из них не поинтересовался, что здесь делает Михаил Васильевич. Каждую минуту он открывал ящик, посмотреть, вдруг он не заметил письма, но письмо так и не появлялось. Так он просидел час, второй, третий, но почтальон не приходил, и письмо не появлялось. Седовласый старик устал и заснул на 20 минут. Проснувшись, он первым делом заглянул в ящик – тот всё также был пуст. Старик схватился за сердце и умер, сидя на стуле. Тело так и просидело мёртвым грузом до следующего дня. Никто, никто не обратился к этому человеку, никого не удивило, почему он так долго сидит у почтового ящика. И только почтальон, принёсший это бесценное для пожилого человека письмо, заметил, что тот не дышит.

Эпилог

– Дим, ты помнишь, я тебе рассказывал про престарелого мужчину, живущего в нашем районе, который сам себе пишет письма и думает, что это от его друга, с которым он в детстве ездил на рыбалку? Все вокруг знают эту его странность и сторонятся. А я из снисхождения и жалости доставлял ему эти письма… Помнишь? – первым делом сказал девятнадцатилетний почтальон Олежка.

– Да, Олег! Помню. А что? – ответил друг.

– Он умер сегодня. Представляешь, его мёртвое тело всю ночь и полдня находилось у почтового ящика, и никто, никто не подошёл и не поинтересовался, что с человеком… В больнице сказали, приступ – сердце остановилось. Это странно, ведь у него было здоровое сердце, он никогда на него не жаловался… Но самое ужасное, что мы никогда не узнаем, отчего у него остановилось сердце, чего он не выдержал! – рассказал Олег чуть дрожащим голосом.

– Ммм… – единственное, что смог ответить на это друг Дима…

В этом зале – ожидание ответа любимого, а потом и собственного сердца, ожидание ответа бездушной Сети на главный душевный вопрос. Как всегда, Ёжик говорит о большем, чем способно вобрать человеческое сердце... Выхваченное Сетью для пира во время чумы.

ЁЖИК МЕДВЕЖОНКОВ

ЗАБЛОКИРОВАННАЯ НЕЖНОСТЬ

Помню, как один мой знакомый, самой выразительной частью лица которого являлась большая бородавка на носу, воскликнул, заплакав от счастья: «ЖИЗНЬ СТАНОВИТСЯ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ! – Представляешь, сейчас ещё только май, а у меня за этот год уже целых два секса».

Оказалось, что эти два раза – один с собственной собачкой, которую он очень долго уламывал, корм ей дорогой покупал, цветы, а она всё лаяла, когда он штаны снимал, и наконец согласилась, и с соседкой с нижнего этажа, у которой было три груди.

В трёхгрудой соседке, конечно, есть нечто и впрямь фантастическое, но мне и самому жизнь показалась невероятной в прошлом мае. Но не из-за секса.

Я уже понял, что с миром творится что-то не то, – когда некоторые женщины стали рожать машины. Маленькие игрушечные машинки, которые потом вырастали в большие, настоящие запорожцы и мерседесы.

Начались семейные скандалы.

– Ты мне с кем-то изменяешь! Я вообще не умею водить…

– Это не мой ребёнок! От меня не мог родиться какой-то запорожец!

Но некоторые, наоборот, уже открыто намекали жёнам, чтоб они переспали с кем-то стоящим.

– Пожалуйста, если будешь изменять мне, я тебя очень прошу, только с тем, от кого родится крайслер или бентли. Хорошо, милая? Я тебя так люблю.

Вторглись чудеса и в мою жизнь. Я тогда жил с Лаймой – переводчицей. Она знала 116 языков. И даже делала новый перевод «Камасутры» на китайский.

– Зачем им Камасутра! – помню, воскликнул я. – Они же и так размножаются, как кролики.

– Да, но они хотят размножаться красиво, – сказала мне Лайма.

Она переводила мои рассказы на все языки, даже на чукотский. И посылала в разные издательства. Я ждал славы и гонораров. Особенно большая надежда была на чукч. Из издательств приходили одни отказы, – я не понимал, что в них было написано, в этих отказах.

Лайма говорила мне, они пишут, что я слишком интеллектуален для них. Вот уж глупость!

Единственный язык, который я немножко знал, – польский (был когда-то там, – спички – запалки, машина – самоход, и так далее), – и вот я прочёл кое-как отказ из польского издательства.

«Ваш роман про успехи сталеваров в 15-ой пятилетке несколько архаичен, и образы героев излишне выпуклы, а сам сюжет несколько вогнут».

Что за бред?! Какие сталевары? Что там у них выпуклилось и кто там в кого что вогнул?

Лайма плакала. Она хотела мне соврать. Но не смогла.

– Ёжик, дорогой мой, я… посылала во все издательства не твои рассказы, я присылала им от твоего имени старый советский роман про успехи сталеваров.

– Зачем?! Лайма, зачем?! – воскликнул я.

– Ну, Ёжичек – ты такой убогенький в своих рассказах, тебя так жалко становится иногда, до слёз, как юродивого какого-то, как больного ребёнка дебильненького, и я подумала, что выйдут рассказы твои, и они там от жалости к тебе приедут за тобой, или чукча на санках, или француженка какая-нибудь сумасшедшая. И заберут тебя у меня, ёжичек мой дорогой.

Мы страшно разругались тогда, мне не жалко было славы и гонораров, чёрт с ними, страшно было, что любимый человек врёт тебе так же, как и все остальные.

Лайма ушла. Без неё было очень плохо. Как-то неуютно, тоскливо, как-то одиноко было без неё, без Лаймы. Я не мог уснуть без неё, всё ворочался

в кровати. И вдруг услышал в коридоре какой-то шум. Я вскочил, думая, что это вернулась Лайма.

Но чуть не грохнулся в обморок, когда увидел, что происходит.

По коридору шли… мои рукописи. Шли, как люди. Ужас какой-то.

Вот рассказ про кролика и солнце… Куда он топает, мать его! И тут я увидел, что он идёт в ванную, забрался туда, открыл кран… пустил воду… и строчки на листках поплыли…

Второй рассказ… про девушку, в которую влюбился маленький мальчик, болеющий венерической болезнью… пролез, падла, через щель двери – на балкон и рухнул вниз…

Третий рассказ… мой любимый рассказ, про сэконд-хэнд крыльев, этот рассказ, сука, добрался до газовой конфорки и, включив газ, поджёг себя.

АААААААА!!!!!!!!! Мои рассказы не просто расползаются, как тараканы, они кончают с собой!!!!

Они больше не хотят БЫТЬ НАПИСАННЫМИ МНОЮ ИСТОРИЯМИ, их больше не устраивает быть причастными к такому уроду, как я…

Суки…

И всё из-за Лаймы. Это она, наверное, настроила их против меня.

Я ведь тогда вообще зарёкся иметь какие-то отношения. Пошёл в монастырь, да первое, что у меня там спросили – это справку из кожно-венерического диспансера.

– А то заразите ещё кого-нибудь, – объяснили мне.

В монастырь идти расхотелось.

Денег было мало, и я устроился на работу. Работа странная. Страна выполняла план по демографии, и нужны были чёткие показатели, – с точным временем половых актов, фотографиями… Я устроился работать Статистом Секса.

Мне платили по сто рублей за фиксирование каждого полового акта. Никогда я не желал так сильно, чтобы люди трахались как можно больше. Работали все в паре, – чтобы успеть всё зафиксировать.

Мне дали в пару Анелу. Мы ходили с утра до вечера, – и где только не искали совокупляющиеся пары! На остановке кто-то просто целовался, и мы подскакивали к ним и возбужденно кричали:

– Она же такая сексуальная! Возьми её прямо здесь! Это будет круто! А у него, посмотри, как у него всё выпирает! Это будет незабываемо! На остановке! Это лучше, чем на Эйфелевой башне!

Мы врали, конечно, мы не знали, как это – трахаться на Эйфелевой башне. Но мы делали свою работу.

Мы залезали и на помойки, и платили бомжам по 20 рублей из своих

ста за половой акт, у нас оставалось 80, и их можно было спокойно фотографировать.

Если мы видели, как кто-то трахается, мы, крича от радости, подскакивали к ним с блокнотиком и фотоаппаратом…

– Продолжайте, пожалуйста, – говорили мы, – мы вам не помешаем. Только пофотографируем немного.

На работе нам сказали, что если до конца недели мы доберёмся до тысячи половых актов, то нам дадут премию. Неделя подходила к концу. То есть совсем к концу. Оставалось три минуты. Недоставало всего одного полового акта. Но рядом никого не было, – слишком поздний час.

Мы с Анелой посмотрели друг на друга. Чего не сделаешь ради премии…

И ведь то, что началось как работа, потом переросло в настоящую любовь. Мы жили с Анелой в одном доме, спали в одной постели. Мы любили друг друга. Никто не был со мной так нежен, как она. Я отвык от звука будильника, потому что его заменили мне Анелины поцелуи. Казалось, она только и ждёт, когда же наступит утро, чтобы поцеловать меня. Она пела мне колыбельные на ночь. Смешно, но мне это нравилось, у неё был очень красивый и очень нежный голос. Я клал голову ей на колени, и она пела, гладя мои волосы.

Мы любили друг друга. Мне уже наплевать было и на рассказы, и на всё остальное, мне важно было только – чтоб Анела была всегда рядом со мной.

И ведь всё было хорошо, но…

Тот год, тот високосный 2008-ой, мать его, и впрямь был фантастическим!

Я знал, что есть такие особые вирусы, когда ты заходишь на сайт, и твой компьютер оказывается заблокированным, – виндоус больше не запускается, – на экране – одно сообщение – отправь смс на такой-то номер, и мы сообщим тебе код для того, чтобы разблокировать твой компьютер. И это не простое смс, за него надо заплатить уйму денег.

Но компьютер компьютером, а…

В последние дни Анела была чем-то очень раздражена, – никаких колыбельных, никакой нежности и поцелуев по утрам. Я не понимал, что происходит.

И тут – включаю компьютер, и вижу:

– Мы заблокировали нежность твоей женщины. Отправь СМС на номер ЛЮБОВЬ 666, и мы сообщим тебе секретный код.

Ну и бл@дство!

Я вошёл на кухню, хотел что-то сказать Анеле. Но она наорала на меня из-за того, что я, включив чайник, забыл о нём, и он сгорел.

Это была правда, но раньше Анела бы никогда не стала орать на меня из-за какого-то чайника.

Ночью мы легли спать под разными одеялами. Никакой нежности.

Они и правда заблокировали её.

Ладно, блин, мне не жалко никаких денег. Я набрал СМС, – и мне пришло сообщение:

– Мы начинаем разблокировку. Переправьте нам по такому-то адресу 20 процентов своего сердца.

Что за дебильное чувство юмора у этих муд@ков! Какое, к чёрту, сердце?! Как я его переправлю…

Но мне прислали специальную компьютерную программу по программированию сердца и переделке части его в файлы. Нужно было только ещё купить специальные провода. Я переправил. Внутри стало как-то холодней.

Анела в этот день поцеловала меня, обняла нежно, но всё равно это была ещё не та, не моя Анела.

В компьютере появилось сообщение о том, что я должен переправить ещё 30 процентов своего сердца.

Я сделал это.

«Разблокировка проходит успешно. Осталось немного».

И всё уже было хорошо, но мне почему-то так захотелось услышать от Анелы слово «люблю», то самое, нежное, сладостное, единственно важное слово на земле, если его произносят без лжи и притворства, не обманывая ни другого, ни себя…

И ради этого слова я отправил тем муд@кам остатки своего сердца.

– Я так ЛЮБЛЮ тебя, Ёжичек.

Анела целовала меня, шептала нежные слова, расстёгивала пуговицы на моей рубашке, пальцы её страстно ласкали меня.

Но меня это всё раздражало, мне было скучно. Хотелось просто посмотреть телевизор. У меня больше совсем не было сердца.

А потом то же самое произошло и со многими моими друзьями. То же самое.

Я думал о том, кому понадобилось моё сердце. Я знал, что людей, умеющих по-настоящему Любить, похищают и пересаживают их сердца пресытившимся богачам, тоскующим по новым острым ощущениям, а что может быть острее, чем Настоящая Любовь…

Но моё-то сердце было не такое. Оно давно было больно недоверием к миру и людям, оно давно не умело никого любить по-настоящему, заразившись чужой ложью и побывав в грязи предательств.

Оно было грязным и больным, моё сердце. Зачем оно кому-то?

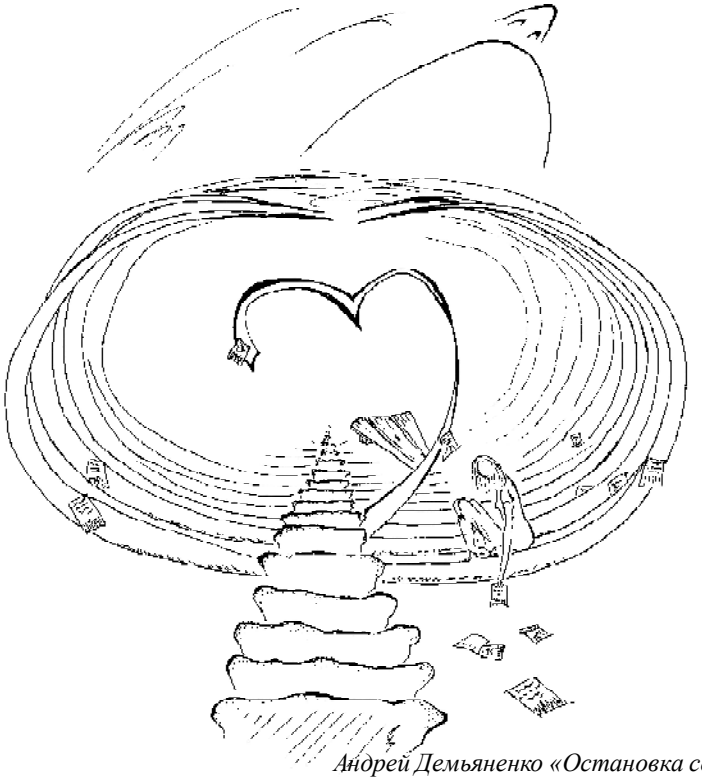
– Ёж! – мне позвонил Макс, – прикинь! Я сейчас из Амстердама! Там хотел оттянуться! Ну, там можно, ты знаешь! Захожу в ресторан, – думал, там секс-пекс, садомазо какое-нибудь, ну типа чего-то там такого, а нет… Думаю, блин, а почему тогда в таком подполье, тайно, если у них всё цивильно? И вдруг меню! А в меню – человеческие сердца. НАСТОЯЩИЕ. Прикинь! И заказывают, деликатес у них считается. Ёж, чего ты молчишь-то, а? Чего замолчал, дружище?

Я молчал. Я думал о том, что если раньше я просто не умел по-настоящему любить, то теперь я и вовсе не могу откликаться на чужую нежность, радоваться тёплым словам и отзываться даже на искреннюю любовь.

И в то время, когда у меня не осталось внутри уже НИЧЕГО, кто-то там заказывает моё сердце, стоящее в меню. Сердце, которое, побывав в чужом кишечнике, превратится в то же самое, во что превращается любая еда.

Я хотел спросить Макса только о том, почём там идут наши сердца.

Но в трубке уже были короткие гудки. Нас разъединили.



Андрей Демьяненко «Остановка сердца»

ОПАСНОЕ МЕСТО

На железных дорогах есть знаки «Начало опасного места», «Конец опасного места»... И в Интернете есть опасные места, где можно подцепить вирус. Да и вообще, при подготовке этого номера редакция пересмотрела огромное количество предостерегающих знаков и пришла к выводу: жизнь – опасная штука! Никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь; споткнулся на ровном месте; знал бы, где упадёшь – соломку бы постелил.
Поэтому мы вводим новую рубрику «Опасное место».

МАРСЕЛЬ МИЛАН

ПРИНЦИП ПИРАМИДЫ

Хочешь телу жить в угоду,
Обращайся к кукловоду.
Душу в рабство заложи,
Проживёшь и без души…

– Всё это чушь! – уверенно отрезал Женя.

– «Чушь» – это не довод, – парировал Аркадий. – Ты у нас известный материалист, докажи, поставь эксперимент!

Женя задумался. Разговор был пустой, но проблема была обозначена. Я с улыбкой следил за спором коллег, и в течение диспута поочерёдно поддерживал то одного, то другого, сам тогда не ведая, к чему, в конце концов, это приведёт. Тема, поднятая в курилке НИИ, была что ни на есть абстрактная: потусторонние силы, а физикам в конце рабочего дня просто делать было нечего. Точнее, дело-то было, да только не шло. Вот и нашли тему для разрядки.

– Поставь эксперимент,– язвительно передразнил Аркадия Женя.– А исходные данные?

– А ты литературу соответствующую почитай, – ухмыльнулся Аркадий.– Начни, например, с «Фауста».

– Нет, – вставил я. – Классик здесь ни причём, лучше по книжным рынкам пройдись, там наверняка найдёшь то, что тебе надо.

При этих словах я намеренно сделал очень серьёзное лицо. Женя нахмурился, а я готов был расхохотаться. Мы с Аркадием загнали коллегу в угол, и оба наблюдали его внутреннюю борьбу с самим собой. Как ему не хотелось сейчас отступать, было понятно только нам. Сомнения, сомнения, сомнения и… Женя решается:

– Докажу!

– Если получишь отрицательный результат, ставлю пиво! – Уверенно заявляет Аркадий.

Мы с Аркадием ни словом не напоминали Жене о его обещании. Подталкивать коллегу и друга к действию по пустяковому поводу никто из нас не собирался. Однако Женя, как стало видно впоследствии, воспринял всё всерьёз.

Прошло около трёх недель. Во вторник утром Евгений пришёл на работу мрачный и задумчивый. Мы с Аркадием к нему с расспросами не приставали, мало ли, что у человека случилось, захочет, сам расскажет. Так и произошло. В обеденный перерыв, после буфета, в той же самой курилке.

– Эксперимент завершён… – Женя начал именно с этих слов. Мы с Аркадием нё произнесли ни звука, ожидая подробностей.

Женя немного помолчал, потом достал из кармана свёрнутый лист газеты, развернул в нужном месте и протянул мне.

Это была полоса объявлений. Женино объявление было обведено чёрным фломастером. Я прочёл текст вслух:

– «Заложу душу за богатство. Женя. Звонить после восьми вечера. Посредников просьба не беспокоить». И номер сотового телефона. Стиль объявления был шутливым. Я поспешил улыбнуться. Как оказалось впоследствии, весьма напрасно. Аркадий произнёс одобрительно:

– Очень умный ход, обратиться к дьяволу напрямую, через средства массовой информации.

Было ясно, что Аркадий, как и я, в ту минуту ещё не представлял себе, что всё окажется настолько серьёзно.

На слова Аркадия Женя отреагировал зло:

– Что, смешно?

– Хм, – прочувствовав интонацию друга, посерьёзнел Аркадий. – Рассказывай, что стряслось.

Женя поочерёдно посмотрел на нас, определяя, готовы ли мы реагировать адекватно, и, видимо, удовлетворённый нашими ответными взглядами, начал говорить в ускоренном темпе.

– После того, как я дал объявление, было два звонка. Сначала звонил какой-то ненормальный. Откажись, мол, от затеи, не ведаешь, что творишь, и всё в таком же духе за спасение бессмертной души. Я, конечно, трубку-то выключил. Второй звонок через день.

Спрашивает вежливо:

– Женя?

Отвечаю, мол, он самый. Спрашивает:

– Объявление о закладе давали?

Отвечаю:

– Да.

Спрашивает:

– Не передумали?

Я стою на своём. А мне в ответ:

– Договорились, – и отключается.

Женя прерывает монолог.

– Ну, пока ничего страшного, – замечаю я, и хочу продолжить свою мысль по этому поводу, но Женя живо перебивает:

– Что? Ничего страшного? – и тут же, повышает голос до крика:

– А двадцать миллионов долларов, это тебе как?

Я раскрываю рот. Аркадий округляет глаза:

– Какие двадцать миллионов?

Женя, сосредоточенно не пропуская деталей:

– Вчера, часов в восемь вечера звонок в дверь. Два «пиджака», улыбки до ушей: «Мы из адвокатской конторы, вы Евгений Павлович Маслов? У нас радостная весть, ваш двоюродный дядя в Австралии преставился, вам денежку завещал, будьте добры вступить в наследство. Тут распишитесь и тут, поздравляем, вот наша визитная карточка, всегда к вашим услугам, будем рады иметь вас своим клиентом, извините», десять поклонов, до свидания. Я остался с бумагами, владелец двадцатимиллионного состояния. Что скажете, коллеги?

У меня в голове, кроме глупого ответа «совпадение…» ничего не родилось, озвучивать это я, конечно, не стал, а перевёл взгляд на Аркадия, самого авторитетного из нас троих. Судя по всему, у самого талантливого из нас идей тоже не было, потому что Аркадий уставился в пол и погрузился в молчаливо-угрюмое состояние.

Нужно было ликвидировать паузу, и я влез, успокаивая Женю:

– Давай посмотрим на ситуацию с другой стороны. Ты теперь чертовски

богат и можешь позволить себе всё, что угодно, час расплаты, видимо, ещё далеко, так что наслаждайся пока, со временем что-нибудь придумаем. Видимо, мои слова до адресата дошли в каком-то другом смысле. Он вдруг махнул на нас рукой, посчитав, что мы его просто бросили в беде и, не прощаясь, покинул не только курилку, но и, как в последствии оказалось, институт. С того момента мы его не видели. Ходили слухи разные, но доподлинно известно стало только то, что Женя уехал из России.

У нас с Аркадием иногда возникали разговоры про Женю, рассуждения сводились лишь к тому, что помочь в его положении мы были не в силах. Чувство вины нас не покидало.

Прошло два года. Был юбилей у одного из наших сотрудников, и нас с Аркадием пригласили в ресторан. Всё шло своим чередом. Чествовали юбиляра, выпивали за здравие. В общем, мы с Аркадием приняли достаточно прилично. Вот в этот момент к нам подсел мужичок, не знаю, как его описать по-другому, в общем, мужичок и всё. Как водится, предложил тост за юбиляра. Налили, выпили.

Мужичок рассуждать стал так здраво, да всё за философию, да так красиво и складно, что и я, и Аркадий чуть не прослезились. И как ловко-то мужичок тему под дружбу-то подвёл, как платформу под материализм. Что у меня чувство вины с новой силой поднялось, Женю сразу вспомнил. Смотрю на Аркадия и чувствую, что он о том же думает: мол, виноваты мы перед другом и всё тут. А мужичок, зараза, тему-то всё ведёт и ведёт, как будто всё про нас знает, а потом вдруг возьми и спроси у Аркадия, да как бы невзначай:

– А вот лично вы, Аркадий, чем готовы пожертвовать ради друга?

Аркадий, с пьяного глаза не колеблясь ни секунды:

– Всем!

Тогда мужичок, переводя взгляд на меня, очень строго произносит:

– А вот ваш друг, наверное, жертвовать всем не стал бы.

Меня от обиды чуть не распёрло, и я, как надутый индюк, забубнил:

– Да я за друга готов всё отдать!

Мужичок, не давая нам опомниться, быстро спрашивает:

– Уверены? Не передумаете?

Мы, два барана, мотаем головами.

Тогда мужичок, явно довольный собой, произносит:

– ДОГОВОРИЛИСЬ! – и затем сразу смотрит на часы, потом делает вид, что вспоминает о чём-то важном. Быстро откланивается, оставляя нас в полном недоумении.

Утром следующего дня я опоздал к началу рабочего часа больше чем на сорок минут. Безобразное отношение к своему организму непрерывно

давало о себе знать. Сказать, что меня подташнивало, это не сказать практически ничего.

Аркадий ответил на моё приветствие пристальным молчаливым взглядом, затем протянул мне исписанный лист:

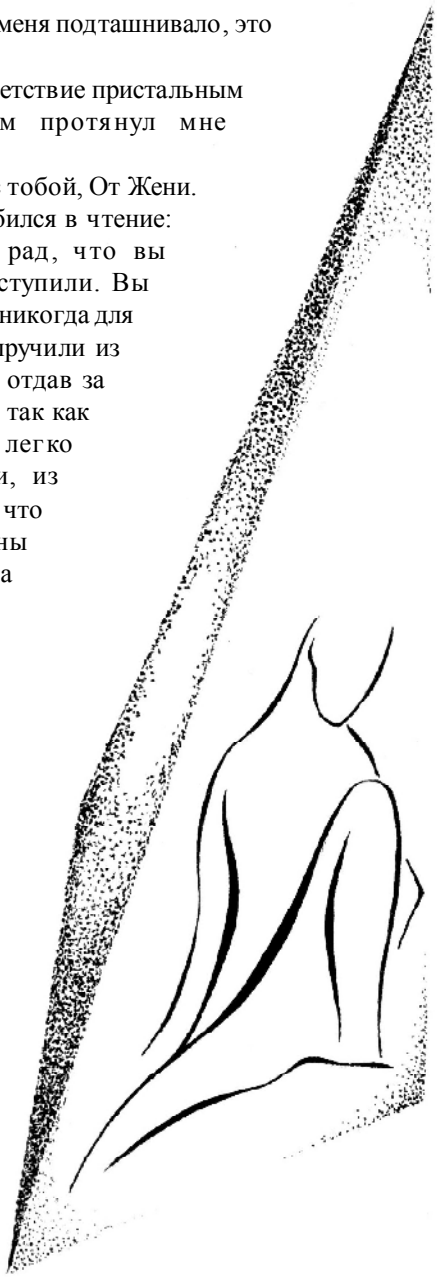
– Вот, сегодня получил, нам с тобой, От Жени.

Я развернул послание и углубился в чтение:

«Дорогие мои друзья! Я рад, что вы поступили именно так, как поступили. Вы сделали для меня то, чего никто и никогда для меня не сделал бы, а именно, выручили из заклада мою бессмертную душу, отдав за неё свои. Я не переживаю за вас, так как уверен на все сто, что вы легко выпутаетесь из той ситуации, из которой выручили меня. Помните, что за каждого из вас должны пожертвовать двое. Спасибо за дружбу! Ваш Женя».

Я перевёл взгляд на Аркадия. Тот мрачно подытожил:

– ПРИНЦИП ПИРАМИДЫ…



Андрей Демьяненко «Пирамида»

БАБКИНА МАРИЯ

Когда заканчивается время, отпущенное тебе,
И последний луч солнца гаснет на западной стороне,
И уже нельзя сказать: утро вечера мудреней,
И уже нельзя перевести часы,
Ты приходишь в себя… А в тебе ни холодно, ни горячо,
А в тебе не плачут и не поют.
Да хотя бы в тебе на тебя же пошли с мечом!
Да хотя бы тебя в тебе повели на суд!
Да хотя бы в тебе тебя на верёвке бы повели.
Да хотя бы в тебе по тебе кто помин прочёл.
А ведь так – что ж ты метил-то в короли?
Ты же сам в себе, как ничто ни в чём!
У тебя было множество разных имён!
Но ни одно имя не было у тебя твоим.
Но под каким именем время тебя возьмёт,
Им прекращённый, ты вечно начнёшься им.

Если выход отсюда приравнивается к Канатчикам,
А вход сюда говорит о высоком IQ,
Я с честью буду носить больничный халат и тапочки
И с честью буду приравниваться к нулю.

Глупо, конечно, приравнивать свой уход к Апокалипсису.
Живите, господа, продолжайте ваш променад.
Но, смотрите, господа: я – точка, и я себя просто выкалываю
Из вашей системы координат.

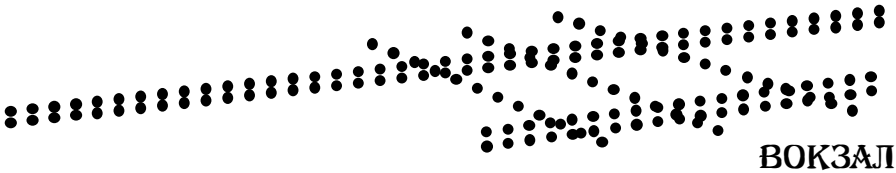
ВОКЗАЛ

Этот мир не знает светотеней, он не ставит точек над i.
Здесь плевел не отличим от пшеницы, а в тверди много воды,
Здесь поплачут с тобой, здесь с тобой посидят в ночи
Беспощадные жертвы, кроткие палачи,

Здесь на танец идут, печатая шаг, на подвиг бегут в мешке,
Здесь не торгуют в храме, здесь молятся на торжке,
А истин здесь так много, что они экспортируемый товар,
И ты несёшь сюда истину, как в Тулу свой самовар.

Ты воздвигнешь крест, они рядом поставят ноль,
Они скажут: ты выиграл, идём с нами пить вино,
И вот ты уже не знаешь, может быть, ты не прав,
Может быть, ты лев, а может быть, ты жираф.

А с древних икон, мерцая, как бы из облаков,
Смотрят поднявшиеся выше времён, веков,
Смотрят они, успевшие
во время выйти вон,
Льётся их плач, как колокол, как погребальный звон.



В машинном отделении, как обычно, авторы приоткрывают секреты разных специальностей. Макс и Дэн Стояловы расскажут о человеке, создавшем новую операционную систему, Евгений Капустин знает секретные слова, используемые очень многими специалистами, Татьяна Томах осветит новые грани художников и новые причины, побуждающие создавать тёмные картины на пути к свету, Александр Рыжков знает, как создаются компьютерные игры и как компьютерные игры создают своих игроков.

МАКС СТОЯЛОВ, ДЭН СТОЯЛОВ

ПАМЯТЬ НА ЛИНИЯХ ЗАДЕРЖКИ

Утро было сырым и холодным, как, впрочем, и вся сотня таких же промозглых и бесконечно долгих осенних дней. Заволоченное рваными тучами небо хмурилось и, наверное, с минуты на минуту должен был пойти дождь.

Казалось, это девятиэтажное здание стояло уже не первое десятилетие. Жители дома расходились по делам, и потому к 9 часам дом оказывался практически пуст. Только в сороковой квартире 3D-художник Фёдор Матросов с ночи сидел за компьютером, зависая в чате.

На дисплее ярко высвечивался текст:

– Тебя когда отсюда наконец-то вынесет?

– Когда наступит электронный поток...

Но всё-таки жизнь, пусть и не такая бурная, продолжалась: то шмыгнёт из угла в угол облезлая мышь, то по потолку быстро-быстро прошаркают глухие шаги. Иногда из квартиры выше этажом слышался вкрадчивый голос, о чём-то приглушённо толкующий. Фёдор не знал, кто его новые соседи сверху, да и не стремился узнать.

Но ему казалось, что он остался здесь один, в этом мрачном опустевшем доме, – совершенно один в холодном, пронизанном осенними ветрами мире, наедине, в конце концов, со своими мыслями и самим собой.

Возможно, это была депрессия. Фёдор не отрицал, но и не хотел признавать, что его разум был изрядно загуманен тенью одиночества, быть может, даже отшельничества. Он с удивлением чувствовал странную пустоту внутри себя.

Столь неожиданно кто-то позвонил в дверь. Фёдор вышел из чата и лениво поднялся.

Это был его друг Василий Лиманов, администратор компьютерных сетей. Тот сразу разместился на диване Фёдора с дежурным вопросом:

– Ну, рассказывай, как дела?

– Зубрил принципы Неймана.

– Двоичные системы исчисления, программные управления, однородность памяти, адресуемость памяти, условный переход.

– Да…

– Врёшь, небось, просидел всю ночь в чате!

– Да ты что!.. А ты у нас из числа проницательных.

– А как же! Слышь, а ты слышал насчёт памяти на линиях задержки?

– Это что-то менее дорогостоящее и гораздо более надёжное, чем триггеры из вакуумных ламп, и более быстрое, чем реле с самоудержанием, иначе именуемые реле-защелки?

– Да!

– Нет, не слышал. Ладно, я сейчас иду делать пробежку, если хочешь, можешь в сетевые игры поиграть.

Фёдору просто не хотелось сейчас ни с кем разговаривать. Тем более – просиживать перед дисплеем, который «отображает буквенную, цифровую или графическую информацию».

Другое дело – резистивные проекционно-ёмкостные сенсорно-сканирующие поверхностно-ёмкостные дисплеи на поверхностно-акустических волнах.

Фёдор переоделся в спортивный костюм, натянул почти новые кроссовки и выбежал из дома. Он бежал, бежал, бежал… Понимая, что бежит от собственного одиночества, от никчёмной, неудавшейся жизни. Пот струился в глаза, ноги наливались свинцовой тяжестью, непривыкшие к таким нагрузкам лёгкие разрывались от нехватки воздуха. Тело хотело остановиться, упасть, но внутренний голос приказывал: «Бежать!». И он продолжал бежать, бежать через силу, не смотря ни на что, бежать от самого себя…

Потеряв чувство реальности, Фёдор не знал, сколько километров пробежал. Может, двадцать, может, сорок. Он бежал, чтобы загнать себя.

Вдруг почувствовал резкую острую боль в груди, в глазах потемнело. По инерции Фёдор сделал ещё несколько шагов и упал на дорогу. Его сердце разорвалось в клочья. Теряя сознание, словно сквозь толщу воды, он услышал взволнованный женский голос:

– Мужчина, что с вами?..

В следующее мгновение голос изменился, стал чётким:

– Здравствуйте, я ваш проводник в «Вечную Жизнь Разума». Вы только что закончили телесный путь, скончавшись от аневриии аорты.

Голос у невидимого проводника был мягкий, женский, приятный, как у его матери.

– Так, значит, это и есть тот свет? – спросил он в пустоту и, не дождавшись ответа, добавил, – А вы, наверное, мой ангел-хранитель или паромщик Харон через реку Стикс? Интересно, мне действительно придётся пить из неё воду, чтобы забыть прошлую жизнь?

– Нет, – заговорил голос уже загробным басом, от которого у Фёдора побежали мурашки по всему телу. – Всё гораздо прозаичнее. Вы по ментальным показателям достаточно развиты, чтобы осознать истину прямо сейчас. Мы – Абсолютный Вселенский Разум. Мы – форма интеллекта, достигшая наивысшей точки развития. По Кодексу, принятому три цикла назад, мы сохраняем разум мыслящим существам, предлагая им практически вечное существование с возможностями умственного и духовного развития.

Голос умолк. Переведя дух от жути, нагнанной загробным голосом лодочника Хорона, Фёдор из непонятного озорства представил себе голос любимого мультипликационного персонажа Вини Пуха.

– И каким образом вы это делаете? – поинтересовался он.

– В момент, предшествующий началу угасания функций мозга, – Фёдор чуть было не покатился со смеху, услышав скрипучий голосок сказочного медведя, – производится полное автоматическое сканирование сознания: дублируется вся содержащаяся в мозгу информация, взаимосвязи, индивидуальности и потенциальные возможности умирающего интеллекта.

– Значит, вы меня записали, как программу на «флэшку»? – подытожил Фёдор и представил телеведущую программы «Самый умный» Тину Канделаки.

– У вас хорошее образное восприятие. Да, всё примерно так, только «флэшка», как вы выразились, – это энергоструктурированная полиматрица с быстродействием мыслительных процессов, адекватным вашим потенциальным ментальным способностям на момент пика вашего развития, – за секунду немыслимой скороговоркой, обгоняющей скорость восприятия мозга, выдал невидимый собеседник голосом Канделаки и опять замолчал.

– И что со мной будет?

– Это зависит только от вас!

– Как это?

– Вы одни в той жизни, вы умирали от одиночества, а ваши друзья вам надоели. Из-за этого вы здесь. Но у вас есть возможность вернуться.

– Я не Фауст, я Фёдор.

– Ну и что? Каждому человеку даётся один шанс вернуться обратно! Если он захочет!

Фёдор вспомнил, что у него дома остался друг Василий, и сказал:

– Ладно. Давай обратно.

За прошедшие с того дня годы было сделано так много… Такого количества разочаровывающих ошибок и невероятных побед Фёдор не мог припомнить в предыдущей жизни. Одна только «супероперационка» какой кровью далась, но ведь далась!

Фёдор отмахнулся от воспоминаний и закинул ноги на стол, устраиваясь в кресле поудобнее. Он покусывал кончик прозрачной гелевой ручки и размышлял.

«Ну, допустим, вживление порта внешней памяти станет стандартной операцией, не выявится каких-либо индивидуальных особенностей – это большой плюс. Ведь операция вживления должна быть потоковой, стандартной – не сложнее, чем аппендикс удалить, только с реабилитационным периодом несколько часов, а не суток. А вот с какого возраста? С совершеннолетия? Нормально, логично… Зато сколько нужных, но пока что сложных знаний можно будет «закачать» в головы школьников при наличии у них портов!»

Фёдор поднялся из кресла и взволнованно заходил по кабинету…

Если можно закачать – а свежеразработанная и готовая к опытам на людях операционная система «Орион 2.7» это позволяет – то можно ведь и… Да, можно не только закачать, но и вернуть умерших…

Фёдор помотал головой, словно отгоняя от себя фантастическую по своей наглости и наглую в своей фантастичности мысль.

Приспособить операционку для работы с памятью на линиях задержки он сможет – несколько месяцев работы, и всё. Надо только знать, что, откуда и куда именно скачивать…

Надо бы привлечь «мозговедов»… Фёдор снова улыбнулся, вспомнив, как морщились от этого слова нейрохирурги, получившие «под проект» дополнительные средства и научные специализации. Ну что ж… Отлично! Пусть это будет неким над проектом, о котором будет известно ооооочень немногим…

Фёдор потянулся к телефонной трубке, поднял её, на мгновение задержав в воздухе, и решительно опустил обратно на базу. Нет, никаких «звонков другу». Об этом он никому не скажет. Знают двое – знает и свинья. Это будет его личным проектом, который он назовет «Харон»…

Фёдор стал миллиардером с обычными для этого статуса атрибутами: семья, красивый дом, яхта и роскошный автомобиль.

– А знаешь, Вася, – он побарабанил пальцами по опустевшему бокалу, – если бы скачивать сознание в память было возможно, то мы могли бы дать людям вторую жизнь…

– Да, могли бы, – усмехнулся Вася, разливая остатки коньяка по пузатым бокалам, – проблема лишь в том, Вить, что это невозможно. Нельзя создать программу, которая залезет в подсознание. И в память человека залезть тоже не получается. А если невозможно залезть, то невозможно и записать… Утопия это… просто гимнастика для наших мозгов и не более того…

– Не уверен…

Свет многочисленных софитов, навезённых аккредитованными телевизионщиками, превратил большой конференц-зал во что-то среднее между киносъёмочной площадкой и турецкой баней. В загустевшем от жара и смеси непонятных запахов воздухе наблюдалась поистине пустынная рябь. Казалось, ещё немного, и собравшимся начнут являться классические миражи с фонтанами и гуриями. Несмотря на это, голова у Фёдора была ясна как никогда. С каждой своей фразой в ходе презентации новейшей операционной системы «Орион 2.7» он всё ярче и яснее представлял, что и как должен сделать, чтобы осуществить свой проект.

Неожиданно Фёдор почувствовал боль в груди, почему-то вспомнил мать, а в следующее мгновение услышал голос:

– Да, Фёдор, дорогой, это конец! – голос был удивительно похож на голос его матери.

Президент крупнейшей в мире компьютерной компании умер от сердечного приступа в возрасте шестидесяти лет.

Журналисты торопливо фотографировали смерть молодого миллиардера.

На лице Фёдора застыла таинственная улыбка человека, знающего то, чего не знает никто в мире…

ЕВГЕНИЙ КАЛУСТИН

СЛОВО ИЗ ТРЁХ БУКВ

Тест на профессионализм и испорченность.

Отвечайте быстро, не задумываясь!

*Назовите слово из трёх букв, первая – «**Х**»!*
Что скажет настоящий знаток своего дела:
Певец – ХИТ
Композитор – ХОР
Шахматист – ХОД
Боксёр – ХУК
Парикмахер – ХНА
Повар – ХЕК
Историк – ХАН
Критик – ХАМ
Собаковод – ХИН
Нацист – ХАЧ
Панк – ХОЙ
Компьютерщик – ХАБ
Сотрудник МЧС – ХБЗ
Вариантов много. А вы что назвали?

ТАТЬЯНА ТОМАХ

ОТРАВЛЕННЫЕ ЛАБИРИНТЫ

– Это что? – осторожно спросила Люба, опасаясь обидеть подругу.

– А ты как думаешь?

– Ну... может, цветы?

– Да? – удивилась Аська. Подняла холст на вытянутых руках, прищурилась, повернула картину набок, хмыкнула.

– Знаешь, – медленно протянула она, продолжая с интересом разглядывать сумбурное переплетение разноцветных нитей и красных пятен, как будто сама увидела картину в первый раз. – Прелесть этих штук в том, что каждый может увидеть в них что-то своё.

– Да, это м-м... преимущество, – вежливо согласилась Любка. Подруга покосилась на неё с непонятным выражением.

– У меня тут иностранец недавно картину купил. Пищал просто от восторга. Говорит, натурально, моя мать в законе. Мол, ей и подарю.

– Кто в законе? – переспросила Любка. – Это как бы вор, что ли?

Аська расхохоталась.

– Хуже, – сквозь смех ответила она. – Это у нас вор в законе – главный в тюрьме. А у них – мать в законе, главный в тюрьме законного брака. Тёща, то есть. А картина, знаешь, как называлась?

– Ну?

– Змея, пожирающая солнце.

– Ого.

– Вот я и говорю. Ну я не стала, конечно, ему название говорить. Тёща, так тёща. Может, у них там вполне приличные с виду отношения. А свои истинные чувства мужик сублимирует в таких подарочках. Типа – нате вам, мамо, ещё один ваш портретик. И всем счастье. Тёще – потому что внимание от зятя, а ему – что нашёл выход своим эмоциям. Главное тут – вещи своими именами не называть, чтоб никого не обидеть. Может, его мать в законе в этой картине тоже цветочки увидит, а не змею. Как ты.

– Умная ты, Аська, – улыбнулась Люба.

– Я не умная, я опытная.

– В чём это у тебя опыт?

– Вот в этом самом, – Аська усмехнулась. – В сублимации истинных чувств.

Она поставила картину с красными пятнами и путаными линиями на пол, возле стенки. Отступила, полюбовалась.

– Ну, а эта как называется? – спросила Люба.

Аська задумалась. Потом тихо сказала:

– Сердце на ладони.

– А где тут сердце? – прищурилась Любка.

– Вот. Видишь, оно всегда так.

– Что?

– Сердце всегда трудно разглядеть. А ведь даже редко кто и пытается... Мужчин интересует смазливое личико, ноги от ушей и всё такое прочее. Женщин, как правило – пухлый кошелёк и мозги...

– Ну, это, кстати, у мужиков понятия взаимосвязанные...

– Не скажи. Но вот к сердцу ни то, ни другое отношения не имеет. И кому оно нужно? От него только проблемы всегда, – Аська вздохнула. Любка помолчала и вздохнула тоже, соглашаясь.

– Ну, ладно, а рука где?

– Рука? А. Вот, видишь, здесь – пальцы в крови...

– Ужас какой, Аська!

– А ты что думаешь? Если сердце на ладони – значит, оно из человека вынуто. Значит, истекает кровью. Никакого ужаса, наоборот, очень позитивно. Если болит и истекает кровью – значит, оно ещё пока живое.

– Хорошенький у тебя позитив... А вокруг что за линии?

– Лабиринт.

– Это тоже позитивно?

– Не совсем. Потому что, скорее всего, у него нет выхода. Тут, Любочка, знаешь, всё зависит от руки, на которой лежит сердце.

Аська склонила голову, задумчиво вглядываясь в картину.

– Как это? – удивилась Любка.

– Ну, это может быть рука убийцы. Или рука врача.

@

Сначала они пили апельсиновый сок с мартини, потом – мартини с апельсиновым соком.

– Мне ещё за детьми ехать, – пыталась протестовать Люба.

– Не лишай потомков полноценного общения с бабушкой. И вообще, ты ко мне раз в полгода выбираешься, – возмутилась Аська и пошла за коньяком. Едва не заблудившись в собственной квартире – паркет то вздыбливался, то скользил под ногами, и через некоторое время стал подозрительно напоминать зыбкие линии лабиринта, из которого нет выхода – она всё-таки вернулась с добычей.

Они болтали о живописи и мужьях (в этих вопросах у Любы были исключительно теоретические знания), о детях и музыке (тут теоретиком была

Аська), вспоминали детство и юность, смеялись, пили маленькими глотками душистый коньяк, ломали крупными кусками чёрный горький шоколад.

– Думаешь, мои картины – барахло? – спросила Аська. – Ну, честно?

– Я в этом не понимаю, Ась.

Они одновременно посмотрели на путаный клубок линий и алых пятен, которые, по Аськиному мнению, слагали вырванное из груди сердце.

– Но тебе не нравится?

– Не нравится, – честно призналась Люба. – Знаешь, я очень была рада, что ты начала их рисовать, когда, ну...

– Когда мы развелись с Костиком.

– Да. Знаешь, я за тебя тогда боялась. Что ты с ума сойдешь. Или из окна выкинешься. Ты такая была...

– Да, – согласилась Аська. Задумалась. – Я сама боялась. Ты права, меня эти картины спасли. Не помню, как я додумалась их рисовать. Я ведь уже почти не соображала тогда. Просто умирала. Если б не ты... А потом эти картины. Понимаешь, рисую, и будто не краски на холст выкладываю, а тоску и отчаяние из себя вынимаю. Я тогда даже дышать нормально не могла – утонула в тоске по самую макушку.

– Аська...

– А?

– Так ведь пять лет уже прошло. Сейчас-то всё хорошо? И с Костиком всё хорошо? Ты говоришь, он такой заботливый, внимательный и вообще.

– Вообще – да.

– И замуж за него ты ведь не зря второй раз вышла? Ты ведь говоришь, сейчас всё ещё лучше, чем раньше?

– В этом-то всё и дело, – мрачно сказала Аська и плеснула себе ещё коньяка.

– В чём?

– В этом поганом словечке «чем», – Аська жадно глотнула из бокала, закашлялась, зажмурилась, смаргивая слёзы. Бросила в рот крупный кусок шоколада.

– Я мечтала, – невнятно пробормотала она, разжёвывая шоколад и не открывая глаз. – Я так мечтала, чтобы всё было, как раньше. Знаешь, мне снились все эти лабиринты, сотни сотен лабиринтов, в которых я бродила и пыталась найти дорогу назад. В наше прежнее счастье. Такой, знаешь, маленький поворот, который мы с Костиком проскочили где-то по дороге к нашему чёртовому сегодня. Какой-то пустяк, камешек в туфле, выбоина на дороге – и опа, мы не вовремя отвлеклись и повернули не туда. Потом я рисовала эти лабиринты. Мне казалось, если во сне или наяву я сумею найти этот поворот – мы сможем вернуться. На ту пропущенную развилку.

И повернуть на этот раз правильно. Я хотела, чтобы всё было, как раньше. Не «лучше, чем». А «как». Потому что, когда в одном становится лучше, в чём-то другом – хуже. Закон сохранения гармонии. – Аська всхлипнула.

– Асенька, ну это же...

– Невозможно? – Аська открыла глаза – блестящие и отчаянные.

– Да, – вздохнула Люба. – Выбирайся из этих своих лабиринтов. А?

– Не могу. Знаешь вот, каждый год с тех пор двадцать третьего марта всё начинается сначала. Мне как шило в сердце вонзают. Я смотрю на его плащ на вешалке и думаю – сейчас он упадёт, а из кармана выскользнет эта открытка. Я подниму её и прочитаю: «Спасибо тебе за твою нежность, котёнок». И сначала не пойму, буду смотреть, как эти буквы валятся в разные стороны и разбегаются, как живые. А потом я пойму, но не поверю, и так и просижу до вечера с этой открыткой в руках и шилом в сердце. Потому что больно дышать и двигаться. И ещё страшно. Потому что шевельнёшься, пустишь понимание чуточку дальше – и всё посыплется. Как карточный домик – вся наша счастливая жизнь. А потом придёт Костик, испугается, попробует вынуть шило, удержать домик, но сделает ещё хуже...

– Аська, а может, его просто выкинуть?

– Кого? Костика?

– Нет, плащ. Раз у тебя так всё с него вспоминается...

Аська хмыкнула.

– Или Костика, – серьёзно добавила Люба. – Если иначе никак. Ну, зачем это тебе? Эти лабиринты, из которых нет выхода? – Люба махнула рукой на картину, тревожно мерцающую алым возле стены.

– Значит, мне надо, – упрямо ответила Аська. Вздохнула. – Я вообще думала, зачем.

– Ну?

– Это вроде противоядия. Знаешь, люди, которых могли отравить, приучали свой организм к яду. Принимали в терапевтических дозах. Зато потом смертельная доза их не убивала. Когда живёшь с человеком, который тебя однажды предал, нужно понимать, что он может предать тебя снова. Это понимание – та самая терапевтическая доза яда. И воспоминание о его предательстве – тоже. Это больно – зато следующее его предательство тебя не убьёт.

– Аська... – Люба с болью смотрела на измученное лицо подруги – испуганные глаза, напряжённо сжатые губы... «Асенька – захотелось сказать ей – Асенька, вспомни, какая ты была: весёлая, юная, смелая... Ты так открыто улыбалась, ты любила жизнь и людей, доверяла им; так искренне радовалась каждому новому дню... Где ты, Аська?» Она проглотила комок, застрявший в горле.

– Асенька, – осторожно сказала Люба, – может, это мудро... то есть, предусмотрительно... Но ты не боишься не рассчитать с этой своей дозой яда? И вообще, ты думаешь, есть на свете что-то, ради чего стоит вот так травить саму себя?

– А что мне делать? – Она смотрела на подругу с отчаянием и надеждой.

Люба вдруг подумала – вот она, настоящая Аська, которая потерялась где-то в своих нарисованных лабиринтах и никак не может найти выход. А теперь иногда выглядывает на секунду и спрашивает беспомощным голосом: «Что мне делать?»...

– Асенька, – мягко сказала Люба и взяла подругу за руку, сжав легонько дрожащие холодные пальцы.

Та всхлипнула.

«Я бы тебя вывела из этих лабиринтов, – подумала Люба, чувствуя, что сейчас расплачется тоже. – Если б сама знала дорогу...»

– Асенька, ну, может, тебе просто перестать рисовать эти лабиринты, из которых нет выхода? А? Ты ведь сама их рисуешь, понимаешь?

@

Через пару недель, туманно извещённая о кончине «общего приятеля», Люба спешно приехала к подруге.

Аська сияла и напевала, гуляя по изрядно опустевшей квартире.

– Костик? – ахнула Люба, отметив, что из квартиры исчезли все вещи Аськиного мужа.

– Плащ, – ответила подруга. – Я изрезала его на тонкие ленточки.

– А Костик?

– Не понял, – Аська пожала плечами. – Так это неважно. Я поняла.

– Что?

– Там в самом деле нет выхода, в этих лабиринтах. Я пыталась вернуться туда, куда вернуться невозможно. И дело не во времени. Даже если бы я придумала какой-нибудь невероятный способ вернуться – ну вроде машины времени – невозможно.

– Почему?

– Потому что я сама уже другая. Не Та, которая верила Костику и знала, что он никогда не предаст. Это для Неё была возможна наша прежняя жизнь. Но не для меня. Я очень хотела туда вернуться, но не подумала, что мне там места нет. Потому что это не я там была счастлива, а Она. Понимаешь?

– Примерно, – с некоторой тревогой ответила Люба. – Отдаёт шизофреническими мотивами, но в целом верно. И ты, наконец, по-настоящему улыбаешься. Это самая хорошая новость.

– Ещё я подумала – про терапевтические дозы яда. Помнишь?

– Ещё бы. Жуть.

– Я подумала, тут дело даже не в количестве. Бывают ведь такие яды, которые накапливаются в организме. Постепенно. А потом его убивают. Откуда я знаю, какого сорта этот яд?

– Думаю, он как раз этого сорта, Ась, – серьёзно кивнула Любка.

– Обида и отчаяние?

– Они. Накапливаются в организме. Особенно, если принимать регулярно.

– Ты говоришь, как специалист.

– Ни в коем случае! – Любка улыбнулась – Я вот в прошлый раз испугалась, что ты решила стать специалистом в этой области.

– Ядов или отчаяния?

– А какая разница?

– Наверное, никакой. Я не буду. Не хочу, – Аська улыбнулась. – Я подумала: так отвратительно – быть отравителем. Даже самой себя. А знаешь, у меня для тебя есть подарок.

Аська выбежала из комнаты. Через несколько минут она вернулась, прижимая к себе картину.

– Не смотри, не смотри пока. Сейчас я поставлю и разверну. Надо на уровне глаз.

На холсте были нарисованы ромашки. Охапка маленьких ярко-жёлтых солнц, окружённых сиянием белых лепестков. И на этот раз на картине не было ни одной змеи, которая пыталась бы проглотить эти солнца и лишить мир света.

– Конечно, не Ван Гог... И, в общем, даже не подсолнухи... И у меня совсем нет опыта в рисовании цветов...

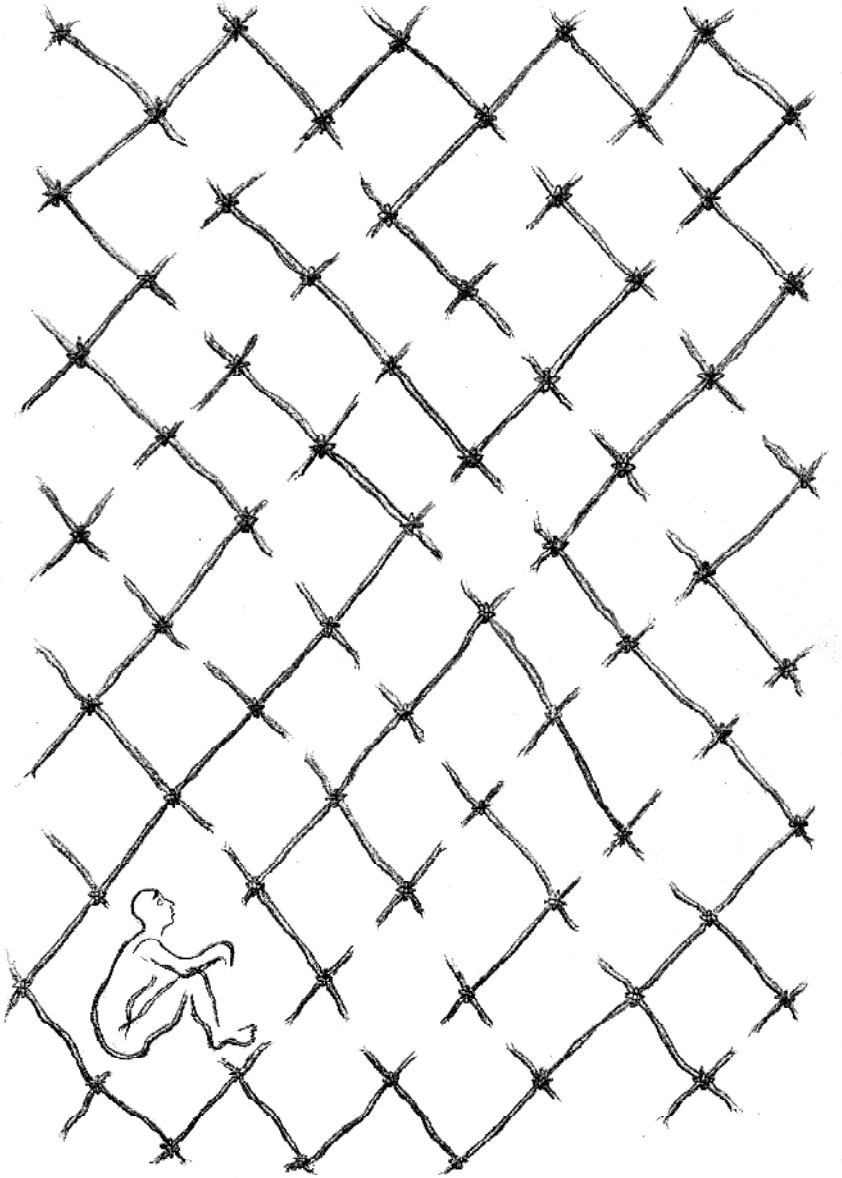
– Мне нравится, – перебила её Люба.

– Правда? – Аська заулыбалась.

– Очень. Аська, не рисуй больше эти страшные отравленные лабиринты. Пожалуйста. Ты ведь умеешь... ну, смотри, какое чудо, – Горло у Любы перехватило, она запнулась и замолчала.

Люба заворожённо смотрела на букет маленьких солнц, сияние которых будто осветило и сумрачную полупустую комнату, и пасмурный сегодняшний день, и день завтрашний, в котором раньше виделась та же темнота и тяжесть, что и в прошлых одинаковых днях...

– Знаешь, – сказала Аська, – я подумала, какие цветы ты могла тогда увидеть в той моей страшной картине... А еще я подумала – так здорово, что у некоторых людей получается видеть цветы даже в самых тёмных и безвыходных лабиринтах...



Андрей Демьяненко «Лабиринт-сетка»

АЛЕКСАНДР РЫЖКОВ

ОПЕРАЦИЯ «ЗАЧИСТКА»

– Когда война закончится, я стану моряком! – сказал Петенька, деловито срезая скальп с головы грузного мужчины средних лет, во лбу которого темнело пулевое отверстие на болезненном свету рогалика Луны, так сильно похожем на обойму автомата.

– Моряком? – Андрюша настороженно поглядел по сторонам, прижимая к груди «АКСУ-74», как бережливая мать ребёнка. – Что за бредовая идея?

– Ну как же, бредовая, – насупился Петенька и резче заработал ножом. – Вот увидишь, когда-нибудь я буду сидеть на мачте фрегата и выглядывать землю в позорную трубу!

– Ты тупой? – нервно спросил Андрюша. – Во-первых, труба подзорная, а не позорная. А во-вторых, какой нахрен мачте? Какого, блин, фрегата?

– Не ругайся, братец, мама нам не разрешает ругаться, – примиряюще сказал Петенька, вытирая нож о куртку трупа.

– А-а-а, я понял, в чём дело, – испытал мимолётный катарсис Андрюша. – Ты опять свою книжку перечитывал?

– И что с того? – буркнул Петенька, пряча скальп себе в походную сумку.

– Как что? Сколько раз тебе можно повторять: в той тупой детской книжке написан полный бред. Какие к фигу пираты, фрегаты, корсары, флибустьеры, линкоры и прочая мутота? Этот отстой давно почил на кладбище, прямо как этот муд@чьё, – он пнул носком тело освежёванного мужчины. Вообще все книжки – это бред. Они засоряют нам мозг!

– Короче, Андрюша, чего ты прицепился? – нетерпеливо спросил Петенька. – У нас ещё много дел…

– Да ну тебя, – махнул пятернёй без одной фаланги безымянного пальца Андрюша.

Больше братья не разговаривали. Пробираясь сквозь лес высоких сосновых стволов, топча талый снег, они направлялись к зданию, в кирпичных стенах которого укрывались неприятели.

Операция «Зачистка» началась…

Задание не обещало оказаться простым и требовало всей сноровки и умений, которые приобрели за суровые годы шнырянья по Зоне сталкеры Клык и Коготь, дома бережно называемые мамой Андрюша и Петенька.

– Ложись! – прошипел Клык-Андрюшенька и потянул брата за рукав в снег.

Но Коготь-Петенька и без этого бы лёг на землю, так как в свете фонаря

появились две фигуры. Они были приблизительно одного роста, одна худее другой. Та, что худее, была одета в чёрные ветровку и джинсы, на той, что шире, нелепо сидел коричневый костюм-тройка. Мужчины направлялись вдоль аллеи к зданию, в котором предстояло совершить «зачистку».

– Вот не понимаешь ты, Алекс, серия С.Т.А.Л.К.Е.Р. – не только повод подзаработать бабла, – с прохладным ветром донёсся голос тонкой фигуры. – Это ведь возможность заявить о себе! Напечататься хорошим тиражом под крышей удачной серии. И кому какое дело? Ты здесь в шоколаде по полной. Я это понял. Воха это понял. Тот же ваш Вольнов-Стульник, и тот не дурак.

Широкая фигура что-то буркнула в ответ и подкурила сигарету.

– Нет, ну ты меня умиляешь, чесслово! – признался мужчина в ветровке, поправляя очки средним пальцем.

– Я их сейчас кончу, – прошептал Коготь, держа висок неприятеля в кресте оптического прицела «Винтореза».

– Отставить, придурок, – Клык отпихнул ствол «ВСС» брата в сторону. – Ещё не время.

– Жаль, – вздохнул Коготь.

– Не переживай, брательник, мы ещё снимем с этих муд@звонов скальпы, – утешающе прошептал Клык.

– Надеюсь на это, – мечтательно выдохнул Коготь.

– О, Игорь! – воскликнул мужчина в ветровке появившемуся на пороге здания мужчине в клетчатой рубашке и вельветовых штанах. В руке последнего блестела в свете электрических ламп стеклянная бутылка с мутным содержимым. – Иди к нам, не томи!

– У вас хоть стаканы есть? – поинтересовался Игорь.

– Нет, – буркнул мужчина в коричневой тройке. – Зато у нас есть коробок афганского плана.

Игорь долго смотрел на него, после чего таки выдавил из себя:

– Раз такой умный, то пей с горла.

Широкая фигура не стала сопротивляться и присосалась к бутылке.

– Вот сука, радиацию из себя вымывает, – прошипел Клык.

– Можно я его грохну? – с надеждой спросил Коготь.

– Терпение, брат мой, терпение… – ответствовал Клык, хотя его терпение было уже на пределе.

– Эй, Антону хоть оставь, – проявил заботу о ближнем Игорь.

Но мужчина в костюме цвета детской неожиданности сделал вид, что не расслышал. Весь остаток бутылки (а это не меньше половины) перекочевал в его желудок.

– Муд@к ты, Алекс, – прорычала фигура в ветровке и джинсах.

– Эй, чё вы там делаете? – завопил мужчина с балкона второго этажа здания, в котором вот-вот произойдёт «зачистка».

– Алекс, скотина, всю нашу олдёвку выжрал! – прокричал в ответ мужчина в ветровке.

– Да ну её, у нас тут водяры полно! – чистосердечно признался мужчина с балкона.

– Женя, мы с тобой дружим! – вклинился в разговор Игорь.

– Милости просю, е@ть меня в @! – козырнул любимым выражением мужчина.

– Гейман тебе судья! – радостно выкрикнула фигура в ветровке.

– Эй, а что с Алексом делать будем, – проявил нечеловеческое человеколюбие Игорь.

– Пусть и дальше блюёт себе в кустах, надоел он мне, жадный до чужого спиртного добра, – отмахнулся Антон и резво направился ко входу в здание.

– Да не блюю я, – подал голос из кустов мужчина в костюме. – Я поссать зашёл…

– Вот и обоссысь там! – всё не прощал обиды мужчина в ветровке. – Пошли, Игорь, нас ждут.

Игорь только плечами пожал и направился следом.

– Сейчас? Ну пожалуйста, ну скажи, что сейчас? – умоляюще шептал Коготь.

– Нет, ещё немного, – прошептал в ответ Клык, теребя в руках гранату «Ф1». – Следи за тем муд@звоном в кустах. Если начнёт рыпаться, вали его. Штурм после пятого взрыва.

– Есть.

Клык пополз по талому снегу в обход здания. Вскоре он растворился в темноте – этому способствовали тучи, так кстати закрывшие полумесяц.

– Я часто вижу страх в смотрящих на меня глазах! – завопил лишённым даже намёка на музыкальный талант голосом мужчина в тройке, выбравшийся из кустов на ступени крыльца здания. – Им суждено застыть в моих мирах, уснуть в моих стенах. Но сердце от любви горит, моя душа болит и восковых фигур прекрасен вид – покой везде царит!

– Да заткнись ты ради биомеханического бога, в конце-то концов! – подало глас наполовину вывалившееся в распахнутое окно тело, созерцающее небо и курящее какой-то излишне пахучий свёрток.

– Я их приводил в свой прекрасный дом! – назло курцу ещё громче загорланил мужчина в костюме. – Их вином поил и развлекались мы по…

ЧВЯК!

Девятимиллиметровая свинцовая смерть оборвала издевательство над песней «КиШ»а. Пуля вошла в рот, начав свой путь с верхней губы, вышибая

зубы, кроша череп и вырываясь из заточения красочным фонтаном крови, мозгов и костных ошмётков. Тело рухнуло на бетон крыльца. Какое-то время оно содрогалось в рефлекторных конвульсиях.

– Ух, бл@, вот это торкнуло меня, – сатанически перекрестилось тело в окне. – Надо с этой дурью завязывать.

На вечную помощь с завязыванием как никогда кстати пришлась пуля «Винтореза»…

Сталкер Коготь мог собой гордиться. Два выстрела – два убийства.

– А-а-а-а-а! – раздался пронзительный женский голос. Предположительно со второго этажа. – Это же ГРАНАТА!

– Да чё там, – едва различимо донёсся мужской успокаивающий голос, похожий на голос мужчины в чёрных ветровке и джинсах. – Это ребята из соседнего номера развлекаются, зуб даю!

Б-А-А-А-А-Б-А-А-А-А-А-Х!!!

Нет, это не развлечения. Это сталкер Клык проявил своё военное мастерство.

Следом за первым взрывом зазвучали новые, вперемежку с обречёнными криками испуганных, раненных и умирающих…

На пятый взрыв сталкер Коготь не покинул своего укрытия, как ему наказывал брат. Несмотря на малый возраст, Коготь был опытным сталкером и знал, что нужно делать в подобных ситуациях.

Он не прогадал. Вскоре из здания начали выбегать люди, как крысы с тонущего корабля. Коготь вспомнил, что очень не любит крыс и что на его судне (после того, как кончится виртуальная война), на котором он будет главным моряком, ни одна крыса не избежит крысоловки.

Люди бежали через главный вход, прыгали с балконов и окон. Порой вдребезги разбиваясь…

Коготь только и успевал жать на гашетку своего любимого «Винтореза», на прикладе которого уже давно не оставалось места для новых засечек.

Беглецы послушно ложились под пулями, как колосья под косой опытного землепашца. Тем временем сталкер Клык пробрался в здание и принялся «чистить» его в ближнем бою, щедро награждая врагов свинцом из «АКСУ-74» и вспарывая им кишки кортиком «коммандос». В созданной взрывами неразберихе задача упрощалась.

А вот и охранники в чёрных костюмах, с газовыми баллончиками и резиновыми дубинками наголо. Коготь выпустил им мозги прежде, чем они смогли пожалеть о том, что бросили учёбу в институте.

Сталкеры Коготь и Клык действовали молниеносно. Эффект неожиданности помог выполнить задачу. Вскоре заданные цели были ликвидированы, и, следовательно, миссия выполнена.

Коготь и Клык покинули за спинами полное трупов дымящееся здание. Не выжил никто…

Сквозь сосновый лес, к подкопу в ограде, на шоссе, в километре на север которого ждал фиолетовый микроавтобус.

У микроавтобуса стояла фигура в чёрной пластиковой маске с белыми полосами под глазами и ртом. Она курила сигарету через ротовую прорезь. Увидав приближающихся сталкеров, она откатила дверцу в салон.

– Задание выполнено, босс! – услужливо оскалился Коготь.

– Принято, – сухо кинула фигура в маске, как кость собаке, – полезайте в фургон.

– Есть, – отдал честь Коготь.

Клык устало кивнул.

Фиолетовый микроавтобус сорвался с места. Какое-то время он ехал с выключенными фарами. Но вскоре, когда оказался на достаточно безопасном расстоянии от места кровавой бойни – фары радостно зажглись, прогрызая в предрассветной серости длинные жёлтые конусы.

@@@@@

– Круто! – восторгался Петенька, отстёгивая сенсорные шлем и перчатки. – Эта новая версия игры в миллион раз лучше старой!

– Да, реалистично, ничего не скажешь, – согласился Андрюша. – После такого обратно за монитор компа, клаву и мышку садиться не больно уж хочется.

– Давай ещё сыграем? – с надеждой посмотрел в глаза брата Петенька.

– Нельзя, – вздохнул Андрюша. – Не помнишь, что нам дядя Вова говорил?

– Экспериментальная игра, – чуть ли не хныкая пропищал мальчик всего одиннадцати лет отроду. – Задание можно проходить только один раз.

– Зазубрил-таки, – ухмыльнулся старший брат. – А теперь хватит лясы точить, пошли хавать. И чур я первый в сортир!

@@@@@

За рулём фиолетового микроавтобуса сидела молодая женщина. На пассажирском сиденье лежала чёрная маска с белыми полосами. Женщина крутила руль правой рукой, а левой, облокотившись на открытую прорезь окна, подносила к чувственным губам сигариллу. Глаза женщины блестели чем-то вроде гремучей смеси ликования, интеллекта и безумия.

Да, это она разрабатывала новую игру для проекта С.Т.А.Л.К.Е.Р. Да, это её выбросили на улицу, как вшивого котёнка, лишили финансирования, объяснив тем, что книжная серия приносит намного больше дохода, и в

дальнейшем будет приносить. А создание новой игры на основе сенсорной платформы… Что ж, затея бравая, но её экономический эффект вызывает, мягко сказать, настороженность… Сенсорные консоли слишком дороги в производстве, а в свободной продаже и подавно отпугнут потенциального клиента. Позволить себе их смогут единицы. А зачем, ради этих единиц, финансировать целый масштабный проект? Не проще ли дождаться лучших времён, когда старые добрые сенсорные консоли упадут в цене…

Женщина выбросила окурок сигариллы в окно. Встречный ветер обтекал лобовое стекло и нахально просачивался в салон, играя рыжими волосами водительши. Она распустила их после того, как дезактивировала боевых андроидов, управляемых двумя подростками, даже не подозревающими об этом. Идеально спланированное убийство. Идеальная ледяная месть, поданная под горчащим соусом гранат и патронов. Самое тщательное полицейское разбирательство приведёт только к подросткам, а через них к идиоту Владимиру Энскому – человеку, зарубившему её проект. Он ничего не сможет доказать, ведь как можно доказать, что уволенная им женщина умышленно забыла прототип игры и указания к ней в своём кабинете? Придурок Владимир решил порадовать своих племянников находкой. И вот во что это всё вылилось…

Мстительница и не надеялась на такую удачу!

Радость переливалась через край, ликование кружило голову, счастье пронизывало тёплыми лучами каждую клеточку. Женщина рассмеялась! Громко! Весело! От души!

Вот только этот смех не услышать всем убитым сегодняшней ночью.

Конференция писателей-фантастов «Роскон-2011» закончилась кровавой баней. «Лесные дали» захлебнулись кровью…

Перрон – место вечных расставаний и, конечно, встреч. Но рад ли ты будешь встрече – зависит от многого. В том числе, и от тебя. Оттого, кем ты был, как ты жил раньше, и зависит, кого встретишь!

СТАНИСЛАВ ЛАПШИН

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ

Это был способ проверить мои слова. Не отнимаю ли я понапрасну их время? Не больной ли я на всю голову “привлекашка”, решивший таким странным способом обратить на себя внимание? Или, не являюсь ли я частью механизма контроля над их деятельностью.

Уверенным жестом руки я указал на предполагаемое место захоронения.

– Точно? – взглянув на меня, спросил из них тот, чьё звание было выше.

Ещё бы он не сомневался. Никому не охота ковыряться в земле впустую, да ещё в такую погоду.

– Да, – ответил я, и через мгновение начались раскопки.

Под звуки лопат и мелкого, моросящего дождя, я думал. Думал о том, что соврал, сказав «Да». О том, ЧТО я вообще здесь делаю? О том, что, пожалуй, не стоило всего этого затевать.

Угораздило же меня связаться с этим муд@ком! С тем, кто всё это придумал. Грёбаный борец с милицейским беспределом. Да и я тоже хорош.

Ах, да! Вы же не знаете, о чём я веду речь.

Речь о том, что фраза «человеческая глупость может дать представление о бесконечности» – на сто процентов верна. Только полный идиот мог придумать это, а законченный придурок согласиться участвовать в осуществлении задуманного.

Тандем дураков. Альянс недоумков.

Я не знаю, почему я согласился участвовать в этом безумии. Казалось бы, переходный возраст уже

давно миновал, и желание бунтовать по любому поводу исчезло вместе с нелепыми попытками и способами самовыражения.

То, что я сделал – не какой-нибудь сраный пирсинг или татуировка, светящаяся в темноте. Это вам не цвет волос поменять. Это гораздо безумнее прыжка с парашютом.

Это как прыжок без него.

Я не знаю, почему я это сделал. Может быть, со скуки. Или же я прельстился приятными перспективами этой авантюры. Или же я сделал это просто так. Просто потому что мог. Как бы там ни было – это уже не важно.

Знаете, есть такие телепередачи, в которых люди делают что-то экстремальное, опасное для жизни, а затем на экране мелькает фраза «НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ПОВТОРИТЬ ЭТО САМИ»? Так вот, при всём желании повторить то, что сделал я, крайне проблематично. Да и вряд ли найдётся ещё один такой безумный искатель приключений на свою задницу.

Итак, моя история…

Вам наверняка приходилось видеть, будь то телевизор или Интернет, или мобильник одного из ваших приятелей, видеоматериалы со сценами неоправданного применения силы со стороны сотрудников правоохранительных органов. Благодаря современным средствам фиксации и передачи информации, можно наблюдать, как люди в погонах избивают, унижают и обирают честных граждан как у нас в стране, так и за границей. Телепрограммы подобного содержания пользуются популярностью у молодёжи и не только, и делают свой вклад в формирование негативного отношения к власти, её силовым структурам.

Но не все люди в погонах ведут себя так. Подобным образом поступает лишь малая их часть, но современные СМИ раздувают до космических масштабов каждый эпизод.

Каналы платят за интересное, смешное и шокирующее видео. Народ не может без зрелищ, а при том, что видеокамеры есть даже у детей – недостатка в такой информации нет.

Сцены избиения учеников учениками, учеников учителями и учителей учениками стали обычным делом. Предсмертные послания, самоубийства, различного рода членовредительства. Можно посмотреть, как красивые голые девушки гадят друг другу в рот. Могу поспорить, что в памяти вашего мобильного телефона или телефона одного из ваших знакомых есть видео, в котором ещё живому человеку отрезают голову.

Если честно – меня больше пугает не тот, кто эту голову отрезает, потому что он наверняка довольно внятно сможет объяснить причину своего поступка. И не тот, кто всё это снимает, потому что он делает это ради

денег – это его работа. Меня пугают люди, которые хранят такое видео и показывают его друзьям и знакомым.

Вот кто действительно болен.

В потоке такой информации виноваты не телеканалы и не сайты для извращенцев всех мастей. Всё дело в тех, для кого всё это делается. Спрос рождает предложение.

Чем больше материал шокирует, тем выше рейтинг. Не удивлюсь, если в ближайшем будущем в прямом эфире одного из центральных телеканалов можно будет наблюдать изнасилование во всех его шокирующих подробностях. Затем другие телеканалы последуют его примеру. Затем будет проведено SMS голосование, которым выберут самое зрелищное изнасилование.

И это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Так получилось, что и мне в своё время довелось внести свой вклад в это безумие. Я бы мог оправдываться, говоря что, просто поддался негативному влиянию плохой компании. Что мозг подростка, как губка, впитывает любую информацию, и что его поведение спровоцировано поведением окружающих его людей. Что только по недосмотру родителей дети творят безумные вещи. Но делать этого я не буду.

Восемь лет назад я и четверо моих друзей совершили большую глупость. Тогда мы были шестнадцатилетними подростками. Подъездной и лавочной шпаной. И, как и все дети в этом возрасте, мы думали, что уже выросли и что никто нам не указ.

Без присмотра дети действительно могут творить безумные и опасные вещи. Одни цепляются за грузовики и электрички, чтобы прокатиться с ветерком по заснеженным дорогам и железнодорожным путям. Другие, в поиске острых ощущений, ложатся под проезжающие поезда. Третьи, насмотревшись программ или интернет-роликов о паркуре, совершают опасные прыжки с одного здания на другое, и так далее.

А ещё дети способны на по-настоящему жестокие поступки.

Как-то раз четверо моих друзей и я решили весело провести время. Весело относительно нашего мировоззрения на тот момент. Мы решили снять своё “интересное” видео. Я не помню, кому именно в голову пришла эта светлая идея, но точно помню, как вызвался быть оператором, потому что у меня одного был мобильник с видеокамерой.

Друзья возражать не стали.

Этим же вечером мы нашли себе жертву. Это был невзрачный, худощавый паренёк примерно нашего возраста. Абсолютно незнакомый человек, который ничего нам не сделал. Мы находились на спортивной площадке при одной из школ – обычное место времяпрепровождения разных отморозков вроде нас.

Мы были абсолютно трезвы. Парень же просто пересекал эту площадку.

Помню, как Слон, один из “великолепной” пятёрки, подошёл к нему и, не сказав ни слова, наотмашь ударил его прямо в лицо. Этот удар сбил его с ног. Он попытался подняться, но тут же получил от другого моего приятеля мощнейший удар в живот. Далее парня избивали уже все четверо.

Я же – снимал.

Я запечатлел на видео две с половиной минуты жестокого избиения беззащитного молодого человека. От первого удара и до последнего. А когда парни закончили, я заснял его разбитое пыльное лицо крупным планом. К тому моменту он был уже без сознания, но у него были открыты глаза.

Всё это происходило приятным, тёплым летним вечером.

Героиня Джоди Фостер, из кинофильма “Отважная”, уходя с места своего первого преступления, задавалась вопросами: «Почему у меня не дрожат руки?», «Почему меня никто не останавливает?». Мы себе таких вопросов не задавали.

Никто не сбивался с ног, разыскивая нас, по крайней мере, мы не понесли никакого наказания. Странно, но по прошествии всего нескольких дней, мы почти перестали об этом думать. Как будто это вовсе и не с нами произошло. Точнее, как будто это и не мы натворили.

Я всё это вам рассказываю для того, чтобы вы имели представление о том, какой я человек. Никчёмный, бесполезный выродок, сидящий на шее у родителей и государства. Паразит на теле общества, не испытывающий по этому поводу никаких угрызений совести. И таких, как я – очень много.

Мир жесток из-за его обитателей.

Годы шли. Я взрослел, но не умнел. Я становился старше, но мозгов мне это не добавляло. Школа, институт. Пятнадцать лет обучения, которые должны были сделать из меня достойного члена общества, прошли впустую.

Но вот однажды я встретил человека, изменившего мою жизнь навсегда.

Я понимаю… звучит это довольно громко, но это действительно так.

Угораздило меня как-то попасть на одну гулянку. Ну, вы знаете: куча народу, шумно. Алкоголь льётся рекой. Молодёжь во всём её разнообразии. Кто-то пришёл, чтобы расслабиться, кто-то, чтобы завести новые знакомства, кто-то ради халявной выпивки. Я же там был по всем трём причинам.

Не важно, где и когда всё это происходило, к делу это отношения не имеет.

Когда я провёл около часа среди этой публики, ко мне подкатил один тип. Попросил закурить. Слово за слово – разговорились, в общем.

Поведал он мне, что на жизнь зарабатывает благодаря своей цифровой видеокамере и определённой доле везения. Он продавал телеканалам

“интересное” видео, которое ему удавалось заснять. Или же он скупал чужое видео, а затем продавал его дороже. Дефицита в материале не было. То, что не брали каналы, можно было выкладывать в Интернете. Среди интернетобитателей мой новый знакомый был довольно известен.

По крайней мере, с его слов.

После очередной порции спиртного он рассказал мне о своём новом проекте.

– …Такого ещё никто не делал… – всё твердил мой неспокойный собеседник, – это будет сенсацией, это будет ШОК!

Были времена, когда видеокамеру было трудно удержать двумя руками, а теперь её можно таскать на переносице в оправе очков, и никто этого не заметит. Более того, трансляцию можно вести в прямом эфире с помощью Интернета, со звуком и во всех красках.

Журналисты под видом покупателей нелегального товара, будь то наркотики или проститутки, при помощи скрытой камеры снимают весь процесс сделки.

Или под видом прислуги проникают в дом известного человека, а затем показывают все его негативные стороны, которые, на самом деле, являются обычными человеческими качествами.

Или просто снимают известного политика в бане с девками. Разрушая его карьеру и брак. Влияя на индекс его популярности.

Любопытство людей к чужим скелетам в шкафу удовлетворяется благодаря научно-техническому прогрессу. Прогрессу, который, в конце концов, нас погубит.

Суть же замысла моего нового знакомого заключалась в следующем:

Молодой человек появляется на пороге дежурной части милиции и сходу говорит дежурному о том, что хочет сознаться в убийстве. Далее он подробно излагает детали своего преступления и рассказывает о месте захоронения убиенного. Затем оперативная группа вместе с раскаявшимся глупцом следуют на место захоронения, и проводят несколько часов в безрезультатных поисках трупа.

Вы когда-нибудь будили спящего медведя?

После этого молодой человек неожиданно вспоминает, что спрятал труп в другом месте. Затем в третьем.

Цель этого самоубийцы – спровоцировать сотрудников милиции на собственное избиение, а затем участвовать в уголовном судебном процессе в качестве потерпевшего, пострадавшего от рук беспредельщиков в погонах. Главным доказательством по делу должна была выступить видеозапись, сделанная скрытой миниатюрной видеокамерой, находящейся у потерпевшего в момент избиения.

Рецепт успеха затеи прост. Главное – техническое обеспечение. Компьютер, миниатюрная цифровая видеокамера, такой же микрофон, доступ ко всемирной паутине и знания в этой области. Всё это средства достижения задуманного. Это главное. Если у тебя есть всё вышеперечисленное, остаётся лишь найти "счастливчика", который бы стал героем твоего сюжета.

На самом деле, сюжет значения не имеет. На любой сюжет найдётся свой зритель. Как и любое чтиво найдёт своего читателя. Здесь вспоминаются слова из одного известного фильма: «…на Руси, слава богу, дураков лет на сто припасено…».

– Сколько им можно над нами издеваться? Пора нам дать достойный отпор этим кровососам! – сетовал в адрес недобросовестных сотрудников милиции мой новый знакомый, прерываясь громкой икотой. – Если бы ты знал, как я их ненавижу!!!

«Грешник» – именно так представился этот подвыпивший незнакомец.

Да, уж. Праведником его не назовёшь.

Как и умником, впрочем, тоже.

Хотя надо отдать ему должное, не каждый человек может дать самому себе определение одним словом. Да ещё такое.

Сколько слов используете вы, давая определение себе? Да ещё приукрасите.

А он – Грешник, и всё тут.

«Если бы ты знал, как я их ненавижу!!!», это последнее, что я услышал от него в тот вечер. После этих слов он отключился.

Помощи ему я оказывать не стал и отправился домой, оставив бесчувственное тело незнакомца на произвол судьбы.

Однако, через пару недель, он снова появился на моём жизненном пути.

Судьба. Злой рок. Или что-то ещё в этом духе. Тогда я просто пытался вспомнить – где я мог его видеть.

Солнечный летний день. Точнее, утро. Я сижу на скамейке в довольно безлюдном парке. Пахнет какими-то цветами и лошадиным навозом. Откуда-то повеяло запахом сладкой ваты.

Или мне это казалось.

Ну, вы знаете: хорошее настроение, птички поют. Утро в парке – это хорошее начало летнего дня.

А потом появился он. Бутылка пива в руке. Весь помятый. Находка для охранников правопорядка. Этих заядлых любителей "плана".

Бросив кости на мою скамейку, он оглядел меня с ног до головы, отхлебнул из бутылки и сказал:

– Где-то я уже видел твою мерзкую рожу.

– В конкурсе мерзких рож твоя была бы фаворитом, – ответил я улыбаясь.

Затем он протянул мне бутылку, предлагая глотнуть, и я глотнул.

Один из способов подхватить гепатит.

Метрах в десяти перед нами какие-то дворняжки активно спаривались на зелёной лужайке. Увидев это, мой сосед достал из кармана небольшую видеокамеру и начал снимать.

Тут-то я и вспомнил, кто он такой, и где я его видел.

– Как обстоят дела с твоей безумной затеей? – поинтересовался я, щурясь от утреннего солнца.

– О чём ты? – отрыгнув, спросил увлечённый съёмкой Грешник.

– Я о твоём плане разоблачения негодяев в погонах, попирающих права законопослушных и богобоязненных граждан, – продолжал я, развернувшись к нему лицом. – Ты ведь Грешник, так?

После этих слов он перестал снимать:

– А ты кто, мать твою, такой?! И почему в курсе...

– Ты сам мне сказал.

– Я?! Когда?

– Пару недель назад, на одном чаепитии. Думаю, я – это последнее, что ты помнишь о том дне.

Он прищурился, вспоминая:

– Что-то такое припоминаю, но не очень отчётливо. Да.

Тряхнув в руке бутылку и убедившись, что она пуста, мой забывчивый друг аккуратно поставил её на асфальт.

– Ты не ответил, – напомнил я.

Не успел я это произнести, как птичка метким выстрелом попала в моего соседа.

– Я слышал это к удаче, – сказал я, сдерживая смех.

– Да нет, малыш, – возразил мой собеседник. – Это к стирке...

@@@

Быт его съёмной однокомнатной квартиры был довольно скромен. Нехитрая домашняя утварь, стол, пара стульев и раскладной диван – вот вся его мебель. Шкафа нет. Вещи лежат на одном из двух стульев. Телевизора нет, как нет и радиоприёмника. Зелёным обоям на стенах лет двадцать. В местах соединения стены с полом и потолком – они отслаиваются, обнажая колонки газет времён их поклейки. На полу старенький выцветший коврик с разбросанными по нему носками, явно не составляющими пары. Даже по цвету.

На кухне нет стола. Холодильника тоже нет. И я не уверен, что он когда-нибудь был. И нет вытяжки над газовой плитой, потому что газовой плиты тоже нет. Зато есть видавшие виды электрические плитка и чайник. Есть также пара полупустых шкафчиков, пара тарелок, кружек, столовых приборов и… всё.

Потрескавшаяся от времени краска на стенах кухни отваливается довольно внушительными кусками, которые, падая, рассыпались на десятки мелких.

На кухню вообще лучше не заходить.

Говорят, тараканы не боятся радиации. Здесь они просто сдохли бы от голода.

Хорошо, что хотя бы унитаз находился на своём месте. И, даже, работал.

Сказать, что обстановка здесь навевает уныние – это не сказать ничего. Этот человек явно одинок.

– Здесь неплохо бы прибраться, – неожиданно для меня заметил хозяин.

– Да-а-а, лет пять назад, – подхватил я, пронося пакеты с купленным по дороге пивом в комнату.

– Это временное съёмное убежище. Не евроремонт же мне здесь делать! – возразил Грешник, – К тому же я здесь не часто бываю – работы много. А все заработанные деньги я откладываю на собственное жильё.

– И много осталось?

– Вот проверну то дельце, о котором мы говорили, и получу то, о чём мечтал последние несколько лет.

Затем секундная тишина, которую нарушили звуки вытекающего из тары алкоголя и смачных глотков.

– Основная загвоздка, мешающая осуществлению этого мероприятия, – продолжал Грешник, – это отсутствие добровольца на главную роль.

– А почему ты сам не хочешь стать главным героем?

– По двум причинам. Во-первых, меня попросту могут узнать ещё на начальном этапе операции, и тогда всё пропало. Во-вторых, я являюсь близким знакомым ещё одного участника операции, и если меня узнают, то это может раньше времени раскрыть и его, а он является важной составляющей проекта. Всё может сорваться, а я не хочу рисковать.

Я понимающе кивнул головой, сделал пару глотков и спросил:

– А какова роль этого человека?

– Это второй снимающий, – не мешкая, отвечал мой собеседник. – Он уже несколько месяцев стажируется в одном из Управлений Внутренних Дел нашего города. Во время операции на нём будут очки с вмонтированной видеокамерой. Он также будет участвовать в последующем уголовном процессе в качестве свидетеля обвинения. Больше главному герою знать о

нём и не нужно. Он должен сосредоточиться лишь на своей роли.

– Стало быть, ты уже определился с местом действия.

– У меня всё готово, – без ложной скромности сказал мой собеседник. – Осталось только определиться с кандидатом на главную роль.

Надо отдать должное этому человеку. При всей своей похожести на недалёкого забулдыгу, он явно знает, что делает.

Сделав ещё пару глотков, я выдвинул предположение:

– Я знаю, почему у тебя нет главного героя. Потому что риск – дело благородное, а благородных людей почти не осталось. Рисковать за чужие убеждения никто не станет. По крайней мере, просто так. Что ты можешь предложить этому человеку?

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Поставив пустую бутылку на пол и, открыв новую, он ответил:

– Во-первых, перед операцией жизнь и здоровье главного героя будут застрахованы на крупную сумму. Во-вторых, после операции появится возможность потребовать в судебном порядке компенсации морального вреда за счёт средств виновных. В третьих, это дело будет предано широкой огласке и главный герой станет известным человеком, который может получить неплохие деньги за эксклюзивное интервью, и так далее. Не забывай, в какое время мы живём. Не исключено, что главный герой впоследствии напишет книгу, что-то вроде воспоминаний о пережитом, – закончил он, улыбаясь.

– А что тогда получишь ты?

– Половину всего, минус доля второго снимающего. И если никто не выйдет за рамки плана, то все участники операции будут в шоколаде.

@@@

Когда я уходил, Грешник оставил мне номер своего телефона, на тот случай, если я всё же надумаю.

И я думал…

Думал о том, что в свои двадцать четыре года я ничего не достиг. Ничего не добился. У меня нет интересной работы и отдельного от родителей жилья. Я не избалован приятными атрибутами современного образа жизни. Моя жизнь скучна. Заурядна.

Я, как и миллионы других людей, не доволен собственной жизнью, и хотел бы её изменить.

Я из большинства.

Может быть, это как раз тот случай, когда цель оправдывает средства?

Проведя неделю в раздумьях, я всё же собрался с мыслями и позвонил.

А дальше – всё по плану. Страховка, инструктаж, техническое обеспечение. Мой новый знакомый дал мне написанную на листе бумаги фабулу моего преступления. С описанием места и времени. С описанием внешности и одежды убиенного. Способа его убийства. Мы побывали на местах предполагаемого захоронения несуществующего трупа.

– Прежде чем предпринять какие-то действия, они захотят убедиться в твоих словах… – объяснял мне Грешник. – …Потому что будут сомневаться в том, кто ты на самом деле. Ведь ты можешь быть не только раскаявшимся в убийстве простофилей, но и просто больным на всю голову козлом, от которого кроме неприятностей ничего ждать не приходится. А ещё ты можешь быть подставным элементом для проверки их работы. Ты можешь быть кем угодно.

– При таком раскладе они могут принять меня за подставной элемент, и ничего не получится.

– Поэтому на начальном этапе ты должен вести себя так, как ведёт себя человек, совершивший убийство, а затем полностью в нём раскаявшийся. Когда же они это съедят, ты начинаешь вести себя как человек, осознавший всю незавидность перспективы своего признания и передумавший сотрудничать со следствием. Они должны поверить в то, что убийство было на самом деле.

Затем он дал мне орудие возмездия – рубашку с закатанными на уровне локтей рукавами. Одна из пуговиц этой рубашки передавала видео, другая пуговица передавала звук. Если бы я не знал об этом, то сам никогда бы не догадался. Элемент питания мог работать без подзарядки больше двух суток. В рубашке он практически не прощупывался, и при проведении личного обыска вряд ли мог вызвать подозрения. Это оборудование Грешник приобрёл через один из многочисленных интернет-магазинов.

Чего там только нет.

Мой напарник оказался довольно педантичен в своей работе. И это вызывало уважение. Часами напролёт мы продумывали детали. Репетировали. Оттачивали уловку до совершенства. И лишь через три недели подготовки мы назначили день «Х».

В ночь перед ним я не спал. Не потому что не мог уснуть, а для того, чтобы выглядеть измученным чувством вины.

И вот…

И вот, я стою на месте предполагаемого захоронения человека, которого никогда не было. На месте, которое, согласно плану, было первым. Я стою и наблюдаю, как идут раскопки в указанном мною месте. Как ребята атлетичного телосложения ковыряются в намокшей от дождя земле.

Из присутствующих сразу трое были в очках. Кто из них был моим сообщником, я не знал. Я представлял, как будет меняться их ко мне отношение

с течением времени, как в их головах будут возникать незаконные желания. Как много или как мало этого самого времени пройдёт прежде, чем они поймут, что к чему. Прежде чем я получу то, чего добивался. И меня совсем не смущал тот факт, что наверняка у моих потенциальных жертв имеются семьи, и моё вмешательство в их жизни повлияет также и на жизни их близких...

Тогда я не знал, что, задумывая недоброе, нужно всегда думать о последствиях...

А ещё меня одолевали сомнения. Сомнения в собственной вменяемости и во вменяемости других участников мероприятия.

Но затем мои раздумья прервались одним коротким словом. Коротким, как выстрел, и неожиданным, как инфаркт. Внезапным, как пронёсшийся в метре от вас внедорожник в момент, когда вы, задумавшись, переходили дорогу.

– Есть, – сказал один из копающих довольно тихо, как будто это и не труп вовсе.

А это был именно труп. Тело мёртвого человека, упакованное в большой полиэтиленовый мешок чёрного цвета. Как я и рассказывал доблестным сотрудникам милиции. И одет он был именно так, как я его описал. И голова у него была пробита.

Сами понимаете мою дальнейшую реакцию. Ступор. Шок. Затем попытка всё объяснить. Но факты говорили о том, что я признался в убийстве. Я описал его способ и место сокрытия трупа.

Кто же убил, если не я?

Грешник и парень в очках?!

Когда я выдал следователю весь расклад, мою версию – тот отправил меня на прохождение судебной психиатрической экспертизы на предмет вменяемости.

Конечно же, парень в очках был не при делах. В Интернете следов Грешника никто не обнаружил. И тогда стало ясно, чьих рук это дело.

Но почему?

Зачем?

@@@

Какое-то время, на нервной почве, видимо, меня постоянно рвало. Осознание произошедшего и будущих перспектив повергало меня в шоковое состояние. Сокамерники в следственном изоляторе, видя, что со мной творится, ко мне не приставали. Сначала я думал, что они меня просто жалели. Но потом узнал, что не так давно, сюда попал парень, который вёл себя таким же образом. Ему было очень плохо. И на больную мозоль ему

решил надавить один из местных обитателей. Один из любителей подливать масло в огонь.

Я не знаю, что это было конкретно. Сексуальные домогательства или же просто попытка показать свою власть. Но в результате неосторожного выпада в сторону парня, тот вцепился зубами в шею обидчика и откусил от неё довольно приличный кусок. Обидчика спасти не удалось.

После этого случая, новичков в тяжёлом эмоциональном состоянии побаиваются. Не важно, сколько у тебя "ходок", страх перед смертью у всех одинаков.

Меня же, помимо жуткой депрессии, мучил вопрос, который не давал покоя каждому из нас в раннем детстве – ПОЧЕМУ?

Труп мужского пола приблизительно моего возраста опознать не удалось. Документов при нём не было, проверка отпечатков пальцев ничего не дала. Я же, само собой, не смог объяснить, кто это.

Но это не помешало суду вынести обвинительный приговор. Адвокат сочувствующе похлопал меня по плечу и был таков.

А через полгода я получил ответы на все вопросы.

– Ты, – ткнув в мою сторону указательным пальцем здоровенной руки, сказал надзиратель приятной внешности мясника. – На выход. К тебе посетитель.

– Посетитель? – удивился я, но уклоняться от встречи не стал.

Идя по коридору, я мысленно перебирал варианты того, кто бы это мог ко мне пожаловать, отбрасывая один за другим... Но ни один из вариантов не оказался верным.

Пройдя по комнате и обойдя широкий стол, я уселся напротив этого человека. Посетителем оказался тот, кого я меньше всего ожидал когда-либо ещё встретить. Когда-то он представился "грешником". Теперь же он пришёл ко мне "в гости".

Стоило нам остаться наедине, как, без лишних слов, он начал свой рассказ. Он поведал мне, что неопознанный труп мужчины когда-то был моим старым знакомым – Слоном. Что парнишка, ставший главным героем моего сюжета восемь лет назад, сейчас сидит предо мной.

Ах да, я же забыл упомянуть, что мы так и не выложили снятое видео, потому что мой телефон куда-то пропал.

Так вот, пропажа того самого мобильника – это его рук дело. Точнее, он просто заплатил, кому надо, чем предотвратил появление записи для свободного доступа.

Вместо того, чтобы передать видео, кому следует, он решил нас наказать по-своему. Он решил, что единственным разумным наказанием для нас

станет смерть. Потому что такие ублюдки, как мы, не достойны топтать эту землю. И он расправился со всеми, кроме меня. Я наказан за своё бездействие. За то, что даже не попытался остановить своих друзей. Я не просто стоял в стороне, я снимал. Показывал снятое знакомым. Хвастался своим присутствием при содеянном.

Ещё он сказал, что восемь лет ему понадобилось на то, чтобы попытаться отговорить самого себя от задуманного.

Но он так и не смог.

Когда он встал со стула, чтобы уйти, со слезами на глазах я спросил:

– А если бы я не согласился? Если бы я не позвонил тогда?

– Тогда я просто придумал бы что-нибудь другое, – сухо ответил тот и направился к выходу.

Перед тем, как исчезнуть в дверном проёме, неожиданно обернувшись, он сказал фразу, которая преследует меня и по сей день. Он посмотрел на меня сквозь влажную пелену слёз, и произнёс, продавливая слова сквозь комок в горле:

– Неужели… всё это мы?

Это была наша последняя встреча.

Что же касается меня, то я вот уже несколько лет отбываю наказание за преступление, которого не совершал.

Я стал главным героем собственной глупости.

А рассказ, о том, как я сюда попал, звучит как небылица.

“Око за око, и мир ослепнет”.

Махатма Ганди

ЕЛЕНА ЗАВЕЛЬСКАЯ

Ну отчего такой озноб
В пандан с осиновым круженьем?
С оконным слившись отраженьем,
Горячий остужаешь лоб.

Какие чёрные столбы!
Какие пыльные дороги!
Скирды, как замершие дроги,
Дома похожи на гробы.

Перрон, проросший лебедой,
Забор, похоже, довоенный.
Давно небеленые стены –
Всё пахнет дымом и бедой.

С церквушкой серою откос
Мелькнёт зачем-то спозаранку.
На каждом дремлет полустанке
Печальный, вездесущий пёс.

Олег Ильин с Игорем Мусиным продолжают вести экзамен на знание литературы, истории и прочих ненужных предметов.

ИЛЬИН ОЛЕГ, МУСИН ИГОРЬ

НИЗКОПРОБНЫЙ ЕГЭ

35. Что сделали Молотов с Риббентропом?

1. Подписали пакт □
2. Вписались в проект □
3. Выпили по коктейлю □
4. Познакомились с чиксами □

36. Чем убили Троцкого?

1. Альпенштоком □
2. Ледорубом □
3. Альпинистическим топором □
4. Ледоколом □

37. Как называлась статья Ленина?

1. Апрельские тезисы □
2. Апрельские казусы □
3. Апрельские курьёзы □
4. Ни в пять, ни в десять ежемесячно □

38. Что послужило причиной первого кризиса Временного правительства?

1. Нота Милюкова □
2. Си бемоль мажор Милюкова □
3. Милюков пришёл на свой концерт, но забыл смычок □
4. Анданте кон спиритуозо Керенского □
5. Троцкий с пьяной матроснёй сорвал концерт Милюкова □
6. Под окнами тарахтел броневичок, и поэтому слушать было невозможно □

39. Какая фамилия у Никиты Сергеича?

1. Хрущов □
2. Хрущобс □
3. Трущобс □
4. Михалков-с □
5. Тру Щобс □
6. Тру Михалков-с □

40. Комитеты бедноты во время Гражданской войны назывались

1. комбеды
2. комбэки
3. ком бэйби
4. блинкомы

41. Какой псевдоним был у Горького (то есть наоборот)?

1. Пешков
2. Королёв
3. Слонимский
4. Конев
5. Туров
6. Ферзиньш
7. Цугцвангер
8. Цейтнотский
8. Джэкпотский

42. Как называл СССР Рональд Рейган?

1. Империя зла
2. Полюбишь и козла
3. Пришёл, увидел, разозлился
4. Садо-мазо империя

43. Что сделали американцы в 1969 году?

1. Высадились на Луне
2. Всем рассказали, что высадились на Луне
3. Всем задавали вопрос "Угадайте, куда мы высадились в 1969 году"
4. Всем говорили, что Гагарина на Луне не оказалось
5. Всем говорили, что теперь они точно знают, что Луна круглая
6. Всем говорили, мол, Луна как Луна – ничего особенного

44. Что сказал Архимед, залезая в ванну?

1. Эврика
2. Эврика, подлей горяченькой
3. Эврика, где тебя носит? Подлей горяченькой.
4. Эврика, некоторые любят погорячее, рабыня ты или где?
5. Эврика, постани в ЖЖ – я сделал открытие насчёт объёма
6. Эврика, не обижайся. Прыгай лучше ко мне – объём измерим и всё такое.

45. <...>

46. <...>

47. Доколумбовое название города Мехико

1. Теночтитлан
2. Картлацоатль
3. Цоплакаоцтль
4. Воцлипоцли
5. Я~б~ещё~немножечко~шилцль
6. Таки~я~его~продатль
7. Хайфа

48. Что сделал Пётр I

1. Прорубил окно в Европу
2. Выбил сноги дверь в Азию
3. Ударился лбом о притолоку Испании
4. Заказал пластиковые окна для Сьерра-Леоне
5. Покурил в форточку Швеции
6. Повертел в руках в задумчивости сломанную форточку, выбросилеё в реку
9. Вылетел в трубу России
10. Увидел во сне рукопись рассказа "Ленин и печник" и не знал, что сие означает

БОРОДИН СЕРГЕЙ

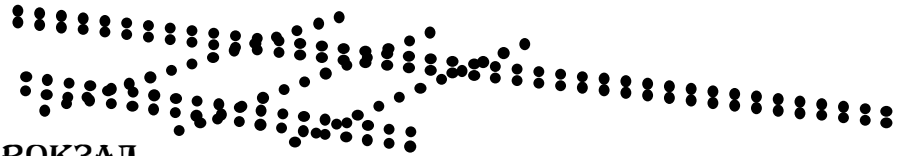
РАСТОРГУЕВО

Ожиданье поезда. Полумрак перрона.
Заплутав во времени, каркает ворона.
Глупости досужие – это добрый знак.

Время тихо катится. Стрелки заморожены.
Брошено. Докурено. Мы вдвоём с вороною.
Глупости досужие – подсознанья брак.
Есть немного времени в линиях ладоней.
Бог нам улыбается: мне и той вороне.
Глупости? Быть может, но... верю – это так.
Судьбы – серпантином рельс – тамбуры вагонные.
Мечемся по узловым серыми воронами.
Глупости досужие? Поезд. Полумрак.

ИНТЕРЛЮДИЯ МИНУС ДВА

Послушай…
Что скажешь, бредовых идей мастерица?
Моих полуночных скитаний порывистый ветер
Принёс откровение: снег под луной серебрится,
Часы равнодушно молчат, и никто не ответит:
Куда исчезают мечты, заражённые страхом?
В какие цвета при рождении раскрашены души?
О чём я забуду, едва ставши памяти прахом?
Куда ты ведёшь нас, слепая блудница?
Послушай…
Мне шепчут, о дьявол, мне шепчут – тебя больше нету,
И не было раньше, а я… не всегда адекватен.
И монстры, что в белых плащах, не дают сигареты,
И травят мне душу – я сам, я свободен, я… Хватит!
Застывшая жизнь – будто стрелки в восьмёрке прилипли –
Висит паутиной в углах, смрадной тенью ложится.
Брести без тебя – это путь тупиковый и гиблый.
Послушай…
Что скажешь, бредовых идей мастерица?
Я знаю, что есть ты, что носишь ты платье в горошек.
Пусть черти мне шепчут, льют затхлый бальзам в мои уши.
Ты мне не ответишь, но в белый конверт осторожно
Заклеишь себя мою. Можно в стихах?
Вот… послушай…



В плацкарте всегда едут обыкновенные истории. Обычные, из которых складывается жизнь и история.

СЕРГЕЙ ДОРОХИН

ГРАНИ ВЕРОЯТНОСТИ

1

Голова пухнет от мыслей… Лезут какие-то странные. События летят, одни заслоняя другие, столько всего произошло, что многое толком и пережить-то не успела… Институт. Одна подработка, с которой ушла. Другая, откуда увольняют. Поиски новой… Кажется, мою жизнь живёт другой человек, не та я, какой себя знаю… Будто наблюдаю за той, которая является мной… И боюсь, что эта «другая» наворотит дел, там, влюбится, выйдет замуж, нарожает детей, не посоветовавшись со мной… Боюсь, глядя, как родители седеют, надевают очки… И день знаний в этом году уже не для меня…

А для меня – ежедневные мотания из Куршевки в институт, в этой ужасной электричке, «вагонное» образование, так как дома на подготовку нет ни сил, ни времени, дважды в неделю подработка, путь на вокзал, проводимый исключительно в молитвах – чтоб не опоздать, чтоб нашлось свободное местечко, чтоб не приклеился какой озабоченный в вагоне, чтоб не пришиб, когда со станции пойду домой по темнотюге, умирая от страха и едва волоча ноги от голода. И постоянный недосып. Наполеон, говорят, спал три часа в сутки, и чем этот чокнутый кончил? Я предпочитаю часов восемь, лучше десять, и желательно – каждый день, да где ж только их взять? Интересная бледность скоро перейдёт в оттенок

жертв холокоста, а синева под очами начнёт навевать мысль не о бурной личной жизни, а о женском алкоголизме…

Темп… Всё несётся, утрамбовывается каждый день, исправления не допускаются, всё набело… Какой-то тест на выживаемость. И осознание, что перед смертью не надышишься, идиотское хихиканье, «апофигоз»… А эти многоэтажки в «спальных» районах, они только и провоцируют мысль о самоубийстве. Ты – в толпе, ты не одна, но – так одинока! До тебя никому нет дела, каждый в своей скорлупе…

Последняя электричка на Куршевку. Три минуты до старта. Второй вагон. Одни и те же лица. Куда бы присесть? На боковушку, к бабке с тележкой? Или к парню, что один на целом диване расположился? Хотя, какой там парень, если четвертак на лбу написан! Книгу в руках мусолит, но за весь путь и двух страниц не прочитывает… Эстет самопровозглашённый. Такие и сами-то себя не понимают, где уж им понять ближнего…

– Эти места – заняты? – спрашиваю. А ведь ответ – бесспорен…

– К сожалению, да.

Всё верно: если постоянно ждать беду – она непременно придёт снова. Такой лёгкий странный холодок, как первый утренний морозец: не так серьёзен, но – так неприятен! Не сказала бы, что освежает, но определённо бодрит. Люди ж сами себя уполномочили ограничивать других! В праве на сидячее место… Ничего, побуду в роли жертвы, пусть даже и с летальным исходом.

– Вот это – свободно! – он передвинулся правее. – Садитесь, сударыня, прошу вас!

Н-да? Что ж, спасибо. Дальше спросишь, как у меня дела, как настроение? То и другое могли бы быть и получше! Потом спросишь, чем я занимаюсь? В Куршевку еду, разве не видишь? Дальше что? Как провожу будни и выходные? Будни в трудах, выходные – в праздности, логично? Тривиальные вопросы подразумевают тривиальные ответы. Далее тебе имя скажи и телефон оставь? Опять тот же сценарий… Видно, во мне что-то не так. Проклята, что ли? Смешно и горько. А ещё скучно, потому что наперёд всё просматриваешь. А они-то не знают – те, вокруг. Уже и впечатлений никаких… Для чего всё?..

– Не будет ли сударыня возражать, если займу для неё местечко и в понедельник? – он проговорил вполголоса.

О-о-о, вот это поворотец! Насущно! И ни слова о состоянии дел! Удивил, признаюсь. Но имени всё равно не скажу, и пусть последней умрёт твоя надька. В смысле – надежда. Я ещё не говорила, что я жутко вредная? Так вот: говорю!

– Полагаете, в понедельник я тоже поеду этой электричкой? – вот тебе! Грубо? Можешь списать на юношеский максимализм.

– Не исключаю, – он подмигнул, словно током ударил… Согласиться? Значит, стать обязанной. Отказаться? А вдруг свободных мест опять не будет? Выбор всегда чреват последствиями.

– Вы меня смущаете. Мы так не договаривались! – это не я ответила, правда! Это – та, «другая», не посоветовавшись…

– Честно сказать, мы вообще никак не договаривались, – он опять подмигнул, и уже на 380 вольт…

– Не берите в мысль, – нет, «другая», не старайся: я всё равно тебя заткну, чтоб жить не мешала! – А что у вас за книга? Достоевский? Смотрю, давно уже…

Господи, зачем, ну зачем это «давно уже»? «Другая», заткнись! Ты б ему ещё сказала, чтоб проводил со станции! Шизофрения…

Полагаю, достаточно испытывать время и судьбу, и сегодня для достижения поставленной цели следует применить полимодальный подход, то есть – с воздействием на каналы восприятия:

1) визуальный;
2) аудиальный;
3) назальный (одоральный);
4) кинестетический;
5) гевзиальный.

Последовательность действий по каждому каналу видится мне таковой:

– моделирование возможных ситуаций;

– апробация с последующим выбором модели поведения, наиболее эффективного в конкретной ситуации;

– диагностика рефлексии субъекта и анализ компонентов структуры его поведения.

Следует, однако, иметь в виду, что рефлексия субъекта – вариативна, определяется спецификой развития личности как индивидуума и не всегда поддаётся прямой диагностике. В этом случае может возникнуть задача разработки инструментария её измерения, способного выявить как содержательный, так и деятельностный компоненты. Впрочем, может и не возникать…

Итак, субъект прибыл. Поскольку вагон есть изолированная динамическая система с возрастающей общей энтропией, то и канал 1) включается самопроизвольно, необратимо и инвариантно.

Подключение канала 2) – тоже процесс с $\Delta S > 0$, но – моновариантный, лимитируемый физическим расстоянием до субъекта. Свободное пространство – оптимальный катализатор процесса.

– Эти места – заняты?

Отрицательный ответ сделает ситуацию поливариантной, поэтому отвечу положительно:

– К сожалению, да.

Муссированная негативизация любого процесса на начальных стадиях в дальнейшем многократно повышает отдачу от любой, пусть и самой малой, попытки позитивировать его на последующих стадиях. Для включения канала 3) достаточно чуть сместиться в пространстве:

– Вот это – свободно! Садитесь, сударыня, прошу вас!..

Таким образом, мы имеем задействованными уже три канала восприятия. Развитие дальнейших событий может пойти по одному из двух магистральных направлений:

а) интенсивному – усиленному, основанному на крупных деятельностных вложениях в единицу времени засчёт применения инновационных технологий к решению поставленной задачи;

б) экстенсивному – основанному на временном удлинении процесса и приводящему к достижению максимального результата при относительно малых вложениях.

Логически оправдано направление б), придерживаясь его, вынужден сделать поправку лишь на временной фактор, лимитируемый длительностью пути до Куршевки.

– Не будет ли сударыня возражать, если и в понедельник для неё местечко займу?

– Полагаете, в понедельник я тоже поеду этой электричкой?

– Не исключаю.

Таким образом, ситуация остаётся бивариантной.

– Вы меня смущаете. Мы так не договаривались! – неуместный риторический приём делает положительность реакции очевидной. Теперь вариативность из «би» надо превратить в «моно»:

– Честно сказать, мы вообще никак не договаривались.

– Не берите в мысль. А что у вас за книга? Достоевский? Смотрю, давно уже…

Последняя фраза однозначно завершает рефлексивно-оценочный этап процесса, степень вариативности по закону «бутылочного горлышка» повышается, и для подключения осязательного и вкусового каналов сами собой возникают пять магистральных направлений дальнейших действий…

3

Мой город устал к пятнице, но он живёт, дышит. Я трогаю его, и он улыбается в ответ, радуясь мне – рафинадом первого снега.

Так интересно… Влилась в новый коллектив, иду на выходные довольная. Люблю приятную усталость – без неё не бывает хорошего отдыха. Люблю июльской ночью посидеть на балконе, созерцая плавный переход зари с запада на восток… Люблю в августе посидеть с книгой в привокзальном скверике, наслаждаясь ароматом петуний и флоксов. А когда совсем схолодает – люблю прокатиться на вечерней электричке до Куршевки и обратно. Чтоб просто посмотреть людей, ведь каждый человек в нашей жизни – маленькое чудо, он приходит, чтобы что-то дать и получить взамен…

Этот маршрут наша завкафедрой ужас как не любит. Очевидно, потому, что идёт он мимо дач и собирает всех огородников. И этот контингент, пропахший табаком, алкоголем, потом – люди не всегда образованные, как, например, студенты педфака, который в нашем вузе приравнивается к ПТУ. И если послушать эту братию, то у всякого доцента филологических наук разовьётся маниакально-депрессивный психоз на почве желания исправить, отрегулировать и насмерть стоять за великий и могучий… А я – люблю прокатиться. Сажусь во второй вагон заранее, когда он совсем пустой, занимаю место у окошка, включаю плеер. Еду, чтоб ещё раз восхититься тем, что несмотря ни на какие трудности, в людях ещё сохранилась жажда жить по-доброму. И уж если в вагонной давке они способны извиняться, сопереживать, улыбаться незнакомым, значит, они поистине великие!

Парень напротив – из числа завсегдатаев второго вагона. Мест опять на весь отдел забронировал. Ответь только, ты зачем возишь книгу, если почти не открываешь её, а только тёток болтовнёй развлекаешь? И тебе удаётся: те ведь слушают, будто на работе не успевают наслушаться! Ещё одна личность, ещё один неповторимый набор генов, чувств и жизненного опыта… Такие сами-то себя не всегда понимают, где уж их понять ближним!

Вот и девчонка – тоже из постоянных пассажиров. Горящие от усталости глаза, стрекочущее от гонки сердце… Ритм жизни даже попереживать толком не даёт. Лишь в дороге и вспомнишь, сглотнёшь, жалея себя, бедняжечку. Да дома, под одеялом, расчувствуешься… Ты ещё помнишь, что такое юношеская бессонница? Ничего, скоро забудешь.

– Эти места – заняты? – миленькая… Сколько ж мольбы и надежды в твоём почти детском голосочке!..

– К сожалению, да, – беспощадный ответ. Неправильный! Ты сможешь

спокойно сидеть, когда эта цыплюшечка будет стоять, беспомощная, как блондиночка-водитель на оживлённой трассе?

– Вот это – свободно! – он передвинулся правее. – Садитесь, сударыня, прошу вас!

Правильный ответ! И не парься относительно коллеги – ты ж не её место уступил! Ты ж своё уступил! И вообще, коллеги могли б не опаздывать!

Тронулись. Перроны, пути… Рысачьи морды электричек, сухие, вытянутые их тела нервно дрожат перед стартом… Ухоженные тела скорых фирменных… Длинно-чёрный, огромный ноябрьский вечер с фантастическими всполохами от контактного провода… И что ты молчишь? Отвлекись уже от книги! Или на буквы смотреть интереснее? Не стань придурком! Ну! Минуты капают!

– Не будет ли сударыня возражать, если и в понедельник для неё местечко займу?

Во-от, молодец! Держи приоритет!

– Полагаете, в понедельник я тоже поеду этой электричкой?

А куда ж ты денешься, солнышко! Поедешь, как миленькая, и не рыпнешься!

– Не исключаю.

Осторожно подняв глаза, она вздрогнула, отвернулась, заморгала… И к чему эта пауза на полторы станции? Твой коммуникативный кретинизм тебя саму – не пугает? Лови ситуацию! Парень – ждёт!

– Вы меня смущаете. Мы так не договаривались! – слава богу, разродилась!

– Честно сказать, мы вообще никак не договаривались… – он молодец, за словом в карман не лезет! В отличие от одной некоторой, язык опять проглотившей…

– Не берите в мысль. А что у вас за книга? Достоевский? Смотрю, давно уже…

Н-да, вот ты только что и призналась, что тоже давненько за ним наблюдаешь! Герменевтика – мощная вещь, но вопрос: владеет ли он ею?

– Нет, я Фёдормихалыча не читаю – боюсь, вдруг понравится, – определённо, этот обаятельный балбес заставляет работать мозги в иной плоскости, со скрипом и заносами; чтобы понять человека, порою приходится сходить с рельсов. – Диккенс. «Пиквикский клуб». Читали?

– Ну что вы! Я читаю исключительно некрологи в вечёрке! – дура, зачем создаёшь негативные мыслеформы? Небось, думаешь, сострила? Молись только, чтоб он всё воспринял адекватно!

– И не знаете Диккенса? – о-о, да: классики английской литературы – самая походящая тема при знакомстве с девушкой! Ты ещё Теккерея упомяни или Голсуорси! И Роберта Бернса не забудь процитировать: «Твои глаза горят во тьме, когда теряю ум я»… Правда, других его цитат и сама сразу не припомню…

– Откуда! Нас же в инкубаторе растили, только начала выползать из него… – вот, правильно! Подобающий ответ!

– Ох, сударыня, ну, вы сказали! – бесенята, заплясавшие польку в его глазах, опять ввергают её в раздумья.

– Ваше вежливое обращение, несомненно, льстит столь скромной и застенчивой особе, но разрешите попросить вас менее пафосно ко мне обращаться. Ибо при слове «сударыня» не могу устоять перед соблазном заказать у вас блинчики и чай с бесплатным лимоном.

Браво! Вернулся-таки дар речи. Не прошло и получаса! Какой шокирующий лексикон, какой ехидный тон! Думаешь, отшила его, на место поставила? Ты ж даже не намекнула, ты прямым текстом открыла самое сокровенное! Не сомневайся: он-то не промедлит!

– Так вы и не устаивайте! В Куршевке есть местечко, где весьма недурственно готовят блинчики. Полагаю, есть повод нанести туда совместный визит сегодня же, а то на работе перекусить некогда, а дома готовить – лень.

Ну? Ваше слово, «сударыня»! Поезд неумолимо наматывает на оси последние километры. К чему излишний выпендрёж? Кому от него польза? Вспомни: «Если он уйдёт – это навсегда!». Ну? Пищевая доминанта перевешивает же остальные! Ну-у?? Куршевские огни мерцают в зоне видимости! Н-ну-у-у??? Барабанная дробь, по нарастающей…

– Таня, – тоненькая ладошка трепыхнулась робким взмахом маленькой птахи, пробующей крылья, точнее – вскинутым белым флагом.

– Дмитрий…

…Шагнули они вместе на перрон, постепенно исчезнув в снегопаде. Странная тишина и какая-то недосказанность остались в вагоне… И как сегодня спокойно спать, при моём-то патологическом любопытстве?! Верится, что теперь-то этой вновь образовавшейся паре, прыгнувшей за своим маленьким счастьем в открытый космос, решившейся построить новую Вселенную и твёрдо верующей: мы сможем ВСЁ, совершенно не страшен ни глухой мир стервятников, готовых разорвать ближнего, ни ледяная каменистая пустыня равнодушия и безразличия, ни всё прочее зло мира, вместе взятое...

ВЕРХНЯЯ ПОЛКА

На верхней полке чудесно путешествие в страну снов. Переход этот мгновенен, как отправление сообщения. И вот уже свисает откуда-то сверху гамак сновидения. Ткань его так осязаема и упруга, что похожа на явь. Да-да! В гамаме наших снов дремлет явь.
В рассказе Андрея Демьяненко – власть сети над человеческими отношениями и судьбами, или Интернет – оказался лишь зеркалом их ренальных подводных камней? Вскрытие показало... Виртуал извлекает душу героев, и тему кукольного мира продолжит Марсель Милан...

РОМАН ВСЕВОЛОДОВ

ДОМАШНИЙ УЮТ

Белые простыни, чёрный пиратский флаг.
Пьяная женщина и недопитый коньяк.

Кладбище ангелов – вид из окна.
Вера в любовь безнадёжно больна.

Мёртвые розы, домашний уют.
Крутится диск, где русалки поют.
Кто-то их слышит в пучине морской.
Я – сидя в кресле. Ведь я не герой.

Пьяная женщина спит на полу.
Допью вот коньяк, и рядом засну.

АНДРЕЙ ДЕМЬЯНЕНКО

В КОНТАКТЕ

В маленькой неубранной комнате за компьютерным столом сидят два человека. Вероника и Вадим.

– Давай теперь создадим мне страничку «В контакте», – говорит Вероника.

– Давай. Регистрируемся. Я вношу данные.

Руки Вадима перемещаются по клавиатуре, как пауки, он печатает вслепую. Символы кляксочками забрызгивают монитор. Вадим иногда берётся за мышку, открывает вкладки, находит нужные строки – заполняет анкету. Вероника не успевает отслеживать движения. Она только уточняет вопросы своей биографии, когда Вадим спрашивает.

Вадим, толстеющий мужчина, ещё не совсем растерявший растительность на голове, и потому с заметной сединой. Бычья шея, широкие плечи и заметный признак спокойной сидячей жизни – живот. Вероника рядом с ним выглядит хрупкой. Она стройна. Худое лицо, на которое уже заползают морщинки, в обрамлении длинных крашеных каштановых волос. Она выглядит опрятно. Нет следов косметики, ярких ногтей, но руки ухожены, причёска аккуратна; стильный спортивный костюм. У него же остатки волос топорщатся, от небрит, ногти не стрижены, на очках отломана дужка, штаны заношены, футболка мятая.

– Нувот, – говорит Вадим, – теперь добавляем фото, и страница готова…

– Вот это фото, всё равно лучше не найдём… Какая я всё-таки не фотогеничная…

– Ты здесь красивая.

– Да ладно.

Оба смотрят на монитор и оценивают, что получилось.

– Остальное сама. Справишься. Здесь всё просто.

– А что это? – спросила Вероника.

– Что именно?

– Замужем?

– А что тебя не устраивает? Или ты хочешь сказать, что ты жената?

– Я ничего не собираюсь говорить.

– Ну, молчи.

– Убери это.

– Но ты же замужем.

– Я не собираюсь это афишировать перед всем Интернетом.

– Понимаешь, здесь есть настройки конфиденциальности. Например, ко мне на страницу могут зайти только друзья. Друзья – это те, кого ты сама добавляешь.

– Убери.

– Мы сделаем тебе такие же настройки конфиденциальности.

– Это наши личные с тобой отношения.

– Когда ты вышла замуж, ты вмешала в наши отношения государство.

– Убери.

– Но ведь друзья и так знают.

– Убери.

Вадим нахохлился и стал похож на объевшегося, но сердитого воробья.

Он проделал несколько манипуляций, строка «замужем» исчезла. Посидел немного, бесслoвно извергая искры раздражения, и улёгся с книгой на кровать.

Когда Вероника что-либо спрашивала, он сквозь зубы цедил ответы. Наконец, Вероника прилегла к нему.

– Не сердись. Я не хочу с тобой ссориться… по пустякам…

– Мне непонятна твоя мотивация.

– Я не хочу, чтобы все знали.

– Мне это непонятно. И неприятно.

– А что здесь непонятного?

– Напиши, что ты в активном поиске!

– Семья это наше. Это только наше с тобой дело.

– Может, мне тоже убрать, что я женат?

– Это твоё дело.

– Я не понимаю…

– Если тебе это важно, то поставь, что я замужем, – согласилась со вздохом Вероника.

– Тогда я поставлю, что ты замужем за Вадимом Веригиным.

– Ну нет!

Они ещё долго тревожили воздух словами, но так и не договорились…

Утром Вадим проснулся рано. Он долго смотрел в полумрак комнаты, иногда на Веронику, её лицо было спокойным и в свете фонаря, просовывающего лучи через занавеску, бледным и загадочным. Вадиму показалось, что нет отличия между тканью пододеяльника и лицом. Разница только в оттенках. Он потрогал ткань, затем прикоснулся к лицу Вероники. Она повернулась и приобняла его, не просыпаясь. Вадим так и лежал, не

шевелясь, пока Вероника не убрала руку. Серое утро уже заменило фонарное освещение. Вадим встал, надел трусы, штаны и футболку, сел за компьютерный стол, разгрёб себе немного места, взял бумагу и ручку и начал писать.

Ты говоришь, что не хочешь ссориться со мной. Это не ссора. Это просто ещё одна обида в огромную сумку обид. Казалось бы, что проще: выкинул обиду, выкинул сумку… Пробовал. Выкидывал, но оказывается, что сумка для обид – это ты сам. Себя не выкинешь. Я уже лишнее не беру. Строгий отбор. Повертел, прикинул по классификации, если экспонат повторяется или мелкий – отбрасываю. Всё равно ещё раз попадётся. А если что-то эксклюзивное, то, конечно, в сумку положишь. Только такого с каждым годом всё меньше и меньше…

Недавно подумалось, если я сумка для хранения, то, возможно, во мне хранятся кроме неприятностей приятности – счастье, например. Посмотрел. Маленький боковой кармашек пуст, и с дырой. Похоже, что-то проделало в нём дырку. И то, что было, потерял, и нового не положишь. Разве что зашить…

Неужели и ты тоже всего лишь сумка с неприятностями? Э-э-эх…

Ну, ерунда! Не захотела заполнять в анкете, что ты замужем. Посмеяться бы, да и всё. Только и смеха в сумке не осталось.

Смотрим… Не хочешь афишировать, что замужем… Почему?! Мне это непонятно. Ещё одна волосинка на плешине обстоятельств. Ты всегда меня стеснялась. Даже лёгкое проявление чувств на людях – не в твоих манерах. Секс в гостях (под одеялом в темноте) – ни в коем случае. А ведь интересно! И раньше, вспоминается, бывало… Детей ты от меня рожать не хочешь. Больше обид не вижу. Может, спрятались за другими…

И вот, кроме того, что мы сумки, мы – куклы. Инерционные куклы. Это не жизнь. Ты возлагаешь надежды на новую квартиру… Обычный ремонт, сделанный так себе, руками бездушных строителей. Там нет ничего, что сделали бы мы сами. Ты всегда сомневалась в моих способностях. Я даже гвоздя там не вбил. Из всех способностей во мне осталась прекрасная способность опускать руки.

Иногда мне передавалось твоё радостное возбуждение, когда мы выбирали кафель, сантехнику, обои, представляли, как это будет смотреться. Теперь я хожу по новоотделанной квартире, смотрю… представляю, как будут существовать две инерционные куклы…

Из тебя всегда нужно было выдавливать признание в любви. А помнишь, когда я тебе первый раз сказал, что люблю тебя. Ты светилась несколько дней… Или лет? Я помню только утро после признания, и ты светилась.

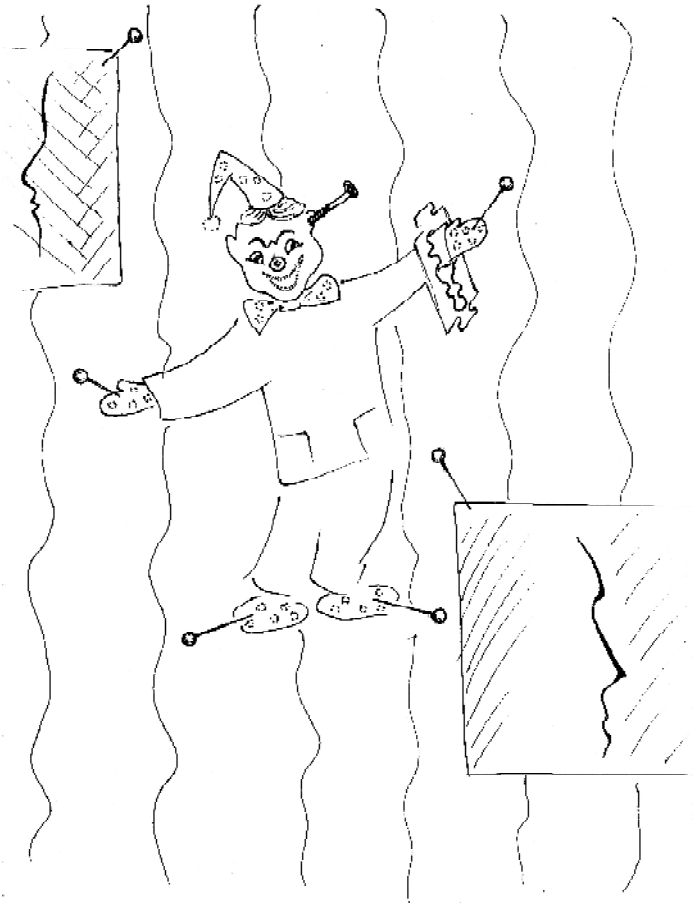
Ты никогда не называла меня любимым. Это превосходная степень. Она значит, что я любимее всех… Это очень приятно.

С любимым даже оргазм сильнее. Но это не про нас. Мы куклы. Если тебе сильно надавить на живот, ты скажешь: «Я люблю тебя». А я опущу руки и скажу сквозь зубы: «Обидно».

Когда Вероника проснулась, Вадима рядом не было. Рядом с кроватью стоял сервировочный столик, на нём был завтрак: в тарелке – салат, в конфетнице – фрукты, в фужере – сок. В высоком стакане – чайная роза. Рядом несколько исписанных листков, и на них сидела тряпичная кукла, очень похожая на Пьеро, только в чёрной одежде.

– Вадим, – позвала Вероника.

Но в ответ только кукла немного покачалась, и слабый механический голос ответил: «Доброе утро».



Андрей Демьяненко «Вот такая петрушка»

МАРСЕЛЬ МИЛАН

КУКЛЫ

Герман Карлович устроился на казённой табуретке, раскрыл папку с историей болезни пациента и “замурлыкал”:

– Так, так, Владимир Львович… – врач перевёл взгляд на пациента, упакованного в смирительную рубашку и неподвижно возлежащего на железной кровати.

– Что же вас так расстроило, голубчик?

Попытка вступить в контакт с пациентом – сходу не привела к положительному результату. Владимир Львович, стеснённый в движениях, не шевелился, продолжая отрешённо смотреть в потолок и, судя по всему, не собирался исповедоваться.

Герман Карлович не стал настаивать, а принял решение идти обходным путём. Психиатр он был опытный, работу свою знал и любил. Поэтому начал вслух неторопливо излагать факты, записанные в истории болезни:

– Три недели назад вы бросили работу. Как утверждает ваш начальник, без видимых причин. Оставили дом и семью, жена ваша уверяет, что алкоголем вы никогда не злоупотребляли. Однако, в истории болезни имеется запись, что вы, голубчик, дважды за последнюю неделю устраивали пьяный дебош.

Герман Карлович ненадолго прервался, давая возможность себе и пациенту обдумать вышеперечисленные несоответствия в правилах социального поведения, затем продолжил:

– Вы к нам вчера поступили. Сейчас посмотрим, по какой причине. – Герман Карлович сделал вид, что ищет место в записях, хотя причину и так хорошо знал.

– Вот, применение табельного оружия в общественном месте. Эк, как прокуратура нам указывает!? Что же это такое, нервный срыв или вас что-то беспокоит? Вы человек общественно-значимый, майор, сотрудник уголовного розыска. Может, по работе у вас что не так, или запутались? Тогда не будем голову друг другу морочить. Расскажите мне, что и как, и как там у вас говорится, на свободу с чистой совестью. Герман Карлович не лукавил. Симулянт в палате был ему совершено ни к чему.

– Доктор, вы уверены, что хотите всё знать?

Герман Карлович сосредоточился, началась работа.

– Владимир Львович, будьте со мной откровенны, я желаю вам помочь,

надеюсь, что мы с вами вместе разберёмся в мотивах ваших поступков. Владимир Львович неожиданно хохотнул и, переведя голову в исходное положение, зло произнёс:

– Я, доктор, с вами обязательно поделюсь своей проблемой, только пусть он выйдет.

Герман Карлович осмотрелся вокруг и спросил:

– А кто должен выйти, Владимир Львович?

– Санитар, – пациент ответил вяло и тягуче, но после прибавил быстро и нервно:

– Не могу больше на них смотреть

За спиной у психиатра, приваливаясь к стене, стояли два санитара, Герман Карлович снова осмотрелся и задал пациенту уточняющий вопрос:

– Вы хотите, что бы из платы ушли оба санитара или один?

– Один, тот, который слева, – терпеливо пояснил пациент.

Герман Карлович полуобернулся и попросил:

– Николай, – именно так звали санитара, на которого было указано. – Пожалуйста, оставьте нас.

Николай, не спеша, и с достоинством покинул палату. Герман Карлович проследил, как закрылась дверь, а затем повернулся к объекту психологического исследования.

Пациент начал говорить не сразу, но и не затягивая молчание:

– Доктор, прошу вас ещё об одном. Обещайте мне выслушать всё до конца.

– Голубчик вы мой, – с расстановкой ответил Герман Карлович. – Будьте покойны, я буду слушать всё, что вы скажете, и столько, сколько вы будете говорить.

– Спасибо, – ответил Владимир Львович, сосредоточился и начал рассказ:

– Всё началось около месяца назад. Стал я видеть по ночам один и тот же странный сон. Мрачный старик, с лицом египетской мумии. Сначала всё молчал, будто присматривался ко мне, а потом стал мне что-то рассказывать. А я вот проснусь утром, и ничего не помню, только лицо его злое, а что он мне во сне наговаривает – как отшибает. Что я только ни делал, и снотворное пил, и коньяк, старик тут как тут. И как он мучается со мной и меня мучает, да никак не сладит. Но вот через неделю таких страданий просыпаюсь я угром, и как наяву мой сон, всё помню, а самое главное, знаю, что мне старик во сне толковал. В тот день, доктор, я и прозрел. Днём на работе со мной случилось лёгкое головокружение, как ветерок в голове, буквально на секунду, а потом я стал их видеть – здесь Владимир Львович остановил свой рассказ, то ли устал, то ли не знал, как продолжать. Герман Карлович пришёл ему на выручку и поинтересовался:

– Скажите, Герман Карлович, а кого вы стали видеть?

– “Кукол”, – просто и быстро ответил пациент.

Герман Карлович переспросил:

– Каких “кукол”?

– Тех “кукол”, среди которых мы живём, – уточнил Владимир Львович.

Герман Карлович задумался лишь на мгновения, и спросил:

– А эти “куклы”, вы подразумеваете под этим словом определённых людей, которые вызывают у вас ассоциационные образы?

Рисунок Ольги Туркиной

– Да нет, доктор, какие уж тут образы. Это “куклы”, такие реальные, как и люди, никаких ассоциативных образов.

– А как они выглядят, эти куклы? – в голосе Германа Карловича сквозил профессиональный интерес.

Владимир Львович немного помолчал, закрыл глаза и хриплым голосом сообщил:

– Тела у них, как у людей. Мужчины, женщины, дети, они, как мы, только головы у всех, как у театральных кукол. Это странно и противно. А ещё они делают всё, как мы, люди. Они говорят, едят, они разговаривают с нами, они живут с нами, они вытесняют нас. Я думаю, они паразитируют на людях.

Владимир Львович высказался и замолчал. Герман Карлович призадумался. С одной стороны у пациента ярко выраженное депрессивное состояние после пережитого, с другой стороны просматривается неврологическое расстройство с элементами галлюцинативных видений. Попытку симуляционных действий Герман Карлович не усмотрел.

– Вот что, голубчик, – сказал он, обращаясь к Владимиру Львовичу. – Давайте-ка понаблюдаемся, пару деньков, там глядишь, всё встанет на свои места, отдыхайте. Пока никаких препаратов, при условии, конечно, что вы

возьмёте себя в руки и не будете устраивать скандалы. Договорились?

Владимир Львович молчал.

– Ну и ладненько. Завтра я к вам загляну с утра ещё раз, побеседуем подробней. Если будут какие-либо просьбы, обращайтесь ко мне через санитара.

Привычка пропускать рюмочку коньяку после рабочего дня у Германа Карловича сложилась лет семь назад. По дороге домой он каждый вечер заходил в рюмочную у гастронома, выстаивая очередь из трёх-четырёх человек, заказывал сто грамм коньяка с лимоном, затем, устроившись за высоким столом, наблюдал некоторое время за посетителями питейного заведения. После чего, не торопясь, выпивал коньяк в два приёма.

Вечер сегодняшнего дня не был отличным от других вечеров. Герман Карлович стоял за столом всё в той же рюмочной и традиционно осматривал обстановку небольшого питейного зала. Кроме него сегодня было в этот час только два посетителя, причём это были завсегдатаи, которых Герман Карлович хорошо знал. Интереса они для него не представляли. Было скучновато. Раздосадованный этим обстоятельством, Герман Карлович вопреки сложившейся традиции сгоряча принял сто грамм в один приём, намереваясь не задерживаться дольше в рюмочной.

Коньяк, как всегда мягко, приятно согрел горло, и уверенно отправился гулять в пищевод, дабы скорее усвоиться организмом психиатра и произвести нужное воздействие на моторные и психофизические реакции организма.

Герман Карлович выдохнул и только положил в рот дольку лимона, как вдруг почувствовал вместо ожидаемого приятного ощущения в желудке – нестерпимый дискомфорт, который молнией пронзил мозг. В голове шумело, как будто ветерком колыхнуло мозговую жидкость, сознание пропало, а потом вдруг всё враз пришло в норму. Герман Карлович только и успел зафиксировать новые доселе незнакомые ему ощущения. Он понял, что что-то произошло, и что с этим нужно немедленно разбираться. Герман собрался и покрутил вокруг головой. Взгляд его остановился на лицах двух завсегдатаев, стоявших в трёх шагах от него за соседним столиком в полуобороте к нему.

Вот тут-то Германа и прошиб холодный пот. Он, не отрываясь, смотрел на головы тех двоих – и не мог от испуга отвести взгляд. Сознание ударило молотом: “Куклы”.

Санитара, присутствовавшего при разговоре Германа Карловича с пациентом, прозрение настигло в собственной квартире, вечером того же дня. Он смотрел на свою шестилетнюю дочь с головой куклы, которая игралась перед ним на ковре. Он сидел на диване и смотрел на неё с животным ужасом, не произнося ни единого слова. Боясь пошевелиться и выдать себя.

Раньше мы вкладывали иной смысл в название рубрики – теперь буквальный.
В этой рубрике были авторы из далёких городов, теперь – мы рассматриваем, КАК двигается сообщение. Люди идут путём сообщений, а не дорогами живых разговоров и встреч.

ИЛЬЯ КРИШТУЛ

ПЕРЕПИСКА *(жизнь в sms-ках)*

17 ЛЕТ

«рст тыгде»
«абвгдома»
«опр спиш»
«руск22ий кклм делаюзафтра()(дектан»
«выхади двор,,,ээю!»
«немогу родит(((? домане пустют закалибали»

20 ЛЕТ

«тыгде»
«в универе»
«пошли вечерклуб идут ирка машка потом надачу кним!!!»
«лавэ нет занятьнадо»
«нетупи занимай и смсся»

30 ЛЕТ

«ты где»
«в третьяковской галерее»
«извините ошибся номером»

40 ЛЕТ

«Ты где»
«Дома смотрю футбол»
«Бери выпить иди ко мне смотреть моя свалила 2 дня тёще Ирка Машкой уже едут!!!»

«Напиши смску чтоб я своей показал»
«Сергей у меня умерла тёща в Тамбове помоги похоронить поехали на два дня в Тамбов»
«Еду»

50 ЛЕТ

«Ты где?»
«В парке внуком играю прятки»
«приходи срочно эти старухи припёрлись Ирка Машкой боюсь начнут приставать»
«Бегу пока предложи поиграть прятки и запрись в туалете»

60 ЛЕТ

«Ты где?»
«ПИШИИИ КРУПММНЕЕ Я ПМНОХО ВЗИЖУ»
«ТЫ ГДЕ?»
«В БОЛЬ НИЦЕ АВТРА ОПЕРРРАЦИЯ НА ВВГЛАЗА ПОТОММММ ПОДЖЕЛУАБВГДОЧНАЯ И ПЕ ЧЕНЬ»
«Я ТОЖЕ БОЛЬНИЦЕ ТОЛЬКО ПЕЧЕНЬ И ПОДЖЕЛУДОЧНАЯ ГЛАЗА ЕЩЁ ВИДЯТ»

80 ЛЕТ

«ТЫ ГДЕ?»
«ИДУ ИЗ КУХНИ В КОМНАТУ А ТЫ?»
«ПОЛУЧИЛ ПЕНСИЮ ЖДУ ТЕБЯ У ПОДЪЕЗДА ТУСАНЁМСЯ»
«ВЫБЕГАЮ БУДУ К ВЕЧЕРУ ЕСЛИ ЛИФТ РАБОТАЕТ. ЗВОНИ ИРКЕ С МАШКОЙ»
«ЗВОНИЛ ОНИ ВЧЕРА В СОБЕСЕ КОЛБАСИЛИСЬ СЕЙЧАС ОТСЫПАЮТСЯ»
«ПОЙДЁМ ТОЖЕ В СОБЕС МОЖЕТ С КЕМ-НИБУДЬ ПОЗНАКОМИМСЯ»
«НЕ ЗАБУДЬ СЛУХОВОЙ АППАРАТ КАЛЬСОНЫ И КАК ТЕБЯ ЗОВУТ А ТО ОПЯТЬ ОПОЗОРИМСЯ»
«А КАК МЕНЯ ЗОВУТ?»
«ТЫ ГДЕ?»

МОЯ ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА

Интернет – великое изобретение человечества. Как колесо или одноразовая зажигалка. Книги, газеты, фильмы, музыка, телетрансляции, даже эротика – найти в нём можно всё! А ещё по Интернету пишут письма. И, соответственно, получают. К сожалению, не только деловые или личные. Вот, например, только небольшая часть писем, которые пришли на мой электронный адрес в прошлую среду:

«Брус. Недорого».

«Безболезненное увеличение или уменьшение пениса по израильской методике. Надёжно. Быстро. Красиво!».

«Американский английский и русский украинский за один день! Знающим английский и украинский – скидки! Качественно. Возможна ускоренная программа за 1 час».

«Брус недорого продам».

«Горящие туры в Израиль! Желающим – безболезненное увеличение или уменьшение пениса по израильской методике. Отличный отдых! Недорого. Надёжно. Также обучаем американскому английскому и русскому украинскому на иврите. Качественно! Знающим иврит – скидки!».

«Ритуальная фирма «Акрополь». Мы хороним – вы наслаждаетесь! Также в нашем морге возможно безболезненное увеличение или уменьшение пениса по израильской методике. Санитары говорят только на американском английском и русском украинском. Вы хотите понять, что они говорят? Обучение во время операции. Вы останетесь довольны! Надёжно!».

«Недорого продам брус!».

«Вниманию страховщиков! Конференция по страхованию в Израиле! Номера люкс в пятизвёздочной гостинице на побережье! В гостинице – безболезненное увеличение или уменьшение пениса по израильской методике, обучение американскому английскому и русскому украинскому. Делегатам конференции – скидки! В случае Вашей смерти во время конференции ритуальная фирма «Акрополь» отправит Вас на родину бизнес-классом! Качественно!».

«Брус недорого продаю!!!».

«Гороскопы. На секунду, минуту, час, день, неделю, месяц, год, пятилетку, век, тысячелетие. Мы знаем всё! Вы хотите безболезненно увеличить или уменьшить пенис по израильской методике? Рыбам это лучше делать во вторник. В среду Тельцов ждут на курсах по обучению

американскому английскому и русскому украинскому со скидкой 8 процентов. Овнам в пятницу следует позвонить в ритуальную фирму «Акрополь». Избавьте своих родственников от проблем! Каждому позвонившему Овну – личный гороскоп на 9 и 40 дней в подарок! Качественно. Недорого. Надёжно».

«Дёшево!!! Брус!!! Продам!!!».

«Лучшие рассылки Сети! Вы мечтаете безболезненно увеличить или уменьшить пенис по израильской методике? Выучить американский английский и русский украинский? Достойно похоронить родственника? Ежедневно получать личные гороскопы? Всё это есть в наших рассылках! Качественно! Недорого! Скидки!».

«Бесплатно увеличу пенис тому, кто бесплатно заберёт у меня брус!!!».

«Привет! Меня зовут Лана. Посмотри горячее видео со мной и с моими подружками. Такого ты ещё не видел! Также наши девушки помогут тебе составить гороскоп и похоронить родственника, безболезненно увеличат или уменьшат пенис по израильской методике, обучат американскому английскому и русскому украинскому… Позвони! Недорого! Качественно! Надёжно! ».

«Мужчина, который забрал у меня брус и которому я увеличил пенис! Позвони! Тебе ведь было хорошо со мной?».

«Вы устали от СПАМа? Ритуальная фирма «Акрополь» избавит Вас от него! Наши недорогие гробы из дорогого бруса это лучший антиСПАМ! Дёшево! Радикально! Надёжно! Также Вы можете посмотреть горячее видео с участием наших ритуальных агентов Ирины и Валерия. Специально для этих съёмок агент Валерий безболезненно увеличил пенис по израильской методике!».

Я посмотрел. Ритуальный агент Ирина хороша! Агент Валерий тоже ничего. Я позвонил. СПАМ меня больше не беспокоит. Меня вообще больше ничего не беспокоит. Только ритуальный агент Ирина иногда приносит пластмассовые цветочки…

«ОДНОКЛАССНИКИ.РУ» И ЛЕПЁШКИН

Вся страна сидит в «Одноклассниках». И вся эмиграция тоже. Пожарные сидят между пожарами, а иногда вместо, милиционеры зависают, врачи, банкиры с охранниками, домохозяйки и, разумеется, менеджеры среднего звена. Им-то сам Бог велел – компьютер на столе, начальник на деловой встрече, зам. начальника на работе, но тоже в «Одноклассниках», школьную любовь ищет… Все на сайте, все поголовно, и не только люди – депутаты попадаются! – один Ваня Лепёшкин там не сидит. Он то в тюрьме сидит, то дома на диване и без всякого компьютера. Но однажды – он как раз дома сидел, не в тюрьме – подарили ему компьютер. Ну как подарили – отдали. Ну, даже не отдали, а он сам попросил. Ну не попросил – взял и всё. Двери запирать надо, не в деревне живёте. Так вот – появился у него компьютер, и Ваня сразу в эти «Одноклассники» зашёл, на друзей-подруг школьных посмотрел. Очень расстроился, очень. Какие там фотографии! Правда, у всех почему-то одинаковые. Бабы сначала на фото с ребёнком, потом в купальнике на море, если фигура позволяет. Если фигура уже не очень, тогда на фоне своего особняка и по пояс, но особняк целиком, все шесть этажей. Потом фото за компьютером – это она на работе, фото с шампанским – на корпоративной вечеринке и последнее – «Это я в Испании в прошлом году». Они в прошлом году почему-то все в Испании были. И на заднем плане обязательно какой-то мачо маячит – намёк на курортный роман. Хотя у нас таких мачо на любом рынке больше, чем во всей Испании. У мужиков фотографии почти такие же, только антураж пивной. Зонтик, под зонтиком столик, весь уставленный пивом – «Я во Франции». Другой зонтик, другой столик и пиво другое – «Я в Италии». Третий зонтик, третий столик с пивом – «Это я в Амстердаме» и так по всей географии. Плюс – обязательно! – фото за рулём дорогой машины и охота-рыбалка на фоне джипа. Лепёшкин же во франциях-италиях, разумеется, не был, про Амстердам и не слышал даже, рыбалкой не увлекался, а охотился только по ночам и только с целью наживы денег на выпить-закусить. Да и фотоаппарата у него никогда не было, его обычно милиционеры фотографировали. Машина, правда, была, но недорогая и не очень его. А пиво Лепёшкин вообще не пил, он больше по водке ударял и по самогону. Но настроение как-то поднимать надо, и Ваня вспомнил про своего дружка, они сидели вместе. Тот на компьютере и

доллары делал, и свидетельства всякие, и акции «Норильского никеля», а один раз деньги какого-то банка на себя перевёл и поехал в Кемерово отдыхать, думал, это далеко и там не найдут. Его в Кемерово и не искали, его прямо в вагоне-ресторане взяли, в километре от Москвы. Вот этому дружку Лепёшкин и позвонил. Дружок выслушал проблему, сказал, что это дело двух минут, но нужны всякие напитки. Лепёшкин всякие напитки взял и выехал.

На следующий день, приехав домой и поборов похмелье, Лепёшкин гордо открыл свою страничку в «Одноклассниках». Он не помнил, что за фотографии они вчера сделали, поэтому уже первая повергла его в шок. На ней он стоял между Путиным и Медведевым, а подпись гласила: «Я знакомлю Владимира Владимировича с Дмитрием Анатольевичем». Подписи под остальными фотографиями, как и сами фотографии, были под стать первой: «Я даю взаймы Абрамовичу», «Я учу петь Аллу Борисовну», «Я показываю Биллу Гейтсу, как работать на компьютере», «Я объясняю Гусу Хиддинку футбольные правила», «Я выгоняю из своей постели Наоми Кэмбелл и Дженифер Лопес», «Я покупаю десяток яиц Фаберже», «Элтон Джон и Борис Моисеев поют мне колыбельную»… Эту фотографию Лепёшкин решил на всякий случай удалить, слышал он что-то нехорошее про этих Джонов-Борисов. Зато следующее фото ему очень понравилось. На нём он гордо скакал на белом коне по степи, в папахе и бурке, с нагайкой в руке, а от него трусливо убегала украинская армия, уплывал флот и улетала авиация. Подписано фото было просто: «Я возвращаю Крым России». Оставшиеся фотографии Лепёшкин уже не просматривал, а быстро пролистал. На них он кормил с рук Валуева, запускал в космос Гагарина, отгонял Сальери от Моцарта и тушил Жанну д'Арк. Самая последняя фотография была сделана, наверное, когда всякие напитки уже кончились. Счастливый Лепёшкин выходил из роддома под руку с Девой Марией. У дверей роддома их ждал белый лимузин. В руках у Лепёшкина был свёрток с ребёнком. Встречающие стояли на коленях, не смея поднять глаз. От Лепёшкина исходило какое-то неземное сияние. Невдалеке братья Кличко заранее били Иуду. Водитель лимузина каялся. Короче, Ваня Лепёшкин остался доволен.

Письма Ване начали приходить сразу и в огромных количествах. Отличница, которая отторгла Ваню на выпускном, предлагала срочно встретиться и исправить эту ошибку, остальные девушки просто присылали свои фотографии и номера не только телефонов, при этом каждая третья хотела родить от него ребёнка, а у каждой второй он уже был и, разумеется, от Вани. Мужики просили взаймы и звали в баню, а некто Кузьмичёв именно Ване мечтал задёшево продать партию мопедов. В городе Сыктывкаре

назвали новую улицу его, Вани Лепёшкина, именем, там осталось только вырубить лес, положить асфальт и построить дома, в какой-то деревне открывали Ванин бюст, приглашали на открытие и просили немного денег на торжества, женская волейбольная команда из Томилина предлагала купить её всю целиком вместе с сеткой и мячиками, но без маньяка-тренера… Много было писем, очень много, а последним пришло послание от Абрамовича. Он интересовался, где, когда и сколько он взял взаймы у господина Лепёшкина и как ему вернуть долг. Господин Лепёшкин вспотел и, не мешкая, стал писать ответ. Сначала он написал, что Абрамович взял у него взаймы в марте, у входа в универсам на 3-ей Парковой улице. Перечитав, Ваня решил, что это несолидно и переделал универсам в сберкассу, а март в сентябрь. Получилось лучше. Насчёт суммы Ваня решил сразу – 100 долларов. Но руки предательски дрожали после вчерашнего и в итоге нулей получилось чуть больше…

Через час люди Абрамовича привезли Ване дипломат с деньгами. Солнце на землю, конечно, при этом не упало и мир не перевернулся. Упал и перевернулся Лепёшкин, когда, проводив гостей, открыл дипломат. Денег было так много, что Ванины математические способности не позволяли их сосчитать.

Большие суммы учат и дисциплинируют. Ваня Лепёшкин со временем стал преуспевающим бизнесменом. Он женился на отличнице, некогда его отторгшей, купил шестиэтажный особняк, возле которого с утра до вечера играет в волейбол женская команда из Томилина, и послал приглашение Наоми Кэмбелл. Он вообще старался строить свою жизнь по фотографиям из «Одноклассников», хотя не всё, конечно, проходило гладко. Приехавшая Наоми, например, оказалась пожилой пьющей негритянкой и чуть не разрушила Ванину семью, Билл Гейтс на письма, даже со смайликами, не отвечал, Алла Борисовна отвечала, но исключительно матом, Путин с Медведевым познакомились давно и без Вани, а Жанны д'Арк с Моцартом и Сальери так вообще в живых не было, что Ваню очень удивило. Вскоре он в «Одноклассниках» разочаровался и перестал туда заходить. Чего там делать-то, на рожи эти противные смотреть? Ваня свой сайт создал – «Однокамерники.ру». Сайт сразу стал очень популярным, жизнь на нём закипела, особенно в группах «Лефортово» и «Бутырка». Одних Ходорковских зарегистрировалось 1455 штук, и это только с одной зоны! Всё правильно рассчитал бизнесмен Ваня Лепёшкин. Ведь в какой стране живём? Сегодня ты в своём офисе в «Одноклассниках» сидишь-общаешься, а завтра налоговая случайно зашла, обиделась на что-то и… «Владимирский Централ, ветер северный…»

ТЁМНО-БЕЛЫЙ

ВСТУПИИ В МОЮЮ ГРУППУ!!!

мир деградирует хайтеками новыми,
и зачем завтра отрывать зад от стула?
у меня теперь вся работа дома!
и семья вся в ЖЖ!
и весь мир в интернете!
и окна такие без жалюзи,
а на чипах железных,
заслюнявленных клавишах,
созданные
keyboards и руками своими же.
галлограммами вёсен,
зим,
и листьев осенних
выженных
граммами, кофе рыжее в себя вливаешь
а на стенах обои похуже, чем на столе рабочем.
и с вами
*и с вами тоже *киваешь**
нам выпить абсента бы
и быть absent на долгое «завтра»,
просто всё так далеко зашло уже
правда!
ищешь в гугле.com – camel
а не верблюд это
– сигарет марка.
как ты провёл лето?
вконтакте!!!!1111
и перед тем как умру я
у меня только одно желание.
кратко.
«вступи в мою группу по ссылке в статусе...»
и стань там админом.

Кому-то надо дёрнуть виртуальный стоп-кран! Этот призыв берёт на себя Антон Огнев, вплетая свой живой голос в становящийся виртуальным мир.

АНТОН ОГНЕВ

БАБОЧКА В ПИКСЕЛЯХ

Густую листву кустарников, на которую уже несколько жарких июльских дней оседала цементообразная пыль, крупными каплями омыл непродолжительный дождь. Дачный посёлок налился тёмно-зелёными, с синим оттенком, красками. Пахло озоном. По мокрой, глинистой, с небольшим уклоном дороге плыли пузыри. В углублениях скопилась вода, которую окаймляла жёлтая пенка. В зелёной ауре кустарников кипела жизнь: множество насекомых хаотично летало в оживляющей прохладе. Послышался скрип калитки; из кустов на дорогу выбежала собака, обнюхав кем-то оставленный возле забора красный велосипед, убежала прочь. В высокой траве слышался стрекот кузнечиков. Из узкого солнечного луча, просеивавшегося сквозь листву, вылетели две жёлтые бабочки; покружили над велосипедом и сели на его красную эмаль.

Истинность естества нарушило внезапное появление автомобиля, из салона которого доносились ультрабасовые звуки музыки. Птицы разлетелись в стороны. Когда машина остановилась напротив дома, то вся её масса упёрлась в жасминовый куст, надломив его. Микромир был разрушен.

Лохматый пёс по кличке Обормот, радостно встречавший гостей, получил по носу открывавшейся дверцей автомобиля. Пёс немного поскулил, не переставая вилять хвостом, но как почуял знакомый запах – обрадовался ещё больше. Девочка стала его гладить.

– Альбина, не трогай собаку, она вся грязная! –

высокомерно сказала мать девочки Виктория.

Открылась чёрная решётчатая с кованым узором калитка. Вышла Тамара Геннадьевна – бабушка Альбины. Папа девочки Артур, поковырявшись в салоне, приветствовал тёщу радушным жестом и не то улыбкой, не то оскалом.

– Как доехали, мои дорогие? – нерадостно спросила бабушка.

– Прекрасно! – всё с той же полуулыбкой сказал Артур. – Если бы не этот проклятый дождь.

– У нас он быстро прошёл.

– А как там папа? – спросила Вика у своей матери.

– Сидит в своей комнатке и почти не разговаривает.

– Ты что-то от меня скрываешь? – спросила дочь, увидев скорбное смятение на лице матери. – Я имею в виду здоровье. Он же плохо чувствовал себя, ты говорила.

– Прости, не хотела тебе говорить, – сказала Тамара. – У отца диагноз, подозрения подтвердились.

– Диагноз?..

– Да. Около месяца назад провели обследование. Шансов практически нет. Главное, перенести всё смиренно.

Её поразила стойкость матери.

Виктория невольно подняла глаза на окно второго этажа. Странный, безэмоциональный взгляд отца она увидела сквозь забрызганное дождём стекло. В этом образе было что-то пугающее, но тёплое, что-то из детства или юности, что-то судящее. И воспоминания холодным лезвием сверкнули у неё в памяти, словно всё всплывало не в сознании, давно затуманенном суетой, а исходило прямо из глаз отца. Почему-то вспомнились его слова: «Что же ты, дочечка, с собой сделала? Как они все тебя извратили…» Слова эти как эхо звучали в её голове. Вспомнилось всё: побег из семьи в шестнадцать лет, шумные компании начинающих бизнесменчиков, криминальные стычки, алкоголь, первая «несчастная любовь», вскрытые вены и тёплая, дрожащая рука отца и его взгляд, почти точно такой же, как сейчас: тускнеющий, уплывающий в небытие.

Она не видела отца всего несколько месяцев. Точнее сказать, не видела физически. Духовно же она не видела его почти всю жизнь. Казалось бы, всё у неё прекрасно: бизнес, достаток, четырёхкомнатная квартира, семья. Но гнетущее состояние не отпускало её последнее время. Ей хотелось куда-то бежать, бежать от себя, бежать от всей этой суеты. И вот она увидела образ отца в окне, и это состояние усилилось. Она даже почувствовала от своей жизни отвращение. Вдруг Вика увидела, что отца в окне уже нет. Она прошла сквозь влажную листву кустарников к колодцу, зачерпнула воды и умылась. Ей

захотелось бросить всё, и припасть к отцу, и больше никогда его не покидать.

Она вошла в дом.

– Дорогая, чего это ты пасмурная? А где макияж? Ты что, плакала? – настойчиво спрашивал Артур.

Она не ответила ему; отведя взгляд и опустив голову, взяла со старого дивана бабушкину вязаную шаль и укуталась.

Тамара Геннадьевна накрыла стол. Артур успел усесться первым, с аппетитом потирая ладони. Такой жест он делал в двух случаях: когда видел перед собой обилие закусок и множество хорошей выпивки, и во втором случае, когда заключался выгодный контракт.

– А где бегает Альбинка? – удивилась бабушка. – Она же всегда бежит первая к столу, ей так выпечка моя нравится! Может, она во дворе с собакой?

– Аля в комнате, с ай-подом, ну, с компьютером таким, занимается, – сказал Артур.

– Ой, испортите вы её. Ей же всего семь, рано ей.

– Тамара Геннадьевна, эти дети поумнее нас с вами! Они с компьютером не то, что на «ты», они о-го-го как с ним. Если бы вы видели, как она по клаве ноутбука чешет, а как она в интернете ориентируется!

– Альбин, ну чего ты его с собой всё время таскаешь? – спросила у появившейся дочери Виктория. – Лучше гуляй, каникулы скоро кончатся!

– Не мешай девочке развиваться, – настойчиво произнёс Артур. – Ну, дочь, покажи бабушке и маме, как ты с этой штукой справляешься.

Альбина, присев на плетёный стул, начала манипулировать с компьютером.

– В ай-поде кнопок как таковых нет: все действия и операции производятся путём лёгких прикосновений пальцев к жидкокристаллическому дисплею. Например, если нужно перевернуть виртуальную страницу, совершаешь то действие, как если бы ты переворачивал страницу бумажную; если нужно приблизить предмет на дисплее, то пальцами как бы растягиваешь картинку от центра до границ экрана, – не отрывая взгляда от компьютера, сказала девочка.

– Во даёт! Не то, что мы. За такими детьми – будущее! – красноречиво произнёс Артур.

– Всё равно, как бы Аля легко ни ориентировалась, долго работать с компьютером – вредно! – настаивала Тамара Геннадьевна.

Виктория пошла на второй этаж в комнату отца. Он сидел укутанный в плед в кресле-качалке и смотрел вдаль.

– Здравствуй, папа.

Отец взглянул на неё.

– Здравствуй, дочь, – сказал он.

Она подбежала к отцу, обняла его и заплакала.

Ком в горле помешал ей сказать «прости», отец произнёс это слово первым. Они несколько минут не разжимали объятий.

Вдруг в комнату вбежала Аля. Она бегала по всему этажу за красивой бабочкой, летавшей от окна к окну с внешней стороны; тут бабочка села на стекло. Лёгкие колебания воздуха слегка подёргивали её нежные крылышки. Отец и Виктория улыбнулись, заметив бабочку.

Неожиданно Аля подняла правую руку, приложила три пальца к стеклу, за которым сидела бабочка, и движениями пальцев, как она это делала над экраном ай-пода, начала «увеличивать» бабочку. Увидев, что «картинка» не увеличивается, Аля занервничала и ударила ладонью по стеклу.

Виктория допоздна была с отцом. Они стояли на балконе и смотрели закат. Отец сказал:

– Не потеряй свою дочь, как я потерял тебя. Ещё есть время.

АНДРЕЙ ДЕМЬЯНЕНКО

SAVE

Компьютерный мальчик
нервным пальчиком
клацает клавиши –
сохраняется.
И когда монстры
будут пинать
распростёртое тело,
он воскреснет
с отписанного момента.

Компьютерный мальчик
у гроба плачет.
Смерть близкого –
в груди жало.
Мальчик плачет…
Жалеет,
что
не сохранился
раньше.

Слепок эпохи. Иначе не сказать. Читаешь его и понимаешь: он слепок эпохи, запечатлённый на душе. Детский поэт, автор сценариев мультфильмов, автор текстов песен. Поэт.
Остальное в Википедии посмотри!

ГЕНРИХ САПГИР (1928–1999)

НА ШПАЛАХ

Разгружал стальные балки.
Водку пил с обходчицей.
Из-под век видны белки.
Блевать хочется.

Небо сумеречно-ало.
Провода. Их тихий звон.

Щит: ЗАКРОЙ СИФОН
И ПОДДУВАЛО

Указатель: ПРОСТИТУТКИ
Из будки
Вышла женщина,
Стоит к нему обращена.
Ветер сдул подол юбки:
Чулки, белое тело.
– А я тебя ожидала...
Вымя сжал корявой лапой.
Повалил её на шпалы.
И ощерясь жарко дышит.
СТРЕЛКА МАНОМЕТРА НА ПРЕДЕЛЕ!
Слышит:
Рельсы загудели.
Рванулся. Держит, не пускает.
Старуха
Зубы скалит.
Обессилел весь от страха.

Гул и голос паровоза.
Надвигается угроза,
Катятся колёса,
Катятся колёса,
Катятся колёса,
Сейчас
Сомкнут
И раскромсают на куски:
Ноги там, руки тут,
На ось
Намотаны кишки...
Грохот рядом! Кое-как
Вырвался из цепких рук,
Выскользнул из-под колёс,
Покатился под откос.
Мимо прогрохотала
Длинная вереница металла.

Бурьян...
Голова гудит, как чугун.
Столб: 4222.

О ЛЮБВИ

Мы жили тогда на задворках больницы рядом с моргом – Каждое утро будила нас медная музыка в зелени – и каждую ночь – в грудь мою твоё толкалось сердце – и вытягивался девственный живот в сумасшедших простынях – всё учащённее дышала – и мучили друг друга рты – а под полом – внизу в подвале стояли банки с формалином – отдельно – сердце – желудок – лёгкие – яичники – два черепа безгубых – я и ты...

Граффити Ольги Туркиной

ВОЙНА БУДУЩЕГО

Взрыв!
...
.....
.....
.....
....
.....
.....
.....
.....
.....
...
.....
....
...
...
.....
.....
.....
.....
.....
.....
Жив!?!

ГЛАВКУКЛА

Тело
Не хотело просыпаться
Шевелились решётки
Нервные клетки
10 в десятой степени
И ещё
Множество дел
Меня смущало в разной степени
Колеблясь на грани сознания
Я вошёл

В это
Учреждение
Снял пальто
Иду по коридорам
Прислушиваясь к разговорам
*– **ГЛАВКУКЛА***
– ГИПРОНИЩЕПРОМ
*– **УПРЧЕРВЯКЛА***
– МРКРСОНЦВЕТМЕТБРЕД
– ШУКШУМШМЫГВИГФИГХАТ
Ни одного человечьего
Слова
Да живому делать нечего
В министерстве Ничего
Ни входа
Ни выхода
Ни вдоха
Ни выдоха
Сам не знаю
Как вошёл
В этот мркрсонцветмтбред
Не понимаю
Как вышел
На свет

Только помню
Много комнат
Горы папок
Разных «дел»
10
В десятой степени
И какие-то ступени
Лишь Самого не разглядел

ОЛЬГА ТУРКИНА

БЕСКОНВЕРТНЫЕ ПИСЬМА

Находя сложенные вчетверо бесконвертные письма
Читаю сползая на пол
Не от удивления
От погружения
Будто читаешь чей-то роман
Вот они – убийцы вечернего времени –
ласточки-листочки с некрасивыми и красивыми
Разными почерками
На тетрадных листках, голубых на сгибах
От джинсы кармана
Когда-то затасканные с собой

Все – голубые на сгибах

Перед вами окончание автобиографического романа «Витька – дурак?». Это роман человека, по закону неведомых сетей и ловушек, всегда остававшегося за кадром собственных кадров, в тени своих же масштабных идей, разошедшихся по всему свету, осевших в карманах и воплощениях разных, впоследствии всемирно известных, людей... Роман-крик, роман-сведение счётов, о сети О_СЕТИнского Олега – мы надеемся, что края этой огромной широкоформатной сети киносценариста коснутся недостающих людей. Людей, вправленных в механизм справедливости. Не может быть, чтобы Олег ошибся, появившись однажды по импульсу и отправив романименно в «Вокзал». На этом вокзале и пересекутся все нужные пути, замкнув, пусть и во многом просроченно, ржавую цепь неисправностей... Начало и продолжение романа – в №2 и №3 2011 г.

ОЛЕГ ОСЕТИНСКИЙ

ВИТЬКА – ДУРАК?

(Окончание)

НА ЗАДУ КОБУРА БОЛТАЛАСЬ,
СБОКУ ШАШКА ОТЦОВСКАЯ ЗВЯКАЛА.
ВПЕРЕДИ МЕНЯ ВСЁ ХОХОТАЛО,
А ПОЗАДИ ВСЁ ПЛАКАЛО!

Олег Григорьев

Однажды Ролан нас с Чудаковым, ангелом паденья, вытаскивал из милиции после драки в «Праге».

А когда мы с Леночкой Рязановой, моей любимой женой-нимфеткой, в полном безумии из-за смерти собачки Белочки приготовились взрывать подъезд – это он нас вывел из транса.

Кстати о собачках – однажды ночью, мерзким ноябрём возвращаясь на Богословский, я увидел, как дворник добивает ломом собаку в подвальной канаве.

Лом я отнял, дворника закинул в канаву, большую чёрную собаку с переломанной лапой, всю в крови, понёс ночью – к Фаине Георгиевне Раневской! Она открыла дверь, выслушала мои объяснения – мол, у меня дома 6 сучек живёт, а это мальчик! – и басом сказала:

– Мальчик, дорогой! – и уложила его, окровавленного, на драгоценный закарпатский ковёр.

Он остался у неё жить, назвали Мальчиком, и он составил ей некоторое счастье – и массу неудобств.

А жизнь спешила, текла и летела – мы думали, к новому счастливому веку.

Умер Каплер, предсказатель моей судьбы, открывший мне Коктебель, похороненный в Старом Крыму. Вслед за ним ушла Друнина – отравилась газом в автомобиле. Друзья менялись, карты летали веером. Сгорела, резко прикуривая от газовой колонки, гениальная актриса Женя Попкова. Я ей сделал такой мощный голос, – увы! Любимая частушка у нас была: «Пьяная, помятая, пионервожатая»! К ней часто приходила и гордо молча возлежала Катя Васильева, ныне монахиня. Однажды в ВТО пьяный Андрон пытался нас всех троих помирить, – не вышло из-за озлобленности Тарковского. Тарковский поссорился со всеми, бросил и Андрона, через несколько лет остался за границей. У меня было много тайных и явных приглашений из-за границы, но «контора» меня не пускала даже в Болгарию! С Максимом Шостаковичем мы проехали на автомобиле всю Россию. С великим Олжасом Сулейменовым – весь Казахстан. С Борисом Бурдой – всю Украину и Вилково... Ролан матерел, его нельзя было поймать, я его иногда ненавидел. И тут меня исключили из профкома драматургов – хотели как бы пожурить, но я на «пожу-рение» не пожелал явиться, и оскорблённые *помятые* профкомво-жатые меня исключили.

– Профком московских драматургов исключает Олега Осетинского из своих рядов «за попытку быть выше моральных норм советского литератора»!.. Но это же правда, Олежа!.. – хохотал Ролан.– Ты и есть – выше! Так – плати! А я вот – ниже! Меня нельзя исключить! Понимаешь, Олега?! Я – ниже! Ты – выше! Плати!..

Сгибаясь от хохота, мы так орали, что официантка качала головкой, поджав губы...

Смех-смехом, но тут меня как раз собрались в очередной раз исключить из Союза. А вот это было весьма серьёзно. «Не член Союза» считался «тунеядцем», висел в Москве на волоске, мог быть выслан за 101-ый километр, и судьба его зависела от настроения начальника милиции – буквально! Оказывается, из Одессы, где я сделал три фильма, пришло письмо от усатой злобной вахтёрши: «Осетинский, вечно нетрезвый, носит на груди

большой крест, ведёт религиозную пропаганду, на требование вахтёров снять крест ругается, дерётся и требует всем каяться! (характер «невыносимый»!) Просим разобраться в таком поведении идеологического работника»!

Резолюция Льва Кулиджанова была на этот раз – «строго разобраться!» И слово «строго» – жирно подчёркнуто! Бюро (назвать по фамилиям? – противно! и жалко их – пусть себе ползают, недолго осталось!) – меня осудило, требовало покаяться, и письменно объяснить – откуда крестик и почему!..

Ролан звонил Кулиджанову, улаживал, объяснил, что крестик – от бабушки. В итоге я написал: *«Объяснение. Крестик подарен бабушкой, ношу в её честь. Каяться нужно всем»*...

Я ЛЮБЛЮ ТЕАТРАЛЬНУЮ СКЛАДКУ
ВАШИХ МАСОК ХИТИНОВЫХ ЛИЦ,
ПОТИРАНИЕ ЛАПКИ О ЛАПКУ,
СУЕТУ ПЕРЕД КЛАДКОЙ ЯИЦЪ

С.Ч.

И вдруг, «посредине этого разгула» они мне все так омерзели, что я и Кино стал ненавидеть! Меня обложили флажками – вкругаря!.. И ничто не вызывало восторга... Жутчайшая депрессия от презрения и без-ЫС-ходности!

Мой глупый ученик Н. Климонтович пишет в «Коммерсанте», что я был самым преуспевающим «официозным» (!) сценаристом страны! Господи! У меня нет слов! Одни междометия!..

Даже от чтения меня мутило, даже Моцарт злил, а Рахманинов раздражал! Это и было то легендарное – в а щ щ е !

И я залёг на дно, обложившись пивом и сообщив приятелям – «Я со всеми прощаюсь!»

И в одиночестве открыл заседание кризисной комиссии, суда, (суд по-гречески – кризис) Нужно было решить с вектором дыхания. Хань и я – вот вопрос! Вектор я – или флюгер?.. «Кто же твой проводник, если ты праведник?» Фарисейский фарс, как говорит Микушевич... Уточнить вектор. Поменять фокус. Взять другую крупность. Тщеславие? Честолюбие? Гетевские общие места – или магия мака-мага Кастанеды? Новые Ориентиры – или вечные (а для метеоритов?) постулаты? Свобода или своеволье? Как быть с нравственным законом? Куда его – под кровать или опять наверх? Кто виноват – Кант или Сартр? Или вообще Розанов? К стёбу, как все, – или к Христу ? Или – д а ? . . . л ь . . . ш е ? ! Т-ссс! Куда от Христа – д а л ь - ш е ? ! Жуть какая! Я совсем затосковал. А – дружба?

НЕ ТАК ПОРОКИ МЕШАЮТ ЧЕЛОВЕКУ ИМЕТЬ ДРУЗЕЙ, КАК СЛИШКОМ ВЫСОКИЕ ДОСТОИНСТВА

Шампор

Ах, господин Шампор, как это верно и печально!

Да и хер с ними, такими друзьями! «Я так люблю унылые места, Места, где ничего, даже креста»... Тот, кто не любит одиночества – не любит свободы. Изоляция необходима Челу Века больше, чем электорат и даже эректорат. Нельзя так долго пачкаться! Никаких балов, притонов и Домов терпимости Кино! «Шуми, шуми, послушное ветрило»! Всякий значительный поступок есть дитя схимы. Хватит дружить! Гений – не мусоросборник. Шопенгауэр прав:

«Кто не остаётся на всю жизнь взрослым ребёнком, никогда не станет гением»... Публика выжирает у гениев сердце, а интересуется только их бытом. Про Гёте вон писали, в основном, что он ужасно много ест. Конечно, ничто человеческое!.. – смирись и с этим! Но, братки! неужели нужно полюбить зону *добровольно? Это* – русский специальный садо-марксо-хизм!.. Я просто пытаюсь говорить о мире, который вижу через глаза и уши *Второй Природы* – Искусства. Мир Высокого Искусства сложно закодирован, заколдован. Я пытался расколдовать его для Ролана. Хотя сам он тоже был произведением Дали, некоей Венерой Милосской без рук, но со множеством ящичков, в которых чего только не лежало. Лежали коды Земли и Умения Общаться. Я знал, что у Ролана есть и совсем тайные ящички. Нажимал на кнопочки, но кроме *Витьки-дурака* долго не мог открыть ни одного. Одно я просёк точно и навсегда: Ролан был всегда готов сконцентрироваться по высшему, – но не было *сакрального момента!* А когда сакральный момент появился – он уже не мог ску-мулироваться. Впрочем, впрочем, все мы дрочим! – и словами. А правду выдохнуть – даже про другого – больно и стыдно. И страшно. По крайней мере, в ханжеской и чопорной нашей отчизне.

И я стал ждать – то ли явления следующей дочери, то ли *Возвышения Ролана,* моего чудного агента по связям с Действительностью. А я был его агентом по связям с Небом – так я полагал. И полагаю. У Неба этажей много. Лифты не всем доступны. Плевать, самый честный способ – пешком!

И вот тут-то как раз и стукнуло, и началось!..

4-Я СЕРИЯ

О ПЛЮРАЛИЗМЕ, ТОВАРИЩИ,
ДВУХ МНЕНИЙ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ

М. Горбачёв

И тут как раз пришла – перестройка! – перепалка и перестрелка – безумная и нелепая, как всё официальное в Россини... Помните Пушкина? «На вывесках у нас есть всё – министерства, просвещение».

Да, на вывесках – конституция, демократия, – а за ними Потёмкинское чудо, свиньи с картины «Блудный сын» великого' Глазунова и хитрейшие перевёртыши...

Да, все революции делаются для того, чтобы ничего не изменилось, – только хозяева!

Вся перестройка состояла в том, что КПСС-КГБ-номенклатуре надоело притворяться, ей хотелось владеть, а не просто управлять!

И Комуняки наняли явно больного книжника, «архивного юношу» Гайдара и рыжего злодея Коха – и они, всадники без голов, поставив телегу впереди лошади: освободили цены! – **не создав условий для конкуренции! не приняв антимонопольные законы!** Не запретили КПСС – и не снесли Лубянку, символ неконтролируемого насилия, когда были всесильны!!

Начали шоковую, не озаботившись социальным щитом, законом о земле, суровыми **законами**, защищающими кооператоров-про-изводителей-средний класс!

И – все честные производители мигом стали жертвой рэкетиров! Что, Егор Тимурович, этого Вы не могли предвидеть? Ежу понятно! Вы отменили законы разума, просто здравого смысла!

Я, художник и музыкант, не политик, но здравый человек, по радио, в газетах в Австрии, и Америке, и Италии, даже по Ленинградскому ТВ (сохранилась запись) – предсказал всё, что будет – с точностью до секунды! – но толпа зомбированных новыми сказками и словами шла радостно вперёд, сминая разумных!

Короче – Гайдар изымал у населения деньги и отпускал цены. А комуняки и бандиты за его спиной из красных комиссаров в мгновение ока стали серыми банкирами и владельцами **всего** – газа, нефти, леса, алюминия!

То, что раньше как-то делилось на 200 миллионов – теперь стало делиться на несколько тысяч человек.

Грубо говоря, никакого рынка и никакого либерализма и никакого среднего класса – у нас не создавалось! Шоковый бред! Я об этом пишу **10 лет в разных странах**, и наконец, в этом только сейчас признался сам Авен,

сподвижник Гайдара!

Почему же не выходим на площади?! Потому что мы – русские! «Наши матросы и солдаты славно умирают – но жить здесь никто не умеет» – сказано Грановским ещё 150 лет назад.

Ваучеры скупали за бутылку – и чемоданами – сам видел в самолёте Москва-Нью-Йорк! – отправляли в США и Чечню...

К тупорылому большевистскому танку приклепали валютные крылья (при помощи закона о совместных предприятиях!) – и полетели!

А **нам всем, бесправным ещё более, чем при совке – кинули гласность, как кость, отвлекающую нищих! (щас уже отнимают!)**

Милицию, как всегда в России, наняли охранять Власть, – а не Законы и Людей!

И – Дьявол Российский безглазый, страшный дракон подземный, рыча и чавкая, вырвался из-под земли опять, взлетел по-совиному, закрыв небо, простёр чёрные крыла беспредела и своеволия над Рассеей, пожирая миллионы несчастных!

Десять миллионов русских хомо сапиенсов в ужасе бежали за границу!

Миллиарды долларов, украденных у нищих, уплыли в зарубежные банки на счета бандитов и рыночных свиней-комуняк. (На эти деньги были куплены не только поместья – целые правительства в южной Америке. Уж поверьте, я знаю, что говорю! Я встречался там с удивительными людьми – познакомились ещё в той лагерной Сибири! – понимаете, о чем я? Сегодня некоторые из них владеют четвертью Латинской Америки – и готовы помогать патриотам России – так они говорят!)

То обстоятельство, что все приватизаторы и «рыночные» свиньи ещё живы, объясняется не христианским духом прощения, а пещерным менталитетом несчастного необразованного народа, его привычкой к рабскому терпению, а главное – неумением объединяться и договариваться друг с другом.

«Рабы немы и глухи»! – помните школьные тетрадки?

Если бы тёмные наши люди понимали, что ваучер должен стоить, по крайней мере, вето раз больше!.. – то безумные приватизаторы-реформаторы висели бы на верёвках в позе Муссолини.

Так за что нам эти безнадёжные ваучеры между ног, эти широко и бессмысленно закрытые наши глаза, которые ничего, как известно, не продадут и ничего не купят, кроме водки?! почему никто **не** удушил кухонным полотенцем творцов этой стряпни?

За что нам это?! А – за всЁ !

Во-первых, за историю. А история – за географию, – ещё Ломоносов

понимал. За долгую мертвящую зиму. За позднее крещенье. За плохо развитое умение общаться разумно – леса-то дремучие были, непроходимые, рек относительно мало! За трёхсотлетнюю вынужденную «осторожность», умерщвление самодеятельности под игом. За позднее крещение.

За азиатское понимание христианства только как рабского терпения – без *свободы духа и ответственности личности,* которые принёс Христос! За жалкую надежду лишь на благодать Божию, которая прольётся на Россию ни с того, ни с сего. За авось, за лежебочество и пьянку. За нежелание трудиться с 5 утра. За не-проведённую реформацию в Церкви. За вождей-уголовников и вождей-психопатов, за трусость и грубость нашу страшную – за всё, в чем мы виноваты – сами!

Первое видение пропасти!.. А тут ещё хлынула к нам толпа мерзавцев ещё и чужих – киношные нагло-язычные авантюристы, крадущие сюжеты, скупающие сценарии по дешёвке, выгрызающие идею из напечатанных сценариев – у меня украли три сценария!

Порядочные люди растерялись. Я не мог видеть сальных морд мгновенно пожиревших воров-кладовщиков, завхозов, бухгалтеров и милиционеров, которые продали склады, присвоили заводы, и начали вырубать сады, чтоб строить свои дворцы-свинарники...

Помните Раневскую, её слезы, её мольба к Лопахину: «Пожалуйста вырубайте лес, – но дайте нам уйти, потом рубите!»

Да, наше светлое будущее состоится – только когда изменится химизм души российского человека! Когда мы потребуем света – и будем жить *при полном свете!* Когда все поймут необходимость улыбаться – и сиять не только улыбкой – как мечтал Фёдор Михайлович.

«Станьте солнцем – и вас все заметят»! Превратить жратву не в дерьмо, а в сияние!»– **как Вы научите этому человека без Реформации нашей конторской Церкви?!**

Но пока вместо солнц сияли малиновые пиджаки и ожерелья бл@дей! Я – забуксовал. Я не мог продраться сквозь жирную липкую ауру хозяев жизни и не мог видеть чудовищной гибели невинных зверьков. Я задыхался. Я бросился в Большой зал – но там сиял для «новых русских» опереточный коммерсант Спиваков, весь в бантиках и соплях. Я погасил свет, выключил телефон – и стал пить и молиться.

А Ролан?.. – Ролан, хоть и высокой пробы, был ведь ещё и *любимец масс,* по определению попсовик и утешитель, – как и великий Юра Никулин.

И закрыв глаза, он нырнул в водоворот!

А наш Народ, пошумев, стал ожидать нового рая, грызя пост-революционные семечки по Блоку, а Властям нужны были какие-то маяки и рупоры.

И Ролан стал нужен как никто – ведь умел всё это – понравиться без самоуничижения, развлечь без шутовства.

(М.И.Ромм мне рассказывал про Сталина и двух его придворных пианистов – Эмиля Гилельса и Владимира Софроницкого. Так вот, Гилельсу Сталин мог крикнуть у Бранденбургских ворот – «Рыжий, играй громко и быстро»! Софроницкому же – никогда! Он не мог назвать его «рыжим» – Софроницкий бы умер, но этого не допустил, и Сталин, презиравший своих лакеев, это хорошо понимал. Ролана тоже никто бы не посмел назвать «рыжий»! – я в этом уверен).

И вот этот н о в ы й Ролан, пропавший с моего горизонта, выныривает в 1986-ом – поздним ночным звонком!

– Олежа, до меня дошло! Я понял теперь твою ту идею! – ну, ту, новую – всего десятилетней давности! Ты тогда имел в виду, что наш Витька едет не только через страну! – но и через историю, – да? так? Вначале он молодой – страна дикая, сталинская, ударяется, попадает, как ты, в тюрьму, в психушку... – постепенно взрослеет, надевает маску... и к перестройке, когда можно жить по-новому, – уже стареет! То есть он не только в конце путешествия через страну – а и в конце путешествия по времени понимает, как надо было жить?! и вся страна понимает, да?.. Гениально! Но очень жёстко, это уже не твой Жак Тати, – а это надо делать как сам.

– Ну да, но зачем так политизировать? привязывать! – я был так счастлив, что он позвонил. – Это более космично, отрешённо и нежно! – ты опять огрубляешь! И ты что, в самом деле веришь в эту перестройку, этот бред Горбачёва?..

– Олежа! Не надо! Страна потянулась, *хрустнула,* уже хорошо! И этот замысел – гениально! Это нужно делать по-чаплински – или никак! Олежа, скоро всё будет, сделаем сьезд, всё поменяем, – и я тебя сразу позову!.. – и Ролан уже умчался в тёмную глухоту трубки...

Когда-то мы ездили в Белые Столбы смотреть фильмы Жака Тати, – «Это слишком тонко для нашего зрителя»! – качал головой Ролан. Наконец он углубился в самого – так он с клёкотом в горле, корректно приглушая восторг, называл Чарли Чаплина. Здесь мы сошлись, я нашёл кнопку! Я рассказывал ему про Чаплина всё, чего совки не знали тогда – про этого абсолютного гения и безумца, жесточайшего из домашних тиранов, ещё похуже Пикассо, как он сломал челюсть своему сыну за опоздание на Рождество на четверть часа – и был прав!..

Я злился – Ролан мог бы сыграть Витьку, душу России, хоть через сто лет! – а он играл каких-то сезонных Хрущёвых, я его упрекал – он отмалчивался и тащил на банкеты.

ТО, ЧТО ОТНИМАЕТ ЖИЗНЬ –
ВОЗВРАЩАЕТ МУЗЫКА.

Генрих Хайне

И тут Бог вручил мне, наконец, ещё дочь – Поленьку!

П о л и н а О с е т и н с к а я !

Весь мир знал это имя в 1985–88 гг.!

Больного, «занюханного», забитого своей дикой матерью, неразвитого ребёнка без слуха, координации, без всяких склонностей к музыке, – я за десять лет, трудясь по своей системе «дубль-стресс» двадцать четыре часа в сутки, – превратил в чудо разума, красоты – и доброты.

Полина-Полечка, *«ангел перестройки»!*

К 10 годам она побила абсолютно все рекорды техники за всю и с т о р и ю м у з ы к и !

Одна русскоязычная дама, Дина К., справедливо неудовлетворённая своей жизнью во всех отношениях, совковый доктор каких-то говённых муз.наук, заявила в «Московских новостях», что раз Полину, которая так гениально играет к 10 годам 3-ий концерт Рахманинова – причём с абсолютной технической свободой, не глядя на клавиши! – учил человек без диплома – то, значит, играть Полина научилась сама! – такой вот музыкальный Маугли!

Американские же эксперты, услышав и увидев исполнение Полины на видео в 1890 году в Нью-Йорке, сухо заметили, что сам ребёнок может научиться играть только какой-нибудь лесной чижик-пыжик, а если ребёнок играет так, как Полина, то его учил педагог – гениальный! – и больше про это сказать нечего.

Полина – это «музыкальный ниндзя, обученный великим педагогом». Первой в США это заявила знаменитый педагог и пианистка, член жюри всевозможных конукрсов, лидер ов Манхэттенской школы музыки в Нью-Йорке, прекрасная Нина Светланофф, ля-бемольная бабочка Нью-Йорка, первая жена нашего великого дирижёра Е. Светланова, (тел. в Нью-Йорке (212) 371.25.69 – звоните, совки, проверяйте!)

Когда же я робко заикнулся насчёт отсутствия у меня советского диплома, Н.С. высказалась – с нескрываемым презрением: *«Все эти разговоры о великой русской школе – это было давно и неправда! все люди интеллигентного поколения в России уже вымерли! Мы здесь плюём на эти совковые дипломы! Вы – гений, Вы сами должны выдавать дипломы. Мы просто не знаем, сколько Вам платить!»*

Вот так, дорогой доктор говённых наук Дина К.!

«Факты – упрямая вещь» – сказал кремлёвский горец, и был неописуемо прав.

Никто в мире не играл лучше Полины с листа уже в 10 лет!

Она сыграла в темпе все незнакомые ей каденции Моцарта, которые приволок какой-то доцент Моск. Консы, гигантского роста – так он чуть в обморок не упал! – я правду говорю, доцент? никто не имел таких рук, такого волшебного туше без малейших *призвуков – если б Вы знали,* чего **мне** это **стоило**!

А слух? В 8 лет слуха ещё не было, – но к 9 я сделал ей обычный абсолютный, а к 11-ти – пятиголосный!

Я научил ребёнка в 9 лет играть концерт Шумана (без некоторых аккордов в каденции, конечно) и 5-ый Бетховена – но как!

В 10 лет – «Трансцедентные этюды» Листа – в бешеном темпе – без малейшего видимого усилия! Обе сонаты Шопена, «Рапсодию на темы Паганини» и 3-й Концерт!

А координация! – однажды в Челябинске погас свет, зрители зажигали спички, я призвал всех к тишине, и Полина сыграла «Чакону» Баха-Бузони и «Мефисто-вальс» Листа в полной темноте практически без ошибок – в полном темпе! Что делалось в зале! Глаза людей в темноте светились счастьем!

К 12 годам репертуар Полины составлял 12 часов музыки наизусть! И при этом каждый концерт излучал *эпифанию,* я отворил ей ворота асатори – серенити-экстаза!

И при этом она сияла счастьем, здоровьем, радостью и чистотой (история с её единственным за 10 лет со мной заболеванием – дискинезия и панкреатит – это история безумия неких Мержевских, просто отравивших её перед концертом, и некоторых неизбежных обстоятельствах жизни).

Про нас сняли 12 фильмов, сотню передач, мы дали 120 концертов и лекций и мастер-классов – какие люди приезжали к нам в бедную нашу квартирку, заваленную нотами, картинами и книгами!

Иегуди Менухин и сенатор Джордж Браун, Сюзанна Эйзенхауэр и Джордж Сорос. Когда в России на наши достижения ещё плевались, и не подпускали к ТВ и залам – её знали в США все!

Легендарный киноактёр Роберт Редфорд впервые приехал в СССР показать свой новый фильм с двумя дочками, – и они сразу заметили Полину в соседнем ряду в Доме Кино, стали перешёптываться. Как выяснилось, они видели её в США по ТВ – и сразу узнали – ведь в США Полина была объявлена «девочкой года», «ангелом века».

Полина сидела между мной и Роланом. Кончилась официальная часть, красавец Редфорд с многочисленной семьёй потянулся в ресторан, а к нам подошёл переводчик из Союза. Мы с Роланом резко приосанились. Но

переводчик суховато сообщил, что мистер Роберт Редфорд убедительно приглашает *мисс Полину Осетинскую* присоединиться к ужину с его дочерьми. Полина вопросительно посмотрела на меня – я пожал плечами – пожалуйста, иди, это в конце концов производственная необходимость в борьбе с совком.

И Полина ушла с переводчиком, а мы с Роланом, весьма, надо сказать, уязвлённые, отправились в биллиардную, где Ролан и застрял. А Полина появилась через час – розовая, весёлая, повзрослевшая, с букетом цветов и масссой подарков от дочек Редфорда.

В Москве и Питере нас наперебой приглашали все послы и послихи. Французское посольство устроило приём на 200 человек. Венгерское – когда Полина сыграла 7 венгерских рапсодий Листа – на 300 человек! Сколько жратвы и выпивки!

Десятки американских звёзд разного пошиба от знаменитого актёра Криса Кристоферсона до знаменитого саксофониста Пола Уин-тера и знаменитой девочки-ведущей из популярной американской ТВ передачи «Фэмили» прилетали специально, чтобы сняться на Красной площади вместе с «девочкой года» земного шара.

Только американцы сняли про нас 12 фильмов! Это было настолько выгодным для них занятием, что когда однажды надринкавшиеся операторы после сьёмки забыли какую-то важнейшую часть камеры или половину камеры, или даже всю – и мы им позвонили в США, то они сказали – плевать, Полиночка! Они ведь получали за эти фильмы от полумиллиона баксов до 3 миллионов! – о чём мы очень поздно узнали! А нам вручались *подарки на пару сотен баксов* – Полина их не успевала открывать, дарили соседям!

Часть уникальных записей разворовывалась. Поляки просто украли уникальную запись, где восьмилетняя Полина играла сложнейший концерт Баха ре-минор с оркестром Сондецкиса, когда маэстро сказал удивлённо: «Боже! какая техника! И ни одной ноты с плохим вкусом! Я не понимаю, как»... А зачем Вам понимать, Саулюс, это Вам трудно, Вы тактуйте, тактуйте!.. Сколько было сделано записей на концертах! До сих пор не показано по ТВ первое исполнение Полиной 3-го концерта Рахманинова в зале Петербургской Капеллы при неслыханном стечении слушателей – даже стоять было негде! 29 марта 1987 г, режиссёром ТВ был тогда Дмитрий Рождественский, которому я придумал за ночь проект «Русского Видео». (Впоследствии он, как водится, предал меня. Но недавно признал это – и мы трогательно помирились, – как только Митя вышел из Лефортово).

Мне удалось тогда довести Полину до высшей ступени медитации, считывания высших энергий **прямо из ноосферы по каналу, открытому**

тысячей сложнейших упражнений. Видевшие и слышавшие это не забудут этого никогда! Когда я показал это в Нью-Йорке, музыканты молчали минут десять, не скрывая слёз!

Это было – из разряда вечных исполнений, из разряда откровений, у меня есть лишь тайно сделанная перепись на ВХС, а хранится ли подлинник на этом ТВ? Если пропадёт, Бог их всех накажет!

Эстонцы сняли для финнов мой урок с Полиной как учебное пособие. Сотни лекций по всей стране перед педагогами школ, училищ и Консерваторий!

Помню мой открытый урок в Киевской консерватории – минимум тысяча музыкантов набилась в зал. Встреча должна была продолжаться 2 часа за определённую сумму. Она продолжалась 5 часов, подбегал взволновый декан и просил продолжить, прибавляя денег. И когда я, для московских музыкожаб «неграмотный дилетант», в конце пятичасового профессионального открытого урока, весь мокрый от напряжения, держа за руку Полину, громко крикнул в зал: «**Вы всё видели и слышали!** И даже, может быть, что-нибудь запомнили. На понимании я не настаиваю. Так скажите же мне – кто же здесь настоящий профессионал, господа педагоги?» – ответом был мощный единодушный возглас – «В ы ! В ы !»

Свидетелей – сотни, несчастная г-жа доктор говённых наук Дина Кирнарская!

(Кстати, храню восторженный письменный отзыв великого музыковеда – и музыканта! – Сергея Мальцева, который был консультантом на записи музыки «Рапсодии на тему Паганини» в фильме **«ИЗ ИТАЛИИ В РОССИЮ С ЛЮБОВЬЮ»**. Я считал, что нужно переписать – три незначительных ошибки. На что Мальцев резко ответил – *«Ни в коем случае! Лучше сыграть нельзя! А ошибки – плевать»!*

И ведь эти фильмы про Полину проданы в 70 стран, именно они и вызвали волну приглашений – вот они лежат у меня – десятки!

Вас это не убеждает, бедная злобная завистница?

Ну тогда что вы скажете о мнении последнего великого пианиста эпохи, Альфреда Брендля? Он приехал единственный раз в Россию со своей женой (кстати, подругой жены Гордона Гетти!) и своим другом, великим музыковедом и знаменитым философом сэром Исайей Берлиным, которому я показывал Петербург. Они остались в Петербурге на один лишний день, послушав в Капелле репетицию Полины 3-х концертов Баха! И великий пианист сам пришёл в наш номер, чтобы выразить восхищение. И знаете, что ответил великий пианист на мой прямой вопрос: *«Дайте какой-нибудь совет, замечание. Все говорят, что я омерзительно высокомерен. Но от*

вас я совет приму. Во всяком случае – подумаю!» И знаете, что было? Он довольно долго думал, совершенно искренне пожимая плечами, и наконец сказал: ***«Всё удивительно гармонично, прекрасное туше, никакой грубости, дисциплина и – свобода. Может быть, я сыграл бы чуть больше «дольче» в медленной части фа-минора. Это – всё»***. Жалко, что я не записал этого на диктофон. Вы усмехаетесь? Но ведь даже моя дочь Полина знает, что я никогда не лгу – из презрения к окружающим! Ведь было пять человек свидетелей – и они ещё живы. Не верите? Как грустно!.. Что же делать? – Ой! Я же я забыл! совсем забыл – это же с н я т о на видео! – и показано в нескольких передачах Лен ТВ!

И ещё он, Альфред Брендль, знающий про музыку и успех *в с ё*, услышав о нашей декабрьской поездке в США, покачав головой, медленно сказал – цитирую: *«В Америке вас разорвут на части! Вы будете миллионерами через полгода»*.

Вот что сказал последний великий пианист 20 века великий Альфред Брендль! Сделайте ему выговор, г-жа говенных!

Я знаю – никогда ни у кого в 10 лет не будет такой техники – и такого проникновения, и такого рубато! Дерзайте – я усмехаюсь!

Никогда н и к т о ! – и Полина без меня! – вообще не сыграет так 18-ую вариацию! И ля-мажорный Моцарта! И 2-ю часть 3-го концерта, и концерт Сен-Санса, и каденцию из концерта Шумана, и «Порыв», и «Сирень» Рахманинова, и 9-ую сонату Прокофьева, и до-мажорную Галуппи, и до-минорную Гайдна, и каденцию из 5-го Бранден-бургского концерта, и из ре-минорного, и до-диез-минорный этюд Скрябина оп. 42 и прелюдии оп. 11, и «Менестрелей», и «Вереск», и «Лунный свет» Дебюсси, и «Танец огня» Де-Фальи, и «Разлуку» Глинки, и ля-мажорный вальс Шопена, и столько вальсов, и столько мазурок, и м о ю мазурка оп. 33, и мои «Пастушок» и «Вереск», и ещё десятки...

Только этого – мне мало!..

И, естественно, два этих волшебных тролля – Ролан и Полина – страшно подружились. Ролан её баловал бесконечно, даже придумал для неё какой-то фестиваль в Ялте. Они были одного роста и одного смеха. Стояли как-то на сцене – и бодались!

НУ КАКОЙ КАРНАВАЛ,
ЕСЛИ СНЯТЫ И МАСКИ, И ЛИЦА,
ЕСЛИ ГОЛОВЫ СНЯТЫ,
И НЕЧЕМУ ДАЖЕ ПРИСНИТЬСЯ?

Елена Скульская

Однажды мы сидели в ресторане Дома Кино вчетвером – я, Полина, Юлечка, двухлетняя дочь Маши, и сама Маша. Ждали Ролана, насчёт концерта, и вот он, быстрый, явился.

– Через полчаса придёт машина, «Волга», шофёр Лёва, играешь в Манеже концерт Гайдна, как вчера. На репетицию у тебя 20 минут. Полечка, это очень важный телемост с американцами! Олежа, Маша! Умоляю – без эксцессов!

Общее наше «Ура»! Полина вопит от счастья, Ролан лихо исчезает, а у нас с Машей – праздник в честь концерта!..

Маша была моя подружка уже 25-ти лет, внучка маршала артиллерии Черенцова, величава и обаятельна! Даже видавшие виды официантки Дома Кино трепетали.

К этому времени она была уже женой того бонзы-скульптора, который лепил Маркса на Театральной площади, (кликуха у проституток – «ЧучАло!») Юля же была её очаровательная двухлетняя дочь. Выслушав Ролана, мы с Машей и Полиной переглянулись. Полину я отправил вниз, в холл, делать всякие упражнения и прыгать. Потом мы торжественно – Маша любила торжественность – и не спеша выпили за полчаса три бутылки самого сухого шампанского, потом Маша, не торопясь, выпила ещё одну бутылку одна, и пошла с нами к выходу. А выйдя, спокойно и уютно улеглась перед входом в служебный вход Дома Кино.

Она спокойно и уютно лежала на снегу в своей роскошной шубе, огромная и великолепная, как знамя победы, и лёжа давала указания нежным женственным басом. – «Мне хорошо. Вы перешагивайте и поезжайте. Я полежу. А Вы потом за мной заедете!»

Я кротко и с пониманием кивнул, зная Маню. В это время приехал за Полиной Ролан. Хихикая, как дети, эти бандиты – Полина и Ролан – наклонились над Машей, долго с ней целовались – и наконец, взявшись за руки, перепрыгнули через неё!

И – вмиг умчались в манеж на Телемост – это было главное блюдо перестройки.!

Я пытался всё-таки поднять Машу, держа за ручку тихую Юлечку. (При этом мы каким-то образом ещё и *допивали* ещё одну бутылку шампанского). И, допив, снова увидели шофёра Лёву: «Ролан Антоныч велел Вас отвезти, куда хотите».

И тогда величаво возлежащая Маша прощебетала нежным басом: «Олежек, возьми Юлечку в Манеж, пусть послушает музыку, а я ещё полежу, мне здесь нравится, здесь люди ходят хорошие, перешагивают!»

Действительно, люди ходили и дружелюбно смеялись, приветствуя Машу. Я знал, что спорить с ней бесполезно.

И мы помчались с нежной тихой Юлечкой в Манеж, где Полина уже играла концерт Гайдна с оркестром Ветвицкого, а Ролан, потрясённый Машей, шептал мне, похохатывая от восторга – *«Это – Мать-Россия! Ты должен написать для неё роль в «Катерах»! Теперь я понимаю, что это значит – «Коня на скаку остановит, В горящую избу войдёт»*... «Горящую избу пропьёт», – кротко уточнил я.

Ролан был деликатен, – но без этой удручающей топорной вульгарности, совсем не ханжа. Я обязан ему многим. О многом пока умолчим. Пожили. Погуляли. Поездили. Один раз он строго сказал: «**Я** вот сейчас должен ездить по некоторым местам, не придашь ли ты мне какого-нибудь бандита, чтобы меня не трогали?» – «Тебя и так никто не тронет!» – «Нет, вот уж приставь, будь любезен!»

И я приставил к нему актёра, своего родственника, Аркадия Шалолашвили, человека чудовищной физической силы, и, кстати, грандиозно певшего одесские романсы. Он часто снимался и был при всех своих *странностях* – или благодаря им – Заслу-жен-ный артист! (Впоследствии он получил десять лет за бандитизм – и убит при таинственных обстоятельствах. Хоронил его, мне сказали, Михаил Боярский. Поминки были в Ленинградском Доме актёра. Подойти нельзя было к ресторану – приехали на «Мерсах» и «БМВ» все крутые. Похоронен рядом с могилой Ахматовой. Вот так!)

Да, маленький Ролан и огромный человек по имени Шалик. Он строго командовал: «Поехали, Ролан Антонович!» – «Куда вы?» – спрашиваю. – «Тебе нельзя,– пошатываясь, говорил Ролик. – Ты у нас гений, чистый человек! Мы тебя не берём. Иди, пиши мне сказку!» ...Я не думаю, что там должно было происходить что-нибудь безумное – ну, кроме какого-нибудь экзотического там пьянства, Шалик любил пьянство и веселье грандиозное, с буйством и удалью, а Ролану не было ничто человеческое не чуждо, – хотя в душе он оставался не просто ребёнком, а абсолютным ребёнком! Порывы его фантазии уносили его в тот эфир, в ту сферу, где просто нет места обычным страстям – так мне казалось тогда.

Я САМ ЛАКАЛ ИЗ ЛУЖИ НЕПОТРЕБНОЙ
Я САМ СЕБЯ ДАВНО ВИДАЛ В ГРОБУ
РЫДАЙ, РВАНИНА! МУЗЫКОЙ ВОЛШЕБНОЙ
Я ЗАПЛАТИЛ ЗА РУССКУЮ СУДЬБУ

Илья Фаликов

И тут Ролан познакомил меня с Иосифом Гольдиным – человеком, который фактически и **погубил** мою дочь Полину (но это уже другая история).

К тому времени надзирательницы музбараков – «методкабинетов», напрочь убивавшие в детях любовь к великой музыке, с ненавистью брызгающие слюной по поводу моего «дилетантизма», были вынуждены заткнуться, когда Сюзанна Эйзенхаур на вопрос редактора «Правды», что ей больше всего понравилось в СССР, ответила – *«игра юной пианистки Полины Осетинской»*.

Нас пригласили в десятки стран – но никуда не пустили! Ни к кому! Я кусал локти и бросался на стенки – но визы не давали. Без объяснений.

Наконец Иосиф Гольдин привёл Джоэла Шаца. Этот курчавый господин из Сан-Франциско взял у нас кассету с концертом Моцарта в исполнении Полины в БЗК – и полгода добивался приёма у Гордона Гетти – сын тогда самого богатого человека в мире, Поля Гетти!

Это был совсем не стандартный образ миллиардер – он был музыкант, известный композитор, автор известной оперы «Фальстаф» и инструментальных произведений, которые исполнялись у нас оркестром М. Плетнёва. Миллиардер, помешанный на музыке, но, конечно, отдающий дань светской жизни, – то подарит любовнице колечко за миллион долларов, то купит готическую церквушку во Франции и перевезёт её в одну из *комнаток* своего легендарного дворца в Сан-Франциско! Короче, не миллионер какой-то паршивый, а человек **из первой десятки**, скидывающий президентов и прочую шушеру, как перчатки.

Всё о нём сообщалось в США на первых полосах газет.

И вот к нему – после полугодовых попыток! – пробился на 15-минутную аудиенцию Джоэл Шац.

И аудиенция длилась полтора часа, искушённейший мистер Гетти слушал Полину – и держался за голову, и говорил: «О Боже!» – при Шаце, переводчике Юрии Свиридове, и советском консуле в Сан-Франциско...

И отписал мистер Гетти просьбу всесильной тогда жене генсека СССР, Президенту культурного Фонда СССР Раисе Горбачёвой – ...**«У Вас живёт Полина Осетинская, она играет с блеском и вкусом, совершенно невозможным в её возрасте... Хочу организовать Национальный Тур по США Полине и её отцу... Прошу Вас поделиться с США чудом 20-го века. И прошу Вас лично возглавить поездку»**. И подписался без всяких

там приличий и объяснений, а просто – «Гордон Гетти».

То есть приказал Жене всемогущего Генсека СССР возглавить поездку какого-то лохматого диссидента и его 9-тилетней засранки! Это ж – какое оскорбление! Наплевать и забыть! Но...

Раисе разъяснили, кто есть Гетти... Она думала, советовалась... Конечно, хотелось побывать не у каких-то там Президентов, а у самых-самых, всемогущих, но... а вдруг это провокация?!

И велела Раиса Полину и Папашу привезти к ней на Ленинские Горы после обеда. Отобедала Раиса с другими Политбюрошницами и жёнами послов, вошла в зал, ковыряя в зубах, послушала... Похлопала....

И – не пустила, не разрешила, не дала визы. Говорят, испугалась, что Полина с папашей сбегут в Америке, опозорят её и КПСС.

Раиса не пускала нас т р и г о д а! – с 1986 по 1988 под предлогом «трудностей оформления» – ни к Гордону Гетти, ни к Бернстайну, ни к Ван Клиберну, ни к Владимиру Горовицу.

Тогда всемогущий Гетти приказал и был создан целый комитет – **«Комитет ПОЛИНА–87»**, – туда и верховный судья Калифорнии Билл Ньюсом входил, и президент директоров всех Консерваторий США мистер Солкайнд, и помощник президента Рейгана Майкл Киллигру, и скромный мистер Джордж Сорос, и советский консул в Сан-Франциско, и Сюзанна Эйзенхауэр, и многие-многие другие знаменитости, и обращались они без конца к Раисе, в Фонд Культуры...

Уже и контракт был мной подписан: условия такие: первые **12 концертов по 50.000 баксов** в руки за каждый *«ин кэш»* – «наличны-ми»! И все эти концерты не в каких-то там общедоступных консерваториях или Карнеги-холлах, а в домах, т.е. во дворцах мистера Гетти и его друзей. В контракте указано было и про диетсестру, и про теннис для меня ежедневно, и про бассейн Полиночке, и про самолёт специальный для Полиночки. В Арканзасе уже приготовили ей в подарок золочёную концертную «Ямаху», под Сан-Франциско – поместье с прогулочными лошадками для подготовки и отдыха, и т. д.

Все американские журналисты в Москве предсказывали, что с помощью мистера Гетти и СМИ она, с её сияющим обликом, солнечной аурой и моей гениальной игрой за несколько месяцев станет кумиром Америки – и мы заработаем десятки миллионов на рекламе, книге, видео, ТВ и фото, дисках и концертах.

И – нам был нужен ещё один потрясающий концерт в Большом Зале Лениградской Филармонии. Я придумал программу невероятной трудности – и красоты!

Но бывший худрук Филармонии – не хочу о нём говорить! – зал не давал!

И тогда Илья Глазунов пригласил секретаря Ленинградского обкома КПСС И. Соловьёва в наш самый шикарный номер в Европейской, 104-ый, в котором жил до нас Дюк Эллингтон, – с белым роялем...

20 сентября 1988 г в наш номер вошла группа молчаливых людей в серых костюмах. Полина весело поиграла Моцарта и Шопена – со всякими *манкАми* для тугоухих. Соловьёв тихо спросил: «Просьбы есть?»

И на следующий день нас пригласили дать сольный концерт Полины в Большом Зале Петербургской Филармонии 6 декабря 1988 г.

Мы стали бешено готовить ослепительную программу.

Победа всё-таки приближалась, Раиса нас всё не пускала, но всё-таки паспорта – не через Фонд Культуры – а по личному уже приглашению Гетти были готовы.

Нужно было сыграть сольный концерт в Большом Зале Петербургской Филармонии б декабря 1988 г.

За три недели до концерта было продано больше билетов, чем на Горовица – 2400 билетов! – абсолютный концерт Большого Зала! А 24 декабря мы должны были войти в дом Гордона Гетти в Сан-Франциско – а до этого в октябре произошло одно событие – всемогущий Хаммер захотел послушать Полину в Фонде Культуры – за ночь купили рояль, я его сам ставил в зале! (Потом на нём играл Ван Клиберн!)

90-летний Хаммер слушал Полину неподвижно. Тихо сказал четыре слова – *«Пусть скажут, что им надо»*. Мы решили – нужен рекламный и музыкальный фильм!

И мы с великим Гошей Рербергом начали готовить фильм в изысканных интерьерах под названием «День Полины». По нашим замыслам, этот видеофильм должен был куплен каждой юной леди в мире, лежать на столике **рядом с Библией**.

Всё было просто – Полина просыпалась в будуаре дворца в Останкино, потом гуляла по саду, потом обедала и каталась на лошади, потом плавала, потом засыпала в роскошной спальне, – а в окно сияла полная луна... – и всё это перемежалось точно выбранными популярными фортепьянными пьесами в её исполнении. Фонограмма была уже записана – на тонстудии Мосфильма. Сшито роскошное розовое платье, всё было готово, группа собрана, был назначен первый съёмочный день, Гоша придумал неслыханные операторские фокусы... как ты пожалеешь об этом неснятом фильме, бедная Полечка! как ты пожалеешь обо *всём несбывшемся!*..

И тут произошло печальное событие, разрушившее все мои великие планы, подготовке к которым я отдал всю жизнь – и 10 лет. Началась Дьявольщина – та самая, как с Роланом в Грибоедове!...

КОНЕЦ, МОЙ ДРУГ.
МЕНЯ СПУСТИЛИ В ЯМУ.
СПАСИБО ВЫРЫТА НА ЯТЬ.
Я МЁРТВ И НЕ ИМЕЮ СРАМУ.
МНЕ ПОД ЗЕМЛЁЙ ДЕГКО ДЫШАТЬ.

Анатолий Мариенгоф

За месяц до решающего концерта мы полетели на недельку в любимый Коктебель, – погреться. Полина плавала и бегала. А я играл в теннис с Борей Заславским и Борей Бейлиным, на вид вполне интеллигентными людьми.

С тех пор, как проклятая Мержевская накормила Полину перед премьерой 3 концерта свининой и шоколадом, я тщательно следил за диетой Полины, постоянно возил с собой два термоса для диетической пищи и категорически запретил ей рвать зелёные сливы, растущие над мостиком через речку, у «Чайного домика».

Вот этот мостик я часто теперь вижу во сне – просыпаюсь в слезах!..

А было так – однажды Полина, нарушив мой запрет, влезла на перила мостика и потянулась за высокой веткой с зелёными сливами, потянулась... – и с высоты трёх метров грохнулась затылком о мостик! Звук был, как от упавшей бочки – так мне описали это через четыре года Бейлин и Заславский. Обычный ребёнок умер бы через час! Когда они подбежали к ней, она лежала без сознания. Пришла в себя через две минуты. Встала и сказала, шатаясь... (что сказала – прочтёте дальше!) Через полчаса мои друзья Бейлин и Заславский снова встретили её бегущую по набережной, слёзки капали с лица, она рыдала – «Голова страшно болит, а папа сказал бежать два километра»! – вот какой был плохой папа!

Если бы папа знал! Если бы эти господа папе сказали!

Тяжелейшее сотрясение мозга! Папа бы всё отменил! все упражнения! все концерты! Все поездки! любые миллионы!

Два месяца лежать в полной тишине и покое! Не дышать! Лелеять бедную доченьку! Улыбаться и целовать её ручки! Гулять в заповедниках тихо и мирно! И только где-то через полгода, когда ребеёнок придёт в себя – (если придёт! потому что после такого сотрясения обычный человек или умирает или становится где-то на два-три года агрессивно-депрессивным полуидиотом, совершенно неадекватным, просто сумасшедшим!) – можно начинать чем-то заниматься...

А он, мерзкий тиран, заставлял её бегать-прыгать и заниматься по полной программе подготовки к концерту и поездке! Таких отцов и педагогов надо убивать – я согласен!

Я согласен. Только один нюанс! – об этом сотрясении я узнал – через

четыре года!

Я жил тогда в Питере, и всё время рыдал, бился лбом в стену и кричал: *Боря, я до сих пор не могу постичь, в её поведении было что-то странное, ведь я научил её мыслить, а она говорила и вела себя, как сумасшедшая! Это – Дьявол! Это тот Дьявол, Боря!*

И тогда он, мой друг Боря Заславский, умный порядочный человек, признался.

В чём же?

А вот в чём! Когда они, мои друзья, подняли Полину с асфальта, она, задыхаясь, сказала: *Только не говорите папе, он запретил мне есть зелёные сливы, мне нельзя, он мне только вылечил гастрит!»*

И что же сделали мои друзья Бейлин и Заславский? Они ничего мне не сказали!

И обрекли Полину на безумие и болезнь, меня – на раздражение, нас обоих – на гибель!

Я обвиняю моих друзей *в убийстве!* – убийстве нашего волшебного союза с Полиной, убийстве музыки и любви!

Если б я знал тогда!

Я бы всё отменил, я бы вылечил Поленьку, я бы всё спас! Что же вы сделали, такие умные Бейлин и Заславский! Ведь она и умереть могла – собственно, она и умерла – душевно и духовно! – и в этом во многом – виноваты вы!

ЕСЛИ ТЫ ПО ДОРОГЕ К ЦЕЛИ
УПОТРЕБИШЬ СЛИШКОМ МАЛО УСИЛИЙ –
ТЫ НЕ ДОЙДЁШЬ ДО ЦЕЛИ.
НО ЕСЛИ ТЫ ПО ДОРОГЕ К ЦЕЛИ
УПОТРЕБИШЬ БОЛЬШИЕ, ЧЕМ НАДО, УСИЛИЯ –
ТЫ ОКАЖЕШЬСЯ В СТОРОНЕ,
ПРЯМО ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ ЦЕЛИ

Мудрость Дзен

Да, я *употребил,* конечно, слишком много усилий и любви.

Да, мы расстались, не выдержав всех стрессов и напрягов.

А было так.

Конечно, Полина и до того переживала жуткий стресс – от трёхлетней борьбы за поездку, от явлений переходного возраста, «подросткового идиотизма», гормонального сдвига, первых фрустраций, – и это сотрясение мозга погрузило её в шок, в полубезумное состояние, – а потом специальные люди, украв её, добили её мозг, и – растлили окончательно.

Ещё за полгода до этого утром на пробежке к ней подходил (тайно от

меня!) тот самый Иосиф Гольдин, знаменитый аферист, сладко пел девочке о её гениальности, о том, зачем папа такой строгий, надо уехать в США, без него и в с ё будет хорошо.

А потом выяснилось, что Полину – и её мать! – уговаривали очень организованные люди, и это был заговор с целью манипулировать Полиной в США – стричь с неё купоны. Но Лена, её мать, плакала – *Не надо, я знаю, что без Олега ничего путного не получится! Ведь так же было с Наташей – а она играла не хуже Полины*[1].

К ней нельзя было не прислушаться, и в итоге решили, – пускай Олег сейчас сделает все программы, поездку, деньги – а потом, как только Полина станет *сама* знаменитой – она уйдёт от тирана!

И всеми её делами будут заниматься Ш а ц и Г о л ь д и н – чудо!

Но тогда я ещё ничего этого не знал, мы прилетели в Москву из Коктебеля – и начали заниматься программой концерта 6 декабря. Это должен был быть исторический концерт – и по сложности удивительной программы – и по его значению в нашей жизни. Если бы мы удачно его провели, больше ни один советский идиот-профессор не смел бы и пикнуть о самодеятельности, потому что ТВ должно было снимать весь концерт – и нельзя было бы скрыть уникального того, что я делаю с Полиной – всё было бы видно и слышно всем!

Оставалось 10 дней до концерта – и 34 дня до отлёта в США.

Каждый день мне звонили из Америки разные люди, чаще всего мой агент-представитель Юрий Свиридов, и обсуждали детали – часа по два.

В битву за Полину вступила в действие ещё одна могущественная группировка **(в книге «Я ПОТЕРЯЛ СТО МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ»** – всё подробно) Напряжение нарастало.

А главное – нужно было очень серьёзно заниматься, – а я терялся, не понимал состояния Полины, возмущался. Она была то вялой, то агрессивной и даже грубой, беспричинно злой, необычайно ленилась, не могла сосредоточиться, без меня вообще сразу отходила от рояля, как мне доносила моя ассистентка, взятая на этот период – я ведь должен был бегать с документами. У меня на глазах рушилась моя гениальная система психической и физической подготовки ученика, ни разу не давшая сбою ни с Наташей, ни с Полиной, ни с другими. Я был в отчаянии.

Наступило 30 ноября 1998 года

До исторического концерта оставалась неделя.

До исторического полёта в Сан-Франциско – 24 дня

Как всегда, готовя программу на следующий день, бессонной ночью, я в сотый раз анализировал, что происходит.

Да, я не удержал её в сиреневом саду нашей общей души, «Ауш Роз» и Карадага, чистоты и трепетности – она впервые посмотрела ТВ, увидела, как четырнадцатилетняя девочка убила своего младенца в передаче Невзорова – первая фрустрация!

У самой Полины только начался гормональный сдвиг, только что прошла первая менструация, как сказала мне моя мама. Да, напряг. Да, подростковый идиотизм. Возраст «красного тумана». Даже супертрудяга Гилельс в этом возрасте не хотел заниматься. Я вносил коррективы – и всё-таки чувствовал – здесь что-то не то. Что-то странное и страшное копится в душе моей безумно любимой доченьки. Что?! За неделю до кульминации моей жизни мои нервы были воспалены до крайности. Хоть мы и обыграли программу концерта несколько раз в разных городах, но Большой Зал – это Большой Зал. У меня было 6 дней, чтобы окончательно почистить программу – и как бы заново проработать 6-ую сонату Скрябина.

Я стремился к искренности порыва, полётности и подлинной экстатичности, и поэтому до поры до времени закрывал глаза на крупные ошибки, даже хвалил её в Волгограде – нарочно, чтобы она сама поверила в то, что она может услышать фактуру. Теперь нужно было «свежим глазом» проработать текст. В обычных условиях при невероятно развитой мною памяти Полины мы могли бы за это время просто выучить ещё две сонаты Скрябина! Но тут – какой-то ступор! И – впервые в жизни у Полины – страх!

30 ноября, пытаясь спасти ситуацию, изменить ауру, я, в жутком состоянии, допустил страшную ошибку – вызвал мать Полины с просьбой переночевать у нас, желая как-то отвлечь и смягчить Полину. Лена сама следила с замиранием сердца за нашей борьбой и была уверена, что я делаю всё правильно – (она видела, во что быстро превратилась Наташа без меня!) и дала мне клятву – помочь мне довести Полину до 16 лет. Но, как видно, это решение было ошибкой – появление матери включило условные рефлексы поведения Полины с матерью – капризность, лень, скрытую агрессивность к отцу, паралич воли плюс *сотрясение,* о котором я не знал!

И – прорвалось! Началось, как водится, с пустяка – сидя рядом с Полиной, я много раз подряд требовал поднять руку повыше в одном пассаже – Полина быстро росла, а фаланги пальцев растут не в одинаковом темпе, и привычная динамическая постановка руки требовала коррекции перед концертом – а Полина упрямо не обращала внимания на мои слова. Я умолял, требовал, крикнул! – ноль внимания, и – взгляд на маму – *что ж ты не вмешаешься, мама?..*

Всё это – особенно этот провокационный взгляд! – накалило меня, взорвало! – и я дал ей пощёчину – и она взглянула на меня – о, какими

чужими, страшными глазами!..

Всю ночь – до б утра, – я писал сложнейшую программу утренних занятий Полины, плакал, просил прощения у Бога, бесшумно входил в тёмную комнату, где она спала с матерью, вытирал слёзы и говорил ей мысленно: «*Поленька, родная, потерпи! Скоро всё будет совсем по-другому! Сбудутся наши мечты – и папа будет самым добрым, как раньше, самым нежным, самым волшебным, и будет дарить тебе цветочки каждый день, и гордиться тобой, потерпи! Ещё один прыжок – и другая жизнь начнётся, жизнь творчества, полёта, счастья!*»

Я так и не лёг спать – дописал расписание и в 7 утра поехал на теннис, чтобы сбросить стресс. Уходя, я разбудил мою любимую дочь, поцеловал, прошептал: «Поленька, любимая, не сердись, **всё** будет хорошо, не бойся, ты же знаешь, сколько у меня в запасе фокусов! за эти 5 дней наведём полный порядок, и каждая фраза 6-ой сонаты будет тебе понятной! Не бойся! Не сердись! Я оставил тебе замечательную программу – она тебе будет понятна! А скоро-скоро, после американских гастролей, через полгода, мы войдём в третью фазу обучения, снова будем наслаждаться музыкой, искать прежде всего образа, эмоции, радоваться колдовству гармоний, снова разберём всего любимого Дебюсси, начнём расширять душу до Скрябина и Рахманинова».

И, отдав ей листок с программой, стараясь не вглядываться в её странно чужие, злые, мёртвые глаза, я уехал. У лифта меня что-то остановило. Но лифт уже пришёл.

Обычно я приходил с тенниса домой к 11.30. Но в этот день! Наверное, я тоже психически перегорел, или Дьявол меня водил, не понимаю. Я был странно возбуждён уже ощутимой близостью новой жизни, исполнением мечты и детской клятвы, руки дрожали, я шёл домой после бессонной ночи и трёх партий тенниса и обдумывал уже детали концерта в доме-дворце Гордона Геттти в Сан-Франциско. Первый концерт решал всё!

Ведь, как сказал Полине корреспондент СВС – ***«Войдя в этот дом, ты становишься сразу самой знаменитой девочкой в Америке, а выйдя из него – самой богатой. Секунда твоей улыбки на ТВ будет стоить 50 тысяч!»*** С нами в «Боинге» должны были лететь десятка два корреспондентов американских газет и журналов.

Я почему-то не шёл домой, ноги упирались Я останавливался, разглядывал людей и город, как впервые. Я зашёл – впервые за сто лет! – в кино, вышел с рассеянной усмешкой.

И пришёл домой на два часа позже, чем обычно!!!

Эти *два часа* и стали роковыми...

С ПОРОГА СМОТРИТ ЧЕЛОВЕК,
НЕ УЗНАВАЯ ДОМА.
ЕЁ ОТЪЕЗД БЫЛ, КАК ПОБЕГ.
ВЕЗДЕ СЛЕДЫ РАЗГРОМА.

Борис Пастернак

Я открыл ключом дверь, заранее улыбаясь Полечке, я уже знал, что я ей скажу, и как мы будем сегодня заниматься. Удивился – не слышно рояля.

Говорят, мой безумный нечеловеческий вопль – час без перерыва – был слышен даже на улице! Кровь рвалась у меня из горла, я весь трясся от страшного озноба – и кричал, стенал, рыдал, бился головой о стену, прошибая её...

Соседи вызвали «скорую помощь» и моих друзей, я упал без сознания, ничего не ел две недели... сидел, смотрел в одну точку и шептал что-то бессвязное – *за что за что зачем ты убила нас поля поленька что ты наделала!*

Как выяснилось гораздо позже, когда Полина, безумно-возбуждённая, кричала – *Я ухожу!* – её мать, плача, пыталась ее отговорить, подождать возвращения из Америки, приводила в пример Наташу, которая без меня хоть и закончила ЦМШ – но никем не стала! Но Полина была в истерике, в бреду – (естественно, воспаление мозга после тяжелейшего **сотрясения мозга**, арахноидит!) Она заявила матери, что музыку она бросает и на всей ей наплевать. Она написала мне безобразно грубую, злую, несправедливую, сумасшедшую записку – и ушла *за час* до моего прихода! И не было рядом моей мамы, её бабушки, чтобы её остановить, – и ни одного разумного порядочного человека рядом!

И – всё важное кончилось в моей жизни.

Жизнь кончилась...

Я был предан моей дочерью и ученицей, которой отдал **10 лет жизни**, раздавлен и растоптан.

Я чувствовал себя, как собака с перебитым хребтом.

Три с половиной года я просыпался каждый день, с залитым слезами лицом – и подушка, и простыня были от слёз мокрые *насквозь!*..

Первая в истории мира попытка направленного духовного клонирования была беспощадно оборвана. Великая попытка создания гения из обычного человека – не удалась.

Секундный псих больной девочки! – и я был сброшен с жизненного Эвереста, когда до вершины – до свободы, до честного богатства, до осуществления идеи, несущей радость миллионам, до моих «Творческих

Лицеев Олега Осетинского» по всему миру – и до высокой *правильной карьеры и судьбы моей любимой дочери* – оставалось несколько метров!

Великий концерт в СПБ был отменён – навсегда!

По ТВ и радио сообщили, что Полина больна.

Поездка в США – сорвалась. Планы подонков – украсть мой труд – тоже не состоялись. Жадные мерзавцы Шацы и Гольдины, желая высосать из Полины все деньги, боясь, что я её найду и увезу насильно, действуя через приятелей в американском посольстве, незаконно вычеркнули её из моего иностранного паспорта, потирая ручки и подсчитывая барыши от концертов Полины – теперь ведь они были её *доверенные лица!* Бедная девочка!

Но меня вызвали в МИД, – и самый тогда крупный чиновник спросил: Вашу дочь вот пригласили отдельно от Вас – скажите честно, она может без Вас хорошо сыграть – или опозорит страну? Я сказал правду – без моей предконцертной подготовки, закрепления образов, ежедневной специальной работы над техникой и пр... – она сыграет очень плохо. Она ещё не понимает, как работает её организм – руки, ноги, спина. Она играет, как летит спутник, запущенный с ракеты – когда ракету *запустят,* когда вытолкнут её за плотные слои атмосферы! Тогда – крутись, планируй в невесомости, данной тебе великим *запускателем!* Но сама себя она запустить не может! Это уже проверялось – даже совсем простые программы она три раза не могла сыграть без предварительной правильной «настройки» (например, репетируя со Спиваковым простейший для неё концерт Гайдна без меня, просто опозорилась, – а на следующий день, правильно разыгравшись со мной и правильно мной посаженная за рояль, сыграла его в Манеже с оркестром бездарнейшего Ветвицкого – с неслыханным блеском).

Чиновник слушал меня с недоверием, размышлял...

А пока суть да дело – Полину быстро и тайно перевезли в Петербург – в квартиру негодяйки и шизофренички, отравительницы Полины во всех смыслах, страшной смеси шакала и лисы – некоей Мержевской...

ОТ ЛЮБВИ БЫВАЮТ ДЕТИ
ТЫ ТЕПЕРЬ ОДИН НА СВЕТЕ

Иосиф Бродский

Когда 13-летнюю Полину украли – пронеслась буря в газетах и по ТВ – смелая Демократическая пресса восторгалась поступком смелой девочки, выбравшей «свободу»!

Обезумев от сотрясения мозга и одурев от выпадения из дисциплины,

она совершила второй роковой шаг: зачитала в «600 секунд» своё знаменитое заявление о независимости (интересно, кто его сочинил?) – и стала ждать возможности выехать в США с мамочкой и «доброжелателями» Шацами и Гольдинами – (но уже не к Гетти, который был страшно шокирован всей этой историей и поведением Полины!) – а по приглашению других, очень расчётливых людей. О, я расскажу как-нибудь подробно о деятельности мистера Шаца в России! Это он спланировал все последующие акции, он украл и погубил мою любимую дочь, отнял у неё настоящее будущее, заставил предать всё святое – он и другие Шацы.

Ну, а как Полина жила в интернате с «подружками» из Самары – догадайтесь! Совершенно бросив бег и мою уникальную гимнастику и диету, она за полгода растолстела на 20 килограмм. И, не занимаясь полгода, решила показать подружкам фокус – сыграть сложнейшую прелюдию Рахманинова – без моих предварительных упражнений – и сразу сорвала руку, тендовагинит! Разгуливала по Питеру и по экранам ТВ с перевязанной рукой, туманно сообщая, что ей её педагог неправильно поставил руку – и все ей сочувствовали, подозревая, что это я ей испортил руку! Я, при котором она, играя сложнейшие вещи в самом детском возрасте ни разу не переигрывала руку!

(Замечу сразу, что через 10 лет, когда она мне единственный раз позвонила, (оказавшись в тяжелейшем положении, она предложила мне помириться – но я отверг это предложение, сейчас не время объяснять, почему!) – и **попросила прощения за многое**, – и, в частности, призналась, что просто соврала по ТВ про переигранную руку – она-то ведь знала, что по моей системе руку просто нельзя переиграть!)

Она стала уже попадать в неврологию – из-за курения и пьянства, жуткого питания и слишком вольной жизни. Уже дала в порнографическом журнале «Андрей» весёленькое интервью о том, что её бюст мешает ей играть трудные пассажи, и ей придётся бросить музыку.

Начались депрессии, вместо сказочной Америки Гетти и Сюзанны пришлось лежать в советских вонючих больницах с кровотечениями...

Её учительница Вольф дала ей пощёчину на уроке – но бежать было уже некуда! Не стерпев справедливой пощёчины от родного отца-благодетеля, ей пришлось стерпеть пощёчину от претенциозной злой старухи, не стоящей и мизинца отца.

Эта Вольф-Волк была настоящим чудовищем! А как Вы назовёте учительницу, которая по телевизору зачитывает всем мои глубоко личные, нежные и отчаянные письма и телеграммы, адресованные моей дочери?! (Я думаю, Полина, что на Страшном Суде вот это твоё

преступление тебе – не только Вольф! – особенно зачтётся!)

В любой стране мира эта учительница была бы **немедленно уволена** – и ей был бы объявлен жесточайший б о й к о т.

Читать вслух по ТВ чужие письма! И это чудовище имеет право преподавать моей дочери высокое искусство?! Бедная моя доченька! Тоже стала зверем, превратилась из бабочки в гусеницу! Ничтожные связи, ничтожная жизнь! Из больницы в больницу! И – навсегда потерянная великая карьера!..

И за всё это время не нашлось **ни одного** человека, который бы обьяснил Полине, что она совершила три ужасных вещи: грех, ошибку и преступление.

Грех **должен быть раскаян.**

Преступление **– неизбежно будет наказано.**

Ошибка **должна быть исправлена.**

Ни одного человека не нашлось! Некоторые к ней прорывались, но их – не подпускали!

Через два года она впервые сыграла простейший концерт – все пришли посмотреть новую Полину – это было такое жалкое зрелище, что слушатели ушли, не попросив ни одного биса!

(Мою дочь, неслыханного виртуоза с неслыханной свободой спонтанной музыкальности, развиваемой с 2 лет, – под предлогом внедрения ничтожных *правил,* вместо развития и обострения самобытной музыкальности с опорой на собственный диапазон эмоций, а не на ремесленные убогие штампы).

Да, мощнейшая ракета стояла – и стоит! – без настоящего взлёта – безграмотные музсантехники не знают кода – он у меня, вместе с ключом от зажигания её души!

(Так что, бедная моя бывшая доченька? – и г р а с т о и л а с в е ч?! Чему, после моих уникальных достижений с тобой – и технических, и музыкальных – могла научить тебя *скудная* Вольф?! Ты так ничего и не поняла про свою жизнь – и про своего отца, как и Наташа! Залгалась и опустилась до степени неописуемой, сегодня ты – неблагодарное безнравственное чудовище! И ведь тебе уже достаточно лет, чтобы понять необходимость покаяния, – если ты хочешь жить в мире со своей совестью и чего-нибудь ещё добиться в жизни!

Да, я не сужу теперь ту Полину – ту, больную девочку с проломленной головой. Помните, что сказал Христос Пилату?

– Я не сужу тебя. Я сужу тех, кто привёл меня к тебе.

Но взрослую женщину, не исполняющую своего долга перед отцом, Учителем, Богом – сужу! Только покаяние публичное спасёт тебя, Полина! Только – правда!

Ролан утешал меня и маму. Она, уже плохо понимая, что происходит, с доброй улыбкой всё спрашивала Ролана – «А когда же Вы, Ролан, сыграете играть Витьку-дурака?» Он мягко отшучивался. – Я уже старый, Мария Дмитриевна! – И вдруг блеснула слеза у него – впервые...

ЛЕЖИМ, ЗАПЛЁВАНЫ И СВЯЗАНЫ
ПО ВСЕМ УГЛАМ
ПЛЕВКИ МАТРОССКИЕ РАЗМАЗАНЫ
У НАС ПО ЛБАМ.

Зинаида Гиппиус

И в третий раз Ролан спас меня!

Когда мой брат погиб – никогда не прощу его смерть проклятым троглодитам-большевикам! – я официально усыновил его сына, моего племянника, но по закону он должен был быть прописан у своей матери в Днепродзержинске, – где должен был погибнуть – или попасть в тюрьму – такие были в Днепродзержинске обстоятельства... Все наши жуткие хлопоты с мамой были безрезультатны. Никто не мог ничего сделать – и я опять позвонил Ролану.

И он пошёл к мэру – добивался! – и добился! (Если бы вы слышали, что он потом рассказывал о том, как у нас происходила прописка!)

И племянник Олежек стал учиться и жить у меня в Москве – вечное спасибо Ролану!.. (Это было незадолго до Безумного Ухода Полины. А в день ухода Полины у меня открылась язва, гипертонический криз, и т.д. «Скорая помощь» просто дежурила у моего дома).

Через месяц я позвонил Ролану – а кому ещё?! – он вздохнул. – Олежа, я же тебе говорил – не отдавайся детям! О себе надо думать! Ты же меня учил, как делать внутреннюю карьеру. «Признаки осуществленной жизни»! Отдайся творчеству!

– Это – моё главное творчество! – закричал я. – В музыке мой главный талант! Ваш подлый мир губит мою музыку и растлевает Полину! Твой Гольдин и его подлые друзья!

– Олежа... – тихо сказал Ролан. – Если можешь – уезжай. Задохнёшься здесь. Когда будет всё, как надо – я тебя найду. Скоро. Жди. Смирись.

Но я не мог смириться! Я приехал в Ленинград – и ждал на морозе всю ночь – и увидел в темноте зимнего утра свою Полечку – и не смог подойти, не

смог переступить через обиду, не смог! Ведь ей было уже 14 лет, взрослая, – и она клялась перед иконой никогда не предать меня!.. Боже, как же я наивен – ведь не все люди держат свои клятвы, как я!

И тогда друзья – и прежде всего гениальный скульптор Володя Юзбашев – просто связали меня – и отправили в Италию....

ЕМУ НЕЛЬЗЯ БЫЛО ТРОНУТЬСЯ С МЕСТА СВОБОДНО,
ОН ЛИШЁН БЫЛ НАСЛАЖДЕНИЯ ВИДЕТЬ ЕВРОПУ.

В.А. Жуковский о Пушкине

И опять Большое Путешествие Дилетанта – но уже не по Сибири!..

В первый раз я, всю жизнь загубивший на проклятой моей Родине, не выпускаемый даже в Болгарию – выехал за границу– поездом до Рима.

На нашей границе был уверен – сейчас вот кирзовые войдут, грохоча Кобзонами! – и заберут меня, и отвезут, куда положено...

И, когда на вокзале Термини, на дрожащих ногах, с опаской родной оглядываясь, я вылез из советского вагона – и медленно пошёл под сводами вокзала, ошеломлённый светом, яркостью и живым шумом, – и, впервые в жизни не ощущая никакого страха ни в одной клеточке тела, вышел на итальянскую площадь, сощурившись от солнца!.. – я также впервые в жизни ощутил страшную, неистовую жажду жить в е ч н о ! – и зарыдал, представляя, как мы выходим с этого вокзала вместе с любимой Полечкой...

И рыдал весь год в Риме! От ужаса разлуки с самым любимым моим существом, почти совершенным моим созданием.

А от язвы меня лечили в монастыре монахи-иезуиты. У них я пил за ужином из больших графинов много замечательного белого вина «Палестрина» – а монахи пели гимны Палестрины. Иногда они пели православные песнопения по-русски – мне казалось, что ради моего выздоровления. Спасибо, «Руссикум» – и повар Карло!

Потом я жил в божественном доме замечательного певца Вилли Миарелли, рядом с любимым на всю жизнь творением Микельанджело, у Пантеона, где на крыше, в саду меня окружали волшебные розы. Я преподавал Вилли вокал, лечил связки, – думаю, я был единственным русским преподавателем вокала в Италии (!)

И здесь же у Пантеона 19 января 1989 года случилась удивительная встреча. Я наводил фотоаппарат на витрину с папскими тиарами и прочими одеяниями. И вдруг в видоискателе мелькнул единственный в мире профиль. В Риме не принято кричать. У меня было несколько секунд, чтобы обратиться спокойно. «Иосиф Бродский?» – негромко спросил я. Человек в тёмно-зелёном костюме с лёгким удивлением обернулся. – Да... – и

спокойный вопросительный взгляд. – Я Олег Осетинский. Нас судьба ни разу не свела в России, хоть часто были на *расстоянии* секунды».

– Ну как *же... «С нами Осетинский, стратосферу посетивший.*[1]*»* – это мне написал Женя Рейн из Коктебеля в прошлом году. – Вы там были с дочкой Полиной – да? О ней – сколько восторгов! А Чудаков мне много про Вас говорил! Вот видите – все дороги ведут в Рим, да?»

Мы пожали друг другу руки и около часа говорили – главным образом, о Чудакове и о стихотворении, которое Бродский посвятил ему, опередив смерть Сержа: «Имяреку, тебе, от меня, анонима, Как по тем же делам...»

И тут подъехал велосипед «бесшумным махом птицы», с него слезла нежная стройная девушка с мягким взглядом. «Знакомьтесь, – сказал Иосиф – Это Мария»... Это была его будущая жена – и вдова...

Я не учил итальянский язык – чтобы не понимать *факты,* а слушать *звуки.* Но понятно было почти всё. И прежде всего – насчёт духовности. Поездка развеяла миф о нашей русской духовности – самой духовной в мире.

Так вот, установим точки отсчёта. Этика – система отношений человека с человеком. Духовность – отношений человека с Богом. И я утверждаю, что любая западная страна духовней, чем Россия сегодня. Просто духовность там – не в пьяной болтовне на кухнях, а в любви, разлитой в воздухе, в добрых делах, которые выше молитвы!

Духовность есть поиск смысла жизни – и возникновения понятия «Причины Мира», Творца, Бога. Дальше – установка отношений моей личной жизни с Творцом. В этом смысле Россия есть пещерная страна, большинство людей слова такого – Дух, духовность, Творец, Бог – просто не *вос-принимают!*

А Запад? Запад без громких слов идёт по пути *делания* своей жизни более мягкой, толерантной, справедливой и упорядоченной. И путь этот расширяется и просветляется. Мы даже в эту фазу не вошли – о сознанности, осмысленности личной жизни! – а пока войдём, лет через 30 – Запад уйдёт далеко-далеко, в фазу подлинной духовности.

Единственный для России выход – бежать от Азии с её духовными тупиками – в единственно прогрессивное Христианство (после Реформации нашего Православия!). Мы должны придти в Европу – немедленно! Или Росссия станет Азиопа – большая и грязная! И будем мы в ней сидеть позорно и постыло – пока нас не поглотит новая Орда, загасив Христианство и Прогресс, Свободу и Творчество.

Я вернулся в Москву увидеть маму – и ***в тайной надежде***... Но Полина даже маме не звонила, просто сошла с ума, отравилась душой, растлилась...

Я поехал в Ленинград.

Иногда, наблюдая за ней незаметно, я хотел её – и себя! – немедленно убить, иногда – поцеловать со слезами и кротостью. Не случилось!

И там же, в Ленинграде, в 1991 году, снимая квартиру рядом с моей несчастной дочерью, я написал сценарий **«ВЕРА И СЛАВА»** – за который получил премию на первом (и последнем!) конкурсе в СССР.

Случайно нашёл у греков большие деньги, перевёл сценарий на английский. Прилетел в Нью-Йорк. Женя Поротов привёл меня на вечеринку к дочери бывшего американского посла в СССР. Там я встретил продюсера Джека Николсона Билла Вильсона, рассказал историю. Он сказал – «Потрясающе! Это для Джека! Я свяжусь с ним! Дайте мне синопсис»! Я принёс. Синопсис был одобрен. Билл сказал. – Тащите сценарий! Я притащил. Стал звонить – молчание, автоответчик. Когда с трудом отыскал Билла, он, пожав плечами, недовольно сказал: «Что за диалог? Это язык Диккенса! Переведите как следует – на современный американский язык!»

Нужно было 10 тысяч долларов. Греки отказались – обанкротились. Я решил заработать деньги сам, читая в университетах и синагогах лекции о жизни в СССР, и иногда давая случайные уроки фортепьяно. Жизнь в Нью-Йорке была интересной.

С безумным питерским полупровокатором-полудиссилентом, замечательным Сашей Богдановым, выпускавшим когда-то «Антисоветскую газету», я сумел сбежать из полиции, куда был водворён за учинённый Сашкой скандал в редакции либерального журнала – о чём сообщал знаменитый журналист Козловский в «Новом русском слове».

А в 92 году он жаловался на то, что О.Е. Осетинский кинул в него бутылкой шампанского в Московском Доме Кино, но промахнулся! – что для меня вообще-то нехарактерно, а в данном случае ещё и обидно...

Наконец я пробился на приём к знаменитому педагогу, Нине Светланофф, очаровательной женщине, «ля-бемольной бабочке Нью-Йорка», как бы директору Манхеттенской школы музыки. Она устроила мне открытый урок с тремя взрослыми студентами – и после урока я услышал от растерянной и покрасневшей мадам следующее – буквально: *«Вы – абсолютный гений! Мы просто не знаем, **сколько** Вам платить!»*.

Я заработал кучу денег за три месяца в Нью-Йорке любимым делом – преподаванием фортепьяно – и переводил диалог сценария, страницу за страницей – в разных штатах! Кто только не переводил его, кто только не вставлял словечек из американского сленга! Наконец с помощью молодого нефа-сценариста диалог был готов по-настоящему. Осуществлявшая окончательную шлифовку сценария, американская старушка-диссидентка,

набирая сценарий на компьютере в подвале на 52-ой улице ночью ворчливо замечала: *«Здесь янки будут смеяться... здесь – вопить!... здесь – плакать!»* Я робко спросил – По-Вашему, этот сценарий может иметь в США успех? Она взглянула на меня снизу из-под очков. И заорала: «*В жару будут стоять в очереди на х..й знает какой авеню чтобы посмотреть Вашу проклятую ахинею! Это – хит! Блок-бастер!»*

(Замечу в скобках – она оказалась права! Когда этот сценарий у меня в США украли – то поставленный по нему фильм **«ТЕЛЬМА И ЛУИЗА»** был первым по прокату три месяца, и полгода был в десятке!)

Но греки-спонсоры мои сгорели!

А потом я жил в городе Вене, в здании «Политише Академии». Через оператора Сандро де Клева я нашёл продюсера в Австрии – очаровательная женщина в белых брюках всегда. Поехали в Австрию. Мы решили, что главную роль должен был играть не Джек Николсон, а великий Клаус Кински. Нашли его в Париже, ему страшно понравился сценарий. Он назывался уже так – «Чашка кофе перед свадьбой». Началась работа. Попутно я бывал на приёмах у Президента – в костюме своего шофера, делал доклады о политике и экономике, предсказал – за два месяца, когда никто не верил! – на вечере приехавшего диссидента Аркадия Мурашова (есть видеозапись) отмену 6-го пункта о ведущей роли КПСС.

Австрийцы делали всё очень приятно, но слишком медленно – и дождались – вдруг умер Клаус Кински!

Я пил пиво в Зальцбурге, на улице Шварц, под домом, где родился Моцарт, – и смеялся сквозь слёзы – Андрон снял дочь Клауса Кински в США – и она жива . Всё опять пересеклось!

Я остался в Вене, они сняли про меня фильм «Вена глазами Олега Осетинского» и отдали мне весь материал на «Бетакаме».

Приехал на Родину, запустился на деньги одного сумасшедшего грузина на «Ленфильме». На собрании группы, состоящей из пьяниц и бездельников, директор группы предложила сразу – «поделить постановочные»!

И я опять не согласился воровать, не подписал! – характер «невыносимый»! Тогда директриса украла все деньги – и исчезла! Нашли её грузины через полгода в Берлине! дальше кино уже не было!..

Обалдев от Родины, я поехал в Чехию, полюбил её навсегда. Поселившись на улице Валентинце, 13, у некоего Питера, прямо у завода «Старопрамен», выпивал по 20 бутылок этого и прочих праменов.

Закон в футболе – ты не забиваешь, забивают тебе! В кино – то же. Если ты не снимаешь блестящий сценарий, его снимает другой. Сценарий *«ВЕРА и СЛАВА»,* разосланный моей наивной подругой-профессором Танечкой

Костомароффой по американским агентствам, через два года явился на экране в пошлом американском варианте как «ТЕЛЬМА и ЛУИЗА». Меня всю жизнь обкрадывали на Родине, теперь взялись за это на Западе – какая прелесть! Случай настолько явный (как и с фильмом Д. Шлезингера «Госпожа Сю-зацка» – по моему сценарию **«Продаётся рояль с двойной репетицией и детская кроватка»**), что деньги сами упадут в руки, стоит подать в суд. Подавайте, господа! Любому желающему отдам половину, все доказательства налицо, и механизм кражи известен... – а сам я слишком занят, чтобы из-за каких-то миллионов отнимать у драгоценной своей Души волшебные мгновенья!

Мама тяжело заболела, вернулся к маме, под руки попалась юная девица Катя Л., я пообещал её сделать пианисткой-звездой (и сделал позже!), если она переедет в мою квартиру и будет ухаживать за мамой. Она так и сделала – спасибо, Катя!

И снова уехал в Нью-Йорк. ...И вернулся, когда стало ясно, что маме осталось недолго, оборвав все американские музыкальные контракты – такое не прощается! Я приходил к маме в больницу каждый день, в 508-ую палату, сидел с ней, она приподнималась на кроватке, держась за поручни, которые ей из полотенца сделали медсёстры. Один раз сказал – *«Давай погуляем по коридору, мамочка?» «Ну что ж,* – кротко сказала она. – *Давай, погуляем»*...

Мы шли по коридору, и она как-то пристально, как бы в первый раз всматривалась в белые халаты медсестёр, в окна, столы с лекарствами...

А на следующее утро я пришёл на 5 минут *позже.*

У лифта внизу столкнулся с весёлой врачихой, – «Ой, ваша мама только что умерла! Ночью проснулась, встала, руками держится за поручни и тихо так крикнула два раза – Олег! Олег!»

В это время из лифта выехала каталка, покрытая белой простынёй, под ней угадывалось какое-то небольшое, почти детское тело. Врачиха всё щебетала: «А потом она заснула – так спокойно, *хорошо* умерла во сне. Вы опоздали чуть-чуть!»

Я смотрел на каталку под белой простынёй, которая удалялась в глубь и темь коридора, и тут до меня *дошло* – это, наверно, моя мама. Я хотел побежать, но остановился – ведь я на Родине, в чопорной моей отчизне, в стране ханжей, бежать нельзя, ещё обхамят, как Васю Шукшина, обгадят последний миг...

А когда мне отдавали вещи мамы, я не был в состоянии что-то замечать, машинально отметил только странно бегающие глаза сестры-хозяйки. Я похоронил маму 5 ноября 1989 года на Митинском – (спасибо Лене Леонову, всё он устроил – и Лёше Михееву, моему бывшему зятю. И бывшему другу).

И тут вдруг вспомнил, что на маме не было крестика. И мне его не отдали. Этот золотой крестик я купил на рождение Полины. За год до смерти мамочка, с хитренькой детской улыбкой, кротко попросила: *«Олежек, а можно я Полиночкин крестик буду носить, мой потерялся! Я скоро умру, а когда Полиночка к тебе вернётся, опомнится – ты ей отдай».*

Увы, мама, прости! Полину украл Дьявол, наша волшебная бабочка бегает где-то в СПБ по вонючему интернату Матвеева переулка, стремительно превращаясь в гусеницу, а крестик украла простая русская женщина из сестёр-хозяек, – там было много симпатичных и душевных медсестёр-хозяек!..

Но всё равно – каждый год 2 нобря я прихожу в 508-ую комнату и дарю больным старым женщинам цветы и конфеты.

НИ ПРОСВЕТА,
ВЕЗДЕ МИНИМУМ МЫСЛИ.
ВСЁ ИСТИННО ЧЕСТНОЕ
И БЛАГОРОДНОЕ СНИКЛО,
ОНО ВРЕДНО И ОТСТРАНЯЕТСЯ.
ТОЛЬКО ДОСТОЙНЫЕ ПРЕЗРЕНИЯ
ИДУТ В ГОРУ.
БЕДНАЯ РОДИНА!

Н. Лесков 1883 г.

Я отсутствовал на Родине почти четыре года, многих перемен не успел сразу заметить.

И после маминых похорон решил сходить, разузнать, что и как... Я сходил в Дом Кино, на «Мосфильм», в Госкино и в Союз. Вернулся – и долго мыл руки. Меня тошнило от отвращения. Естественно, о работе в кино для меня не могло быть и речи. Союз и Мосфильм стали тусовкой только для совсем своих. Они – Соловьёвы, Шахназаровы, Абдрашитовы и прочие серые шустрые, после 15-го сьезда мигом на междусобойчике устроили Большой Передел – при абсолютном Беспределе. Кто опоздал – тот не успел. Они выгнали Бондарчука и других, не чтоб переделать всё по-честному – а просто для того, чтобы занять их места!

Безо всякого широкого обсуждения, наплевав на права членов союза, без честной конкуренции проектов и идей, без всяких признаков демократических процедур – они просто хапнули куски госсобственности, сделав их своей частной лавочкой – в секунду! Стали Али-гархами кыно!

(Вспоминаю Сибирский сюжет 1955 года – перевозили нас из Анзёбы в слаборежимную зону, в Вихоревку.

Выгрузили, на узкоколейке довезли, широко открыли ворота, вертухаи отошли в стороны, и начальник проорал: «Так, граждане слаборежимные! Можете занимать любой барак! Через час – чтоб был полный порядок! БУР здесь – круче не бывает, ледяной! Ясно? Так что, кто не хочет спать у параши – бегом!»

И рванули мы под гогот охранников и режима! Свист, крик и вой! Наша тройка захватила светлую комнатку в каптёрке, я подтаскивал к двери баррикаду из кроватей, Витя Минайленко, добряк с Сахалина, застреливший свою жену 11 лет назад, держал двустволку с взведёнными курками нацеленной на дверь, а Серёга стоял у окошка с поднятым топором. Только не спрашивайте – как это у зека двустволка? Начальники любили дичь, а их жёны – меха! И охотник Минайленко, которому оставался год, был «культовой» фигурой в зоне. Там ещё не то было! – другая книга. Короче – так мы отвоевали отдельную комнатку. Драка была честная, и в ней участвовали все!)

А здесь – безо всякой борьбы, тайно.

И наступила «тусовка для своих» – на принадлежащие всем деньги! Студию «Мосфильм» поделили, и Госкино стал откровенной кормушкой для своих – экспертное жюри ведь из них же, из своих – те же Финны, Гребневы, Мережки – и прочие посредственные драмоделы со связями Сами себя одобряют – и сами же себе же выписывают деньги – общие, государственные!

Жаловаться некому. Плевали они! «Я никому ничего не должен»! – вот главная фраза хамов этого времечка!

С. Соловьёв, которого я тихо спросил – «Я слышал, ты моим сценарием давно восхищаешься? Так что мешает меня запустить теперь, *при свободе?»* – Потупив взор, участливо пролепетал: «Олег, мы сейчас только своим даём постановки. Денег даже на своих не хватает!»

После моей трудной, кровавой, *настоящей* войны с комуняками – мне начать лебезить, делать ничтожествам комплименты, прикинуться своим, «ветошью», – или даже Витькой-дураком? М н е ?!

Я вышел с Мосфильма – и не приходил из соображений брезгливости тыщу лет – пока не прислали какие-то крохи за «Ломоносова».

А в нашем Союзе Кинодеятелей «История повторяется дважды» – верно!

Сначала трагедия честного Климова, который что-то пытался. Потом фарс «ярмарки тщеславия» А.Смирнова. Потом – блатная тусовка ничтожного, быстро разжиревшего Соловьёва с ворами-прихвостнями, «секретарями», (которых Никита обещался прилюдно судить – да решил по-азиатски – лучше пусть преданно *лижут!* Конечно, – лично ему!)

В эстетике устаканилась всеобщая «Ассa».

Кинолепет для самых бедных...

100 дней после детства... 102 дня... Ну, 103!..

(Поясню: я даже Тарковского-то – в свои 23, – его, 30-летнего! – наставлял, как ребёнка, – и сначала не без симпатии! – возмущаясь его непониманием Урусевского, – и полным непониманием России. И его эстетику, настоенную на обложках журнала «Польша», пришпиленных по стенам его жилья, не воспринимал серьёзно.

Для меня Тарковский всегда был всего лишь инфантильный ребеёнок-герметист, совершенно неинтересный взрослому уму, шифровальщик «подросткового идиотизма», лепящий золочёные завитки из Бергмана, Уэллса и Брессона – вокруг *пустоты!* (Могу сообщить, из какого великого фильма каждый кадр!) Провинциальный маньеризм. Картонная загадочность. Псевдоглубокомыслие в стиле «рус-душа-экзотик»! – на немецких бюргеров и советских пошляков-студентов это действовало! – вредно, как всякая фальшь, отвлекающая от Бога и правды. От проблем русской этики и русской духовности – разницу пояснить?.. Детская метафизика, плохо переваренный Бердяев. Всё видимость, вывеска! Видимость красоты – да, оператор Юсов не лишён глаза, – но, в сущности, это красивость, ландрин, а не потаённая *поэзия!* Видимость сути, – а не ясновидение! Вы только вслушайтесь в эти с понтом «русские» и «духовные» диалоги! Слава Богу, у Тарковского хватило нюха – сделать Солоницына немым! Если б заговорил – *хана!* Смеялись бы все! Всё это – голый Тцарь. Не взрослое кино. Не подлинное кино. И – не русское кино, если это кому-то важно. И, разумеется, эта сладко-загадочная чушь, этот миф о гении Тарковского будет развенчан очень скоро. (Мне было приятно узнать совсем недавно, что так же думали Набоков и Солженицын – меня *эта компания* устраивает!)

В «Рублёве» же, детски фальшивом, идентична России оказалась только истерика Бурляева – да гениальный «физиологический» фарс Ролана!

Да, я поначалу думал, что Андрон, обученный мной, будет моим режиссёром, моими руками, будет *толкать* мои сценарии. И Андрону и баснописцу это было выгодно. Но – в силу «невыносимости» и прочих обстоятельств.мы разошлись... И тогда Андрон *прикупил* себе уже дипломированного режиссёра Тарковского. Теперь Тарковский занял моё место – стал на время руками и головой **Андрона.** Тарковскому это было выгодно, – потому что без Андрона и его отца он бы никогда не пробился в кино – в силу тоже достаточной «невыносимости»!

Вот и вся история гениев и талантов при **сынках** буржуазии, и умения-неумения уживаться).

Но всё-таки это был Тарковский, сын великого поэта! – принадлежал культуре и был предан самому понятию «искусство». На мой отчётливый взгляд у него просто не было главного, как и у по-своему великого Лёши Германа – подлинной ре-лиги-озности и большой глубинной эротичности.

А уж э т и – новые пещерные, они же старые блатные!

В мире уже царит трансгресс, интертекст, мультикультура, открытия Тарантино и Ларса фон Триера В России Пелевин и Ерофеев, казалось, похоронили кирзу советской литературы... Но э т и – как были совками, так и остались. Да, аккуратные схемы с оглядочкой на модную стилистику – десятилетней давности! Эпигоны, создатели валютных матрешёк. «Великий» Абдрашитов – что-то совсем лишённое жизни, подлинности, мнимое. Аккуратненький теплохладный Тодоровский. Скучнейший Хотиненко. Старательный Учитель и прочая трава-лебеда. Про таких лучше всех сказал когда-то мой тренер по боксу, великий Густав Кирштейн! У него был один критерий: «Этот? Да он же не боец! Он – *искусственна к!..»* По-прежнему одна великая Кира Муратова – и пустыня вокруг.

А наши пуст-модернисты – даже куры не смеются, плачут! Последнее открытие – «фильм без режиссуры», как гениально выразился В.Кичин о фильме, по-моему, Месхиева! Родной бред! Вокруг – десятки талантливых людей, гениев! а снимают всё те же – Соловьёвы и Михалковы, дикие Шиловские и беспомощные Суриковы! и ещё вдруг какой-то чудовищный Бланк – от каждого кадра несёт омерзением!

В Госкино сидят те же чиновники, которые сидели двадцать лет назад и закрывали замечательные сценарии, в том числе мои.

Всё это я в бешенстве выкладываю Ролану – минут 40! Ролан слушает очень внимательно и сочувственно вздыхает. И, когда я замолкаю, загадочно серьёзно роняет:

– Во-первых... Я верну тебе Полину!

Я держусь за живот от мучительного хохота.

– Рола! Не смеши! Ты же разницу между нами знаешь? Я всегда готов заплакать, ты засмеяться! Но сейчас... У меня даже нет слёз, только шутки! Там такие силы стоят, чтоб на ней деньги зарабатывать, всякие твои Гольдины и Шацы!.. – горло любому перегрызут! Она уже полностью прозомбирована под самыми актуальными лозунгами – свобода, плевать на всех, я никому ничего не должна! пресса её радостно поддержала – долой папашу! Скажи лучше, когда мы запустимся? Ведь ты же теперь, небось, шишка? Когда мы будем делать великое, а не всю эту чушь? Я опять подкорректировал сценарий под твой новый возраст – получается ещё лучше!

– Олежа, – таинственно шипит Ролан. – Ты не понимаешь – мне сейчас нужно создать *структуру!* понимаешь? залезть в свою нишу – и вырвать бюджет! И я тебя сразу вытащу – хоть из Антарктиды! В первую секунду! А сейчас... Они же всё захапали себе сразу, как свалили Бондарчука – никого не подпустят! Жди! Всё сбудется! И Полина – вернётся! И будет снова играть с тобой – как в раю! Целую! Ты – главный, ты мой смысл, ты мой барометр, ты мне нужен – всегда!.. – *и гудки...*

Я ЛЮБЛЮ ТЕАТРАЛЬНУЮ СКЛАДКУ
ВАШИХ МАСОК, ХИТИНОВЫХ ЛИЦ,
ПОТИРАНИЕ ЛАПКИ О ЛАПКУ,
СУЕТУ ПЕРЕД КЛАДКОЙ ЯИЦ.

С. Чудаков

Посоветовали мне – сходи к Руди и Таги. Я позвонил Рудинштейну – «Слышал, Вам нужны сценарии мирового уровня?» – и он сразу пригласил на банкет после премьеры фильма «Циники», выпили, всё было цивильно, симпатия, планы, и вдруг я имел неосторожность спросить: «Вам вообще-то прибыль нужна – или *отмываете?»* – «Конечно, нужна!» – «Так зачем же было давать деньги на эту чушь? Это же беспомощная самодельщина – фильм без режисссуры, как замечательно сказал Валера Кичин. Пусть наскальные фильмы снимают пещерные люди! У Вас же никаких шансов заработать на прокате хоть рубль! Разве я неправ?»

Боже! Если бы видели его лицо!.. Всемогущий Руди обиделся всерьёз! – и всё было кончено. «Характер «невыносимый» – помните? – дал себя знать опять...

«Чёрный» Панкратов, слышавший диалог, притащил бутылку болгарского коньяка, и разъяснил мне: «Олежек, ты гений, все знают, я тебе всю жизнь симпатизирую, ты мне помог когда-то советом, я не забыл, – но так не пойдёт! Это раньше нужны были хорошие сценарии – а теперь все пишут сами! Главное теперь – чтоб *свой* был! Или – сосать!.. – ну, в смысле «ласковый телёнок двух маток сосёт! Ты понял? Тебе теперь совсем трудно будет, Олежек! Сейчас у нас к тому же – или чернуха, или постмодернизм в почёте! а ты ты – ни туда, ни сюда! ни Мельников, ни Тарковский! – я едва успеваю вставить. – Сашенька, я один – как Грибоедов или Ржешевский!.. – Вот! Я и говорю! – Панкратов дружески хлопает меня по плечу, разливает коньячок. – Олежек! Ты чё, – не знаешь что ли про себя? – да не доросли мы до тебя! Ни продюсеры, ни режиссёры. И вряд ли дорастём. Вот и думай. Писал бы прозу – там ты хозяин! Ну, со свиданьицем!»

Я замер от восхищения. Чёрный Панкратов сомкнулся с Эрен-бургом и Леоновым. Это было круто! Я понял всё.

Я вспомнил Ленина. «Каждая кухарка должна»! каждая кухарка должна поставить фильм – если она своя!

Я представил себе количество «своих» кухарок, племянников, племянниц, не говоря о дочках, невестках, зятках и шуринах... – и понял главное, вечное!

Да, мы всё равно живём хоть и в Санкт-Петербурге – но **Ленинградской области**! И так будет всегда! Читайте «Весёлый двор» Бунина, Горького и «Деревню» Чехова! География у нас неудобная! Ни каких *варягов* не хватит на эту географию. И я сказал себе словами Иосифа – «поскорей бы пришла зима и занесла всё это!»

А ведь говорили люди – не идите в режиссёры в нашей стране – сначала вас отсеют идиоты во ВГИКе, а теперь Вас отсеют идиоты-спонсёры, которые вбухивают деньги в проекты по *их вкусу!*

Вот: я предлагал двум не слишком вульгарным людям, которые, казалось бы, должны были уметь считать – я им на пальцах доказал, что мой проект не может не быть прибыльным, – но они качали головами. И снова посчитали. И снова взвесили. Выходило – абсолютно прибыльно – сюжет, диалог, актёры, дешевизна, оригинальность – и банальность – в меру! Ну как у Шекспира или Тарантино. Но они запустили кухарок и племяшей – и разорились.

Там, где деньги в России – там идиоты. Или бандиты. Пробуйте. Я слишком брезглив. ***«ТЫ ПРОСТУДИШЬСЯ, ГОЛОС ОБ ЭТИ СТУПЕНИ ЛОМАЯ!..***– замечательно и давно написала Лена Скульская...

И я снова уехал. Предпочёл, как мой великий учитель Юрий Карлович Олеша – не соваться! «лучше ничего не писать, чем писать, как они».

Часто вспоминал Ролана – как он там? Выдержал – или его, как Бондарчука, тоже смяли новые блатные? Он ведь уже старый и у него эмфизема. Это я – вечно молод, не болел тридцать лет ничем, кроме триппера. Теперь уже, наверное, никогда мы не сделаем Витьку нашего, он умрёт невоплощённым, как Ролочкин Пушкин. Рола, Ролочка, мой чудный тролль, мой спаситель и утешитель! Чем ему помочь? Засыпал со слезами...

КАК В ПРОЖЕКТОРЕ МОЛНИЙ,
МРАК СУДЬБЫ ОТТЕНЯ,
ЭТО ДЕЙСТВУЕТ МОРФИЙ
В ТЕБЕ – НА МЕНЯ!

Серж Чудаков

А когда вернулся в Москву – через три года... – старые собутыльники в баре 2 этажа Дома Кино, выпучив глаза, хором *заорали!*

– Олег! Ты где был? Беги к Р о л а н у ! У него банк, ресторан, особняк, у него миллионы! Он в полном поряде! Сам не ставит, но даёт всем! Тебе-то, любимчику, он всё даст! Колись! Наливай! Твоё время – пришло! Насто не забудь!

Я был потрясён.

Ролан может – но не ставит?

Ролан – банкир?!

То есть! значит? то есть, теперь как бы вот действительно остался *пустячок?!* – набрать номер Ролана?!

Я побледнел. Старые надежды бросились в голову. Я снова жаждал, алкал! Да, только Ролан способен на чудо – дать мне, отверженному, изгнанному из совкового кинорая, сделать какой-нибудь пустячок типа Пантеон или какой-нибудь Собор Святого Петра – или даже простую кинопесенку по Верлену или там Есенину! Ура!

А – сколько просить?! И – что просить?! К тому времени в моей голове уже полностью сложились две великие системы, которыми теперь бесплатно пользуется весь мир. Что выбрать? Музыкальный лицей по моей системе **«ДУБЛЬ-СТРЕСС»** на все 5 континентов?! Или – театральное училище по моей системе **«ПОДКЛАДОК»**?! Или – «Чудное мгновенье»? **«Дьявол в России»? «Я стреляю по Москве»? «Первый бал Наташи?»** Или – наконец – **«Витьку?!»** ...Боже! Неужели?!

И я медленно набрал номер, впервые в жизни держась за сердце.

Тихо назвал секретарше своё имя, она куда-то прогундела.

Трубка в моей руке дрожала...

И...

5-Я СЕРИЯ

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К БОГУ?
МЫ ЗДОРОВАЕМСЯ,
НО НЕ РАЗГОВАРИВАЕМ.

Д. Дидро

Я назвал секретарше своё имя, она куда-то прогундела, – и сразу раздался голос Ролана – тот самый, но неожиданно очень *спокойный*. – «Олежа, ты где? Жду через час!» – «А где это?» – «Секретарь обьяснит, тебя встретят!» – и – гудки!

«Секретарь объяснит»! Без смешка и – *«целую»?*

Ну-ну!..

Я пришёл радостный, с улыбкой, с любовью. Вошёл. Большой зал. Рояль!

Стол для заседаний – огромный, блестит. В коридорчике виден край унитаза – нарочно? Ролан – белая салфеточка повязана до пупа – за шикарным рабочим столом с десятком телефонов хлебает суп. Не встал! Ничего такого. Деловито – «Садись». Хлюпает, трудно дышит, утирает пот. На меня ни взгляда. У меня – шок. Отнялся язык – впервые в жизни. Смотрю на Ролана в упор. Он поднимает глаза – *всё* понял! Залыбился. Процвёл. Хохотнул! Тарелку в сторону. Поднял трубку, скрипучим голосом: «Ни с кем не соединять, никого не пускать». Салфетку на пол. Актёр! И картинно – «Олежа! ***Так что?»***

Я **– очень тихо:**

– Как – «ч т о »?! Ты – миллионер. И до сценария, *небось,* дорос. Так – *с т а в ь !* Я – разрешаю! Или – дай мне. Получишь и Канны и Оскара. ***Так – что?***

Ролан всё выслушал, опустил голову – с тихим-тихим вздохом. Актёр. Всё проходили. Долго молчал. И очень жёстко – чуть смягчая к концу, куда-то в сторону, – про-скри-пел:

– Олежа! Постановка – это деньги. Деньги, Олежа! Ты вот ездил, веселился, приехал, – а я здесь за эти деньги бился – знаешь, к а к !? Я теперь, Олежа, другой! Вокруг меня теперь вертеться надо! Смотри, сколько у меня вертушек!.. – и – добродушный хохоток!

Я медленно встал. Гляжу в пол. Тихо:

– Вертеться – это не я. Мы с тобой придумали лучшее в твоей жизни. Великое. И у тебя, как известно, пишут и снимают – ну просто все!

– Ну, это приятели, я же должен помогать людям, ты знаешь – Всем, – не только гениям! – Ролан улыбнулся с *лёгким зевком.* –

Извини! – и начал объяснять, уже мягко. – Олежа, жизнь здесь очень трудная. Нужно добывать деньги, деньги, деньги! Твои фильмы очень дорогие...

– Неправда! – не выдержав всего этого, заорал я.

– Не кричи! Всё это трудно, так трудно! Добывать, добывать, добывать! Я покупаю, я дарю детям, я делаю десятки проектов!» – и минут сорок он говорил о том, что делает его Фонд для детей.

Я слушал, глядя на него, на его выросший живот и тяжёлое дыхание. Наконец он – с прежней безмятежной улыбкой закурил.

– Тебе нужны деньги? – спросил я с усмешкой, она вышла грустной.

– Ты предлагаешь? – Ролан хохотнул. – Сколько?

– Много.

– Олежа, что за шутки, нет времени! Какие деньги?!

– В Америке вышли два фильма по украденным у меня сценариям. Я

перевёл на английский два сценария и послал их в США одной подруге-профессорше, милейшей и честнейшей русской дуре Тане Костомаровой, чтобы она их пристроила. Она их отдала кому-то на ТВ – и верещала по телефону: «Олег, им очень понравилось! Скоро тебя вызовут и заключат договор». И естественно, эти люди вдруг куда-то исчезли, а через два-три года я увидел два фильма. Пожалуйста! По моему сценарию **«Вера и Слава»**, 1991 год, 1-ая премия на 1-ом (и последнем) конкурсе СССР на лучший коммерческий сценарий – снят фильм «Тельма и Луиза» – совсем нестандартный для США! – был лидером, целый год в горячей десятке. Дальше. **«Продаётся рояль с двойной репетицией»** – был здесь напечатан, – а снят – почти дословно – там! – режиссёром Шлезингером, называется «Госпожа Сюзацка». С этой престарелой еврейкой, любовницей Андрона, как её? Ширли Мак-Лейн! Судись – отдаю половину. Все доказательства и факты налицо! Вот видишь – в Америке меня очень ценят. Судись! Подавай в суд, нанимай юриста, плати пошлину. Миллионов пять баксов отсудишь – минимум. А я слишком брезглив, ты знаешь.

– Олежа!... – сказал Ролан, вздохнув. – Коньячку хочешь?

– А ты?

– И я.

– Тебе ж нельзя?! – в это время Ролан медленно вытянул откуда-то ещё сигарету. – Ты что – с ума сошёл? Ты опять столько куришь?!

И Ролан вдруг взглянул мне в глаза – с такой любовью!

(Тут нужно сделать отступление. Когда-то, ещё до моего отъезда у него случился первый удар, я приезжал, звонил, давал советы, – это было безнадёжно; он просто аккуратно принимал лекарства – сильнейшие! Но когда звонил, то шептал: «Привези сигареты и маленькую коньяку». После моих воплей, которые он спокойно гасил анекдотом, шуткой или прямым подлизыванием. Я привозил – что сделаешь! – и «ложил» под подушку».

Из-под подушки он вынимал по одной, и говорил: «Только не говори Лене»... Я обиженно предупреждал, что всё равно скажу. Я искренне хотел, чтобы Ролан жил дольше. Он всё равно ухитрялся всех обманывать. И играть в этот обман. Он вообще всегда *играл,* он и делал дело – и играл в это всё, и играл в то, что он играет, – это была запутаннейшая очаровательная *южнорусская* школа. Ролан часто шутил – *«Все красивые яркие краски, Олежа, гаснут выше Черновцов!»* Да, я помнил все эти неотложки, скорые помощи, больницы, нитронги, нитросорббиты, слёзы его жены Лены, мои вопли... И вот – пожалуйста! я говорю: «Как?! Ты продолжаешь и пить и курить?» – «Да, – говорит он мне. – А что такого? Я вечный. Мы с тобой ещё партию не доиграли – в биллиард, помнишь? И коньяк не допили – или ты выпил его?

Нет? Молодец! Жди!»

Я покачал головой – и схватился сам за сердце.

И вдруг Ролан с какой-то новой жёсткостью (долго, верно, копилось!) выкрикнул:

– Что сказал Иисус иудеям – *«закон был для рабов, Вы же любИте его, как люблю его я, Сын Божий!»* Понимаешь, Олега? «Какое дело Сыну Бога до *морали!»* – так говорил Ницше!.. Догоняешь? – и Ролан тут же *рассыпал* свой воркующий смешок.

Я глядел ему прямо в глаза. Я видел его – новым. И тихо сказал:

– Рола! Банк ведь нужен – для Пушкина – и Витьки. Русский характер, русская трагедия, русская надежда. Давай снимем «Катера». Потом будет – поздно. Ты сам знаешь. Или дай мне снять **«ВАЛЬС-ФАНТАЗИЯ»** – я ведь написал, как обещал – сыграешь Пушкина, как хочешь!

– Спину? – усмехнулся, опустив голову, Ролан.

– И спину, и Пушкина. И всё, что надо! Ты, Рола, забыл, что ль – с кем разговариваешь?! – я закусил дрожащую губу.

И тут он – с трудом – встал; подошёл; обнял, тяжело дыша, расплылся в улыбке, как раньше:

– Олежа! Не сердись. Ты прав, ты прав, мы всё обсудим, для «Катеров» время ещё есть, – он же должен быть старым бомжом, ты говорил! Но послушай, какие сейчас срочные идеи! Ты должен мне срочно написать сказку!

– Пусть тебе твои бездари пишут сказки! – заорал я. – Хватит меня сказками кормить! Пора – настоящее!

– Олежа! Мои мне нужны для другого, они не могут того, что можешь ты – великую сказку! Ну, Олежа! – и он *улыбнулся,* дьявол!

Что можно было сделать? Я тоже *улыбнулся*. Целый час Ролан вдохновенно *рассказывал* мне сказку. Я её тут же *придумал.* Потом что-то невнятно, но пылко – о войне, о солдатах – я придумал тут же сцену, где строится крест, и на этот крест взбирается много-много детей, потом ещё, ещё!.. Витька всхлипывал в гробу. А Рола вдохновенно фонтанировал. И наконец *вскричал* – «Да, самое главное: сначала напиши мне реквием для фильма – вот там, где дети ходят по кресту! Завтра, самое позднее – послезавтра!

– Какой реквием? По кому?..

– А вот какой хочешь! Реквием, которого ещё никто не писал! Суперавангард – пожалуйста! Завтра принесёшь? Вот тебе миллион, – и он вынул откуда-то деньги. – Это миллион аванса, а как принесёшь – получишь ещё два.

– Но ты же скажешь, что это не так, не про то, я же не понимаю, о чём речь в фильме!..

– Я сам не понимаю, – сказал он. – Но это должен быть современный реквием. Про детей. Олежа, я знаю, ты не можешь написать плохо. Это будет гениально. Что бы ты ни написал, Олежа! – получишь завтра два миллиона. Не меньше десяти страниц. Я сразу дам тебе деньги, – а потом буду читать. Веришь? А потом всё-всё обсудим!

Короче говоря, просидел у него два часа. Договорились так: у нас есть три проекта, Витьку начнём скоро – «Завтра начинаю искать деньги!» – озабоченно и *серьёзно* сказал Ролан, провожая меня. Поцеловались. Он дал мне номер тайного, личного факса. Я ушёл, ослепший от надежд и слёз, чуть не попал под машину.

Я ЖИВУ НА ДОХОДЫ ОТ ШКОЛЬНИЦЫ
НА КОСТРЕ МЕНЯ МАЛО СПАЛИТЬ
РАЗРЕШИ САМОГОНКИ-СВЕКОЛЬНИЦЫ
ИЗ РЕЗИНОВОЙ ГРЕЛКИ НАЛИТЬ

Сергей Чудаков

Дома я сел за компьютер, который привёз из Америки в 89 году. И за ночь написал реквием по классической схеме – *эскиз* плача по ужасной судьбе детей России – вспомнил детство своего брата, и моего племянника, и всех детей-сирот и детей-бомжей, прошлых и нынешних.

Приписал для Ролана записочку – вот она.

«Р о л а !

Пытался переплюнуть литургическихъ авторов – для кино не писавших – дело бесполезное! Сейчас нужно писать по-другому – нужно царапать по стеклу, никаких сладких ямбов. Текст должен взывать к звуковым архетипам, и быть понятен всякому – в секунду. Музыка – типа, может быть, Мессиана, «Квинтет на конец времён», может быть – агрессия панк-рока. Агрессивный панк-реквием – хорошо! Боль – как эстетический посыл! В душе должно быть – «сволочи» – Гнев Божий на вас!..

В общем, современное – и народное, – думаю, до тебя дойдёт, если ты ещё не совсем обанкирился. Целую, верю в твою дерзость и прыжок – время наше! Твой Олег»

Эту записочку вместе с текстом я привёз в Фонд Ролана – и оставил секретаршам.

А теперь внимание – вот фрагменты этого текста – *«РЕКВИЕМ ПО ЕЩЁ НЕ РОДИВШИМСЯ ДЕТЯМ РОССИИ»*

(цитата из «Реквиема» Моцарта – очень громко)

Dies Irae!

Libera me, domine, de morte acterna in die ilia tremenda! Salva me fans pietatis! Recordare Jesu pie!

(телефонные звонки, крики матом, звон колокольчиков)

(с большим глобусом выходит Сатана – его играет Р. А. Б.)

МНЕ, КАК ВСЕГДА, ПОРУЧЕНА ГРЯЗНАЯ РАБОТА –
ЭКСПЕРИМЕНТ ЗДЕСЬ ЗАКОНЧЕН!
У ВАС БЫЛ ШАНС СТАТЬ
ПОДОБЬЕМ ТВОРЦА – ВЫ ПРЕДПОЧЛИ БЫТЬ ПОДОБЬЕМ НАС, БЫВШИХ АНГЕЛОВ, А ТЕПЕРЬ САТАНЯТ!
ТАК!
ВСЕХ ВАС, НЕУДАВШИХСЯ ХОМО-САПИЕНСОВ – В ЧЁРНУЮ ДЫРУ, ПО ПОНЯТИЯМ!
И ЧТОБ – НИ ОКУРКА, НИ СЛЕДА!..

(стройный детский хор – нестройно)

НИ ОКУРКА, НИ СЛЕДА!
ДА-ДА-ДА!
ДА-ДА-НЕТ-ДА!
НЕТУ СЧАСТЬЯ НИКОГДА!
АНГЕЛОВ МЫ НЕ ВИДАЛИ – НО ТАК МНОГО РАЗНОЙ ШВАЛИ!

(хор хулиганов)

ШВАЛЬ! ШВАЛЬ!
ЖАЛЬ! ЖАЛЬ! ЖАЛЬ ВСЕХ ГАЛЬ И ЖАЛЬ
ВСЕХ ВАЛЬ!

(хор малюток)

ИНТЕРЕСНО БЫЛО ПИВО, ИНТЕРЕСНО И В КИНО!
И СОБАК КОРМИТЬ БРОДЯЧИХ
И ПИХАТЬ НОГОЮ МЯЧИК!
И... И... И... УЛЫБАТЬСЯ В ТЕМНОТЕ,

(одинокий голос малютки)

Если кого удачно обворуешь...

(хор детей в «накопителе»)

В ЧЁМ МЫ ПРО – ПРО –
ПРО – ВИНИЛИСЬ?
ВЕДЬ МЫ ТОЛЬКО ЧТО ЯВИЛИСЬ
В ЭТОМ ВЕКЕ, БОЖЕ НАШ?
ЭТО ПРАВДА, ТЫ ЖЕ – НАШ?
А ДЬЯВОЛ – Ч Е Й ?
И КТО ИЗ ВАС – ПОГОРЯ ЧЕЙ?

(одинокий шёпот маленького ребенка – устало, невнятно!)

вот и всё! конец тусовке,
башню нам давно снесли!
дайте кайфу полукровке!

(хор взрослых басом)

ШВАЛЬ! ШВАЛЬ!
ЖАЛЬ! ЖАЛЬ!
ЖАЛЬ ВСЕХ ГАЛЬ И ЖАЛЬ ВСЕХ ВАЛЬ!
КОЛЫБЕЛЬНАЯ В НАКОПИТЕЛЕ

(детский хор с моцартовским оркестром)

БАЮ-БАЮШКИ-БАЮ
СПИМ У ВЕКА НА КРАЮ! – в накопителе!
Я ВАМ ПЕСЕНКУ СПОЮ – никому я не **даю!**
ВОТ Я ВИЖУ СОН! – это телек, гандон!
СОВСЕМ НЕТ МЕНТОВ! – а Серый готов!
НЕТ ЗЛЫХ СУТЕНЁРОВ! – где ты **добрых-то видела?**
НЕТ ВИДАКОВ! И РЕКЕТА НЕТ!
НЕ ЗАСТАВЛЯЮТ НАС ДЕЛАТЬ МИНЕТ! – ой, не смеши! **НЕТУ ЦЫГАН И ПРОПОЙЦЕВ-ПАПАШ!**
МИР – НАШ! ДВОР – НАШ!
ВСЕ ЖИВУТ, ТВОРЯ КРА-СО-ТУ – су – ка – ТЫ! – КАЖДЫЙ НА СВОЁМ РАБОЧЕМ МЕСТЕ

(хор карапузов)

МЫ ВСЕЙ ГУРЬБОЙ – НА ЗВЕЗДЕ ГОЛУБОЙ
У
НАС ТИХИЙ ЧАС!

(все хоры вместе – «тутти»)

ДЬЯВОЛА ТЫ ПРОГОНИ!
НАС СОБОЮ ЗАСЛОНИ,
ГОСПОДИ!
ведь
У
НАС ТИХИЙ ЧАС!

(голос совсем малютки)

ЧЕБУРАШКА, К НАМ ИДИ!
ПОЛЗЁМ К ТЕБЕ, ГОСПОДИ!..

(невнятным шёпотом)

...Если ТЫ е с Т ь , в натуре!...

(хриплый голос подростка-хулигана, зевая)

...на ВОкзаЛЕ в изоЛЯторе
НАс ИЗбили и Оттрахали,
ДАли ТРАвки ПОкурить!
Ж@пу всюНАм РАзОРваЛИ
в ГОрло ВОдку НАЛИвали!
Ладушки – Бл@душки!
Эй, чё там у в а с –
Тихий час?

(хор хулиганов с мяуканьем и свистом)
на мотив Шостаковича
РОДИНА СЛЫШИТ, РОДИНА ЗНАЕТ!
КАК ЕЁ СЫН СВОЮ ЖИЗНЬ ПРОКЛИНАЕТ!
НАС ЛЮБИТЬ НЕ НАУЧИЛИ,
МЫ В РОССИИ С ДЕТСТВА СГНИЛИ!
ЛЮБИМ «БМВ» И ГРИЛИ!

кульминация. (железный марш хулиганов с барабанами и горном!)
УЧИТЬСЯ НИЧЕМУ НЕ ХОЧЕМ!
ВЫРАСТЕМ – ВСЕХ ЗАМОЧИМ!
УЧИТЬСЯ НИЧЕМУ НЕ ХОЧЕМ!
ВЫРАСТЕМ – ВСЕХ ЗАМОЧИМ!

(тихий голос больного ребёночка)
не обидит нас братва!
у воров всегда жратва
– в о !

(хулиганы)
ШВАЛЬ, ШВАЛЬ!
НИЧЕГО Не ЖАЛЬ! НИКОГО не ЖАЛЬ!

(грустный хор малюток с оркестром)
БАЮ-БАЮШКИ-БАЮ!
СОН Я ВИЖУ НА КРАЮ...
РАЙ НА ГОЛУБОЙ ЗВЕЗДЕ!
ТИШИНА-ПОКОЙ ВЕЗДЕ!
ТЫ, ПРОКЛЯТЫЙ КАРАБАС –
УЙДИ С ГЛАЗ!
У НАС –
ТИХИЙ ЧАС!

(совсем голос малютки)
Чебурашка, к нам Иди!..

(и все хоры вместе – в мощнейшей полифонии!)

ГОСПО-ДИ!
ГО-СПО-ДИ!
Г О С ! –
ПОДИ!
СЮДА!
(голос малютки)
СЮДА, ДЕДУШКА БОГ.
ТЫ ЧТО, ВИРТУАЛЬНЫЙ?
ПОЧЕМУ НЕ СТЕРЕЖЁШЬ
НАС?
(грустный хор с оркестром)
У
НАС
ТИХИЙ ЧАС!
(и – железный марш хулиганов с барабаном и горном!)
УЧИТЬСЯ НИЧЕМУ НЕ ХОЧЕМ!
ВЫРАСТЕМ – ВСЕХ ЗАМОЧИМ!
УЧИТЬСЯ НИЧЕМУ НЕ ХОЧЕМ!
ВЫРАСТЕМ – ВСЕХ ЗАМОЧИМ!
(дети – отчаянно! – с оркестром)
ДЬЯВОЛА ТЫ ПРОГОНИ!
НАС СОБОЮ ЗАСЛОНИ, ГОСПОДИ!
(невнятный шёпот малютки)
...Если ТЫ ещё е с Т ь , в натуре!..
(хор невинных)
У
НАС – ТИХИЙ ЧАС!
(и – молитва)
УПОКОЙ, ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ,
ЦАРЬ ВСЕЛЕННОЙ, ПРИЧИНА МИРА И СВЕТА,
РАБА ТВОЯ ГРЕШН – Ы Я И БЕЗГРЕШН – Ы Я!
(голос малютки – седого!)... *и я... и я!, и Я!..*

И прямо в тексте я сделал приписочку –

«Рола! Это, конечно, болванка – но нужно, наконец, переступить всю и всяческую патоку – по сезанновски взорвать эту лохатву – «Шершавым языком плаката»! Текст должен быть агрессивным панком, – если мечтать о воздействии на тех слушателей, которым он предназначен. Это будет – шок, как первое представление «НА ДНЕ»! Представь вой совковый и

народных – но теперь нас не утопишь, как *тогда* твоего Пушкина! Через пять дней после обещанной тобой вполне ничтожной суммы окончательный текст – и музыка! – будут готовы. *Далее – везде!* Твой Олег».

Я НЕ ПОПАЛ
ПОД ДУШНЫЙ ГАЗ БАЛЛОНА
МЕНЯ В ПУТИ НЕ @БНУЛО БРЕВНО
И НАКОНЕЦ-ТО Я ВЕРНУЛСЯ В ЛОНО –
НО Ж@ПОЙ ОКАЗАЛОСЯ ОНО!

не знаю кто

Я очень гордился этим текстом. Я написал его весь – 25 страниц! – за ночь, эти фрагментики здесь – самые *нежные*.

И – ждал звонка Ролана с утра. Но он не позвонил. Весь день я прождал у телефона, открыв сценарий, *придумывая*. Ждал – напрасно. Весь на иголках – *в чём дело?* И следующий день – никакого звонка.

А вдруг?! Что-нибудь с Роланом? А я – упражняю свою гордость! Что ж. Вперёд. Звоню сам. Соединяют. И сразу – недовольный голос Ролана: *«Олежка, ну так нельзя, ты меня обманул, это всё не про то!»*...

Я, – после долгой паузы – тихо: *«Ты что, ох...ел? Это то, что тебе надо! Это – событие!» – «Олежа, нас не поймут! И народ не поймёт! Будь проще – и к тебе люди потянутся!»*

Я в шоке: *«Ролан, ты двадцать лет назад поставил «Такую любовь»! Ты что, сегодня теперь принимаешь только тот модерн? Это – настоящая правда, это будут петь на улицах! Мне – стыдно за тебя!»*

И, весь в поту, я бросил трубку. И зарыдал!

На следующее утро ко мне приехал Конюшев, или кто-то ещё, уж не помню, взял расписку, что я получил миллион рублей – и никаких денег мне не дал!

Я открыл рот и сидел, открыв рот, смотрел в окно. Долго.

«ЭЙ, ТЫ, ЧЕЛОВЕК! –
ТЫ ЧТО ЛЬ ЗВУЧИШЬ ГОРДО?»
И – В МОРДУ! В МОРДУ?
В МОРДУ!

Всю ночь я пил, рыдая. А утром послал Ролану на его тайный факс вот этот текст.

«Ролан! Что ж молчишь, как в подлодке? Всё, да? Ролан Антоныч Быков! – ты тоже Р.А.Б?! А ведь казался таким смелым! Помнишь фразу, которую сказала эта баба про Хемингуэя? «Он выглядит современно, но пахнет музеем». А ты – пахнешь уже *хуже* музея!! Ты – номенкла-ту-рщик?! Не верю! Звонка

жду. Со смешком. Нежного. Весёлого! Ролан! Уже все – Гастев Окуджава Зверев Ерофеев Бродский Чудаков Башлачёв Рихтер Юра Никулин – все умерли, остался ты. И – я! Опомнись! Мы уже *в сенях* – каяться надо, жертвы приносить! Вьезжаем в эпилог – укрась его милостями, на венки плюнь! На шоры – плюнь! Корректность, как презерватив, хороша в политике, для акта рождения Чуда она убийственна. «Простота»! Тьфу! Сколько я внушал тебе мысль Валери, что в искусстве простота не может быть самоцелью? Что по русски – простота хуже воровства?.. Помнишь, как на премьере «Чучела» в Доме Кино ты, прижав руку к груди, *пропел* так напыщенно: «С б ы л о с ь!»

И зал *этот* – заревел!

А я – чуть не рыдал. Я ненавидел людей вокруг себя, – ведь они открыто смеялись над тобой! – и хлопали тебе, – таковы лживые, как и всё здесь, *ритуалы* Дома Кино! Прости, Рола, но ты ошибся – н е сбылось!

«Чучело», Рола, это – ну, *102 дня после детства!* унизительно посредственное по сценарию и старомодное по режиссуре – не *взрослое* кино! Не-худо-жест-венное! Ты – великий а к т ё р ! И можешь немножечко *шить,* да... Но вот фильм! Ты лучше у меня играй – и – подтянешься!

И ещё – ты думаешь, что ты живёшь по Шопенгауэру – *добрый, раз не делаешь зла?* Ты заснул в своей клистирной филантропии! Достоевский был прав – «если кидать камнем в каждую собаку, не дойдёшь до цели»! Но если кормить любую – даже бешеную, чумную – цель изменится! Ну, корми, но зачем с ней ещё и *разговаривать?* Мне нельзя дать постановку! – а бездарному чудовищу, вампиру Бланку с его мерзостями – можно*?* Ролан! – твою в телегу! Ты что ж меня, Моцарта, – за свою *лохатву* держишь?! Чем растопить твоё сердце, проклятый Кай, в твоих покоях с золотым унитазом?! *Соловей-то* всё равно я, а не твои шестёрки! Мизерабль! Вместо того, чтобы меня найти, призвать, умолять – «пиши, что хочешь, ставь, что хочешь, счастлив уготовить тебе место, Олежа!» – ты запустил стадо совков, по твоим сусекам пасутся – а на великий фильм – нет денег?! А я ведь сорок лет питал иллюзии. Все *мои* пожимали плечами, – а я верил, *ждал!* А ты до бабок дорвался – и ошалел от вертушек и факсов? «Пошла душа по рукам – у чёрта будет»! Злой стал, скулами играешь. Это – к аду! Кулишом станешь! А, может, правда? может, ты действительно тогда *увидел* Сытина?! А? Неужели Каплер был прав?! Неужели ты не Быков, а – Коровкин?! Любимец партжён. Душка. В каждой тележ@пе затычка. Таковых прозываем в Италии солнечной – «пикколо дженте»! Всенародно любимый Бармалей – а мог бы сыграть волшебного русского человека с этим несказанным русским сквознячком в душе, с крыльями языческими, с душой

христианской. Не схотел допрыгнуть до себя самого, тайного, вырваться из личины попс-затейника, – унитазы строишь, как постаменты! Так и не дошла до тебя мысль Кастанеды *«воин рассматривает себя уже как мёртвого, поэтому ему нечего терять»*. Дьявол окружил тебя лишним, – и ты боишься его потерять!? Стих Сержа помнишь – *«И жизнь удачная, как Кобзон!»* Разменял ты свой звон. *«Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех»! – тоже* забыл? Шура Балаганов. Стыдоба. Скучно мне без Параджана! Скучно без Васи, без Вовика в вашей кухарской. Я думал, ты тролль – а ты просто пигмейщик. А ну-ка вели своим куроводам, деньги у народа скраденные – с гениями поделить, на кино и вино!.. Прощай, Р.А.Б. внешнего, наш роман позорно для меня затянулся, ты бесплоден, ты губишь красоту – и в себе! Смотри, *Иуда – лишишься чуда!*

твой когда-то единственный

P.S. А Шалик, бывший завхоз твоей души – убит. Мафия. Какой бандит был! – помнишь? Напомнить поездку к Тане Масловой?

И, кстати – пришли деньги, как обещал, иначе не буду считать тебя даже просто честным человеком. В с ё !»

ЧТО НАШИ ПРЕЖНИЕ ГЛАЗА –
КАК МАЛО ОНИ ВИДЕЛИ, –
ДАЖЕ МОИ!

И.А. Бунин. «Окаянные дни»

Вот такой дикий текст. Был пьян и в бешенстве. Из песни слова не выкинешь. По суги – судите сами.

На этом, как я полагал, сорокалетняя дружба как бы закончилась. «Невыносимый» характер в столкновении с *действительностью* взял своё.

А как раз перед этим я выиграл первый (и последний!) конкурс СССР на лучший сценарий коммерческого фильм, проводил «Ленфильм», и по условиям конкурса они должны были запустить. Но, поскольку я по-прежнему, невзирая ни на какие перестройки, считался всеми моими врагами-вредителями из Госкино только сценаристом, то нужно было собрать всякие бумажки – от гарантов-корифеев.

И вот иду я по коридору московского Дома кино, презирая этот проклятый мир кино-подонков, – и нос в нос у поворота сталкиваюсь с Роланом.

Остановились напротив кабинета Гусмана.

Ни-че-го не говоря, молча глядя друг другу в глаза – что-то копилось, мог быть взрыв – или обьятье... но в этот момент выскочил Гусман, схапал Ролана, уволок!..

А я пришёл домой – и, усмехаясь, послал Ролану ещё один коротенький факс – мол, г-н Быков, я понимаю, Вы меня ненавидите, как факс-террориста, но... короче, нужна характеристика совковая – впрочем, как угодно!..

И – вот эта официальная – он же был Секретарём Союза! – бумага с печатью, – отрывки.

«Олег Евгеньевич Осетинский – признанный мастер российского кино... Он часто обращается к историческим личностям, которые являются гордостью нашей культуры, нашего народа. Декабристы, Э.К. Циолковский, М.В. Ломоносов – это вовсе не автобиографические фильмы в старом понимании, это, может быть, одни из самых ярких страниц кинематографической истории русской духовности. Можно сказать, что миллионы телезрителей заново открыли для себя, например, великого русского учёного М. Ломоносова как гения и героя, как фигуру, крайне привлекательную для сегодняшнего дня.

О. Осетинский – типичная судьба серьёзного и принципиального художника в очень сложный период нашего киноискусства. Многое поставлено, но гораздо больше написано и, может быть, не поставлено самое лучшее, самое главное.

...Драматичность его судьбы, вне всякого сомнения, сказалась и на его характере, и на его творчестве, и на отношении к нему. От всех нас зависит, как сложится его судьба теперь.

Секретарь СРК России Ролан БЫКОВ».

Вот такую характеристику он написал мне – после двух моих злобных факсов. (Она, конечно, не помогла, – ничего в проклятом киносовке не получилось).

И, покачав головой и всем остальным, я опять нырнул в страны «капитализма с человеческим лицом», где хочется *жить* каждую секунду – не это ли называется духовностью, когда всё время *жить хочется?* – или это не есть по-русски?

ИГРАЙ, ПОКУДА МАЛЫЙ СПРОС,
НО БОГ ТЕБЯ ИЗБАВИ,
ЧТОБ ДО СЕДЫХ ДОЖИТЬ ВОЛОС
СЛУЖА ПУСТОЙ ЗАБАВЕ!

А. Пушкин

Пожил в Шварцвальде, во Фрайбурге... Съездил в Марбург, к Ломоносову...

В невероятный Камарг, страну Ламорисса...

В самый мой любимый городок зимой – Санта-Мари де ля Мэр...

В городе Арле, будучи Быком по гороскопу, пытался выйти на арену

для боя быков – и в образе Быка был доставлен в местный комиссариат, спасся только пением провансальскмих песенок и поручительством местного поэта, он же бармен с чудесной дочкой...

В фантастическом Фонтен де Воклюзе, где ещё нет, слава Богу, моих соотечественников, так долго обвинял полицейского за то, что он не может показать *точно то место,* где Петрарка впервые увидел Лауру, что!..

Открыл новую для себя, настоящую Венецию и жизнь венецианцев – за Большим Каналом. И каждый день ездил на катере на остров Сан-Микеле на могилы Дягилева, Стравинского, и – Бродского...

Вернулся на родину, в Москву. Как обещал, за год сделал из четырнадцатилетней Кати Леденёвой – жирной, забитой родителями уродины с трясущейся головой, отчисленной из музыкальной школы *за профнепригодность* – красивую муыкальную звёздочку Катю Осетинскую.

Научил её играть 2-ой концерт Шопена так (в Зале Чайковского с оркестром Дударовой), что это стало сенсацией. Новая педаль, новые темпы, адекватная Шопену осмысленность фразировки, сказочное *«Полинино»* туше без призвуков! И – попал из-за Кати в ужасающую историю – защищая её честь и жизнь.

И – в одной рубашке, с десятью рублями и Катей подмышкой – бежал в Санкт-Ленинград. Каждый день ночевали в разных местах. (Помнишь, Катя, улицу Достоевского, двухэтажную кровать? А надо было каждый день заниматься музыкой. Наконец, поселился в легендарном доме на Пушкинской, 10, в огромной пятикомнатной квартире с потолками 6 метров – и с роскошными занавесями и мебелью красного дерева, – Слава Полунин подарил. Но когда он уехал в Америку (а я на один день в Сосново), предавшие его люди однажды ночью вскрыли мою квартиру – и вывезли всю мебель – только маски Славы оставили, – слава Богу!

Петербург-Петроград-Ленинград! Питер! Убийственный и божественный! Я пробовал в нём всё – снимал под фамилией мамы телепередачи «Русская азбука» и «Русский Рембо». Вместе с Танькой-вагонщицей, вдовой великого Олега Григорьева, запрещённого и погубленного Гимнюком-баснописцем, мы пели в подвале на Пушкинской *гимны* Олега, пытавшегося как-то загрызть на той же Пушкинской улице одного мента – «строго по диагонали!», как объяснял мне свидетель – великий Борис Юрьевич Понизовский.

За критику телемузыкальных мерзавцев и воров (в частности, некоей Ирины Таймановой, которая была одним из главных духовных растлителей и палачей Полины!) я был тихо подведён под удивительный приказ по Лен-Тв! – о том, что полнометражные передачи могут делать только люди с Ленинградской пропиской!.. Гнев Божий на Вас, порождения ехидны!

А однажды повезло – нашёл большие деньги на «Мастера и Маргариту». Провёл первую репетицию со Смоктуновским (Христос ит Мастер) – и великим Борисом Понизовским (Пилат и Психиатр Бездомного). Уехал на месяц в Чехию – а когда приехал!.. Понизовский разбился на новой инвалидной коляске – он был без ног, и без ног весил 160 кг. А Иннокентий умер на курорте – сердце. Осталось только видео этой репетиции! Опять – только титры!

В Ленинграде-Питере я сделал Кате славу и хорошие концерты. Нашли спонсоров на поездку на конкурс в Италию – конечно, со мной она бы всё выиграла. Я отправил её в Москву – заниматься по-настоящему на моём рояле – уже было можно. И – психанув за её опоздание к телефону на полчаса – ненавижу, когда опаздывают!!! – *прогнал* её по телефону перед самой поездкой – уже платье шили! Глупо, конечно – она была трудолюбива и безотказна во всём. Я сделал какие-то невнятные попытки её вернуть – но её уже захапали какие-то Фонды, думая, что она может сама, что она – природный талант. Но!.. В Консерваторию её, естественно, приняли – за сделанную мной технику, репертуар, слух. Говорят, она её закончила.

Бедная Катя! Теперь она снова Леденёва и – никаких концертов, никаких конкурсов, – Всё! Веселящий газ мастера кончился в воздушном шарике, и – на землю!

Практически все мои ученицы были совершенно средние или просто бездарные – они суть мои руки, как кино есть мои штаны – но надеть штаны не дают, а голым не пускают в ихний кинорай! А сделать знаменитого пианиста или певца я могу из зайца – есть уже высокая мощная теория «ДУБЛЬ-СТРЕСС», которую я строил 40 лет – она меня переживёт!

ПУСТЬ ОСТЫЛОЙ ЖИЗНИ ЧАШУ
ТЯНЕТ МЕДЛЕННО ДРУГОЙ,
МЫ Ж УТРАТИМ ЮНОСТЬ НАШУ
ВМЕСТЕ С ЖИЗНЬЮ ДОРОГОЙ!

А.С.

И снова я уезжал!

На этот раз обьехал всю Европу на машине. За рулём – мой ученик, замечательный певец и поэт Серёжа Невский. Сколько безумных, волшебных и смешных приключений!

Опять – Фонтен де Воклюз, Марбург, Фрайбург, Любек, Флоренция, Марсель, Ним, Арль.

В Ниме жили у Жанни и её мужа, утончённейшего художника, в удивительном их доме.

Потом – в Париж! – бывшая культурный атташе Франции в России мадам Даниэль Бон кинула ключи в окно нашей машины – и мы прожили в её чудной квартире в Клиши совсем не *т и х и е дни.*

О, эти встречи в Парижске! Вечночудный Хвост-Хвостик-Лёша Хвостенко, обокраденный Б.Г. по-крупному – (говорят, какие-то копейки возместил?) *«Поедем, поедем, пока ешё жив!»* Олежек Цел-ков, Кира Сапгир, Дима Савицкий, безумная и великая Дина Верни!

Алик Гинзбург устроил просмотр моего «самодеятельного» фильма «Веня» – про Веню Ерофеева – на квартире вдовы Вадика Делоне, мы с Ирой Нагишкиной принимали его из тюрьмы когда-то!..

(Документально-игровую поэму **«ВЕНЯ или КАК ПЬЮТ И УМИРАЮТ В РОССИИ»** я снял любительской камерой за неделю как режиссёр и оператор (три лучших куска снял на своей камере гениальный оператор Слава Ефимов!) – и фильм обошёлся спонсору Виктору Карлову всего в 800 долларов. Монтировал я фильм в СПБ, с ученицей Катей на руках, не имея постоянного пристанища, по случайным монтажным из милости – без пульта, без реверса, руками, озвучил сложнейшие куски высокой музыкой – уже по смонтированному материалу – за два часа! – а Вы посмотрИте, г-да режиссёры!

В ТВ-рейтинге газеты «Известия» июля 1994-го фильм, показанный по НТВ, был назван самым заметным событием месяца, а я – персоной. Лев Аннинский снял о фильме и обо мне передачу «Уходящая натура», – и передача, и я сам были тоже отмечены как самые яркие в рейтинге. Этот фильм разорвали на кусочки по всем каналам, крутят как свои).

Фильм «Веня» идёт 1 час 40 минут. Начали в 23.00 по Парижскому времени. Сразу – полная тишина. Конец. Молчание. «А можно ещё раз?» Проходит 1 час 40 минут. Полное молчание. Я встаю – пора. «А можно ещё раз?» И ещё 1 час 40 минут – молча. Со слезами.

Какие мне нужны призы – *после этого?..*

А потом – через Ломоносовский и Пастернаковский Марбург – через чудный Хайдельберг – в родную уже Чехию, в Прагу, на Малостранскую, к «Чёрному буйволу»!

И – на этот нежнейший, волшебный и такой человечный, всегда стоящий в глазах покруче Понто Риальто и Понто Веккьо даже! – вечный Карлов мост...

И – головокружительный прыжок – великий Олжас Сулейменов позвал в Алма-Ату! И там – *«свинья грязь найдёт»!* – влюбился в неудачницу-пианистку, уже бросившую давно инструмент, – без таланта, без рук, без техники, и без здоровья – и снова завёлся!

Год каторжной работы с Никой и её сестрой – и я привёз в Москву **«ТЕАТР ДВУХ ФОРТЕПЬЯНОК ОЛЕГА ОСЕТИНСКОГО»**, мгновен-

но ставший знаменитым. После сенсационных концертов в Большом зале Консерватории в Москве и Большом Зале Филармонии в СПБ – дуэт был принят со мной как худруком в солисты Московской филармонии – единственный! Обьехали Россию – и поехали на Всемирный конкурс фортепианных дуэтов в Чехию, в город П о л и ч к у!

Всех слушателей в зале и многих членов жюри потряс концерт Бартока в мощной, оригинальной – и понятной всем – трактовке-фразировке. После первых двух туров мы шли первыми, все слушатели, телевизионщики и журналисты предсказывали нам победу! **Но** из-за чудовищной неуравновешенности Светы, сестры моей жены, вечерняя репетиция перед третьим туром была сорвана, трактовка Баха не отшлифована, мы все не выспались... И на следующее утро, после гениального, с «подвздохами» исполнения вариаций Шумана, Света сорвалась на простейшем куске в Бахе – и этим сумели воспользваться некоторые пуристы из жюри, болеющие за своих – японка и старая ненавистница-француженка, – и прощай, 1-ая премия! Впрочем, после исполнения сонаты Моцарта на приёме в бельгийском посольстве, наследный принц Монако пригласил в Монте-Карло именно мой дуэт! – но это уже другая история.

Теперь я часто приезжаю и живу в Поличке – какая трагическая рифма судьбы! – потерять Полину! – и найти Поличку – и жить там рядом с тихим кладбищем.

Любимую когда-то дочь-ангела эти дельцы, дураки и просто мерзавцы растлили, сделали моральным уродом – но есть чистый и светлый городок, самый любимый на земле, кроме Михайловского, моё утешение – ***«мам добже Поличка»***!

БРАТАЙТЕСЯ, К ВЗАИМНОЙ ОБОРОНЕ
НИЧТОЖНОСТЕЙ СВОИХ ВЫ СУЖДЕНЫ
НО ДАР ПРЯМОЙ НЕ БРАТ У ВАС В ПРИТОНЕ
БЕЗДАРНЫЕ ПИСЦЫ-ХЛОПОТУНЫ!

Евгений Баратынский

Я пытался найти деньги на фильм «Чудное Мгновенье» – но для меня и «Чудного Мгновенья» денег не нашлось. Кому угодно нашлось, всякой швали. Не могу об этом писать – стыдно говорить! Вот текст интервью со мной в чешской русскоязычной газете.

«Кто только не боролся за этот фильм! Искали деньги Говорухин, Немцов, министр культуры Дементьева. Но, увы! Осетинский отнюдь не обладает ангельским терпением, не умеет умолять, он – требует, а на таких в России воду возят. И всё-таки Госкино – усилиями А. Голутвы – какие-то деньги выделило, но тут, как утверждает Осетинский, опять одна дама,

невзлюбив гордого автора, тихо похоронила сценарий через сметы, бумажки, а потом опять спровоцировали беднягу на скандал – и всё!..

И тогда директор к/с «Ленфильм» Виктор Сергеев, человек совсем несентиментальный, решился на отчаянный шаг – обратился к мэру Москвы, который тогда щедро отстеёгивал баксы на всякие дикие проекты – памятники Церетели, «Сто фильмов о Москве», «Сибирский дом»...

В официальном письме Лужкову Сергеев писал – **«Чудное Мгновенье» – сейчас единственный сценарий мирового уровня к юбилею, лучшее из того, что предлагало нам Госкино**. Вы – мэр Москвы – помогите СПБ, помогите «Ленфильму!»

Польщённый Лужков перед выборами твёрдо пообещал помочь. И дал указание – найти деньги! Осетинского вызвали в Комитет по Культуре, неприязненно объяснили, какую трудную задачу поставил перед ними Юрий Михайлович. Время шло, денег не слали, в Комитете шла тёмная возня. Отчаявшаяся группа слала Лужкову телеграммы. Юрий Михайлович заверял – будут деньги, деньги-то смешные! («Мне не надо 50 миллионов долларов, чтобы сделать великий фильм – я *художник,* мне хватит и одного!» – усмехается Осетинский).

Кончилось же всё традиционно по-русски.

– Тёртые мэрские ребята из Комитета по культуре всё обмозговали, к Лужкову нас больше не допустили, – и порешили Пушкина нашего, доложив Лужкову честь по чести – мол, денежек-то нет, они были задействованы нужным людям ещё раньше. И пришло от мэра конфузное письмецо – сожалею, мол, но трудности нынче, денег для Вашего Пушкина нет, есть только на «чисто московские проекты»!.. Смеётесь?.. – Олег Осетинский грустит. – Стыдно за киноначальников, за мэра, за всех нас! Стыдно жить, зная, что судьба сценария, вызывающего восторг тысяч людей, опять зависит от мнения одной дамы из Госкино. Больно, миряне! И вот – есть у меня одна идея! Какая? А давайте... – пошлём их всех – .на!..

Соберём бабки – без воров-чиновников!

За 1-2 миллиона я Вам сниму замечательное кино – про нежных, трепетных людей, про любовь, музыку и волшебную грусть, в нём будет веять «ветер счастья» – и много *того,* чудного веселья. *«Чудное Мгновенье»* – поверх барьеров! Банкиры и прочие бандиты – помогите снять наш замечательный фильм, – многие грехи спишутся. А мы – имена жертвователей, всех до единого, напечатаем к премьере в книжечке с золотым тиснением. Вот будет – память! Ну, у кого в душе завалялось светлое, чудное – хоть рубль? Так памятник Пушкину построили – так и фильм снимем! Плевать на этих дам – не дам!» – Осетинский не то плачет, не то смеётся

Вот такое, значится, интервью. Интересно мне, чем ответит народ на этот вопль отчаявшегося художника. Я – сомневаюсь. Но за державу русскую – обидно.

20 миллионов на постыдного Церетели – есть.

50 миллионов на лубочного «Цирюльника» – есть.

А на действительно «Чудное Мгновенье» великого киношника – нет ни копейки! Почему? Русский вопрос!»

Я много таких интервью дал. Как вы понимаете – бестолку. И так хотелось кого-то – *вот это самое!*.. Где угодно, хоть в сортире... А – вам?

И опять я брёл по Москве, городу омерзительных контрастов, городу бандитов-миллионеров и нищих гениев, фальшивого блеска фальшивого храма на-Бассейне, шикарнейших домов нового русского «башенного» модерна на крови в самых чудных районах старой Москвы – просто так там уже не погуляешь – прогоняют!..

У входа в Александровский сад наткнулся на книжный лоток. Увидел знакомое фальшивое лицо из прошлого на обложке. Ба! «Андрон Кончаловский. «Низкие истины». Господи, он и писателем стал. Басни? Гимны? А как же знаки препинания? Заплатил. Прошёл в Александровский сад. Сел на лавочку. Пролистал. Господи! – в уныло-фанфаронской брошюре «Низкие истины» – ни слова правды! Правда, один раз Андрон оказался близок к высокой истине – назвав мой характер с таким странным лаконизмом – «невыносимым».

Что верно, то верно! Действительно, меня из искусства – в отличие от тебя, Андрюша, – «вынести» нельзя! «Искусство, это мои штаны», – спасибо, Вас. Васильич!

Да, известности среди населения, которое смотрит наше ТВ, у меня меньше, чем у тебя, Андрюша! Кстати, ты чудесно выглядишь на экране как символ отсутствия холистерина, – и многого другого.

Но вот славы... настоящей славы... – **славы изо-бретателя, а не приобретателя**... славы по гамбургски! Ты ведь всё понял, Андрюша?!

(Вся симфония печальной истории нашей дружбы и раз-влечений – в книге «Бедный Андрон», она уже вышла по-английски. А здесь – эскизно. Вернёмся к тем годам... И к этому удивительному *лаконизму*. Понимаю тебя: это трудно, – выносить приятеля, который так явно талантливей тебя (к тому ж сочиняет стихи, в которые влюбляется твоя первая, действительно чудесная жена Ира, из бедных балерин... и которая тебя, сына Михалкова – вдруг так бессмысленно бросает!..)

Ну, давай, Андрюша, быстренько пробежимся по фактам! – кто сочинил сценарий «Антарктида, страна чудес»? Ты ведь там всё-таки придумал одну строчку, верно? – название консервов (ты, сын автора знаменитой басни

«А сало русское едят»! – естественно, был знаток только иностранных консервов! – «Ананасы в соку»! – крикнул ты на улице Воровского, в 1961 году, ошалев от счастья участия в процессе – правда? Ты ведь разумный, ты не будешь спорить с моей памятью? А кто, выглянув в форточку, за минуту однажды придумал сценарий ***«Каток и скрипка»***? Помнишь своё оправдание: *«У тебя он не любит скрипку, а у нас любит»!* Помнишь, как ты покраснел – *«не с ж@пы»!* – и прикрыл сценарий, умоляюще глядя на меня, когда вдруг вошёл ничего не знающий тогда Тарковский?.. А кто тебе рассказал мою собственную историю страшного зимнего побега на поезде из зоны – т. е., твой *«Поезд-беглец?»* Почему не платишь, Андрюша, за идею – это ведь для тебя небольшие деньги?! Если в суд подать – доказательства все есть, и свидетели ещё живы! – будет дороже! Да *не боись* – не подам! – нам недосуг, мы заняты исполнением д о л г а . А кто придумал главное в «Рублёве» – характер? Ты ведь знаешь, как я на премьере фильма в Доме Кино, сев на кресло и загородив выход на парадную лестницу, крикнул Тарковскому – «Эх, вы, ..., даже украсть как следует не умеете!» Далее! – кто придумал фильм про «Дворянское гнездо»? Часами говорил с тобой про Лемма... Ты его выкинул – твоё дело! Но идея, рыхление фунта, зарождение, первый оргазм воображения? Это всё – большие деньги! И *ваще* – кто снабдил тебя, – как бы выразиться поделикатней – фразами, мыслями, *приметами* как бы мышления и образованности не общей?

Я получаю большое удовольствие, случайно натыкаясь на твои интервью или видя тебя по ТВ. Ты до сих пор часто говоришь моими фразами, чаще всего втыкая их не туда, но с очень творческим выражением лица... Да, кстати, а с кого я получал деньги в ВААПе, когда вы с Тарковским пытались *присвоить* мой сценарий как бы законно – не вышло, благодаря честности М.Ю. Блеймана, эксперта, и других?!

А помнишь, что ты мне сказал по телефону из Киргизии в ответ на моё наивное – *«Андрей, тебе не страшно, что люди всё узнают?»* Напомнить? Пожалуйста! Вот твой действительно замечательный ответ в духе твоих самых низких истин: *«Олег, какие люди? Я в Киргизии, а здесь – степь, одни бараны. Понимаешь? Барашки вокруг, отары! А когда я вернусь в Москву, через год – всё уже забудется!»*

Ну – как моя память, Андрюша? Я помню и твой любимый ответ на мой любимый упрёк – *«Хоть бы покраснел, Андрей!»* – напомнить? – ты всегда весело, с хамским гоготом, ржал: *«Олег! Я краснею с ж...ы!»* Как выяснилось, не всегда – и это вселяет...

Да, «Пустота вероятней и хуже ада!», – как верно заметил Иосиф. Понимаешь, Андрюша! – в отличие от тебя я могу, во-первых, послушать

нечто уникальное в музыке, что сделал я (пусть руками Полины!).

И могу включить удивительные кинообразы, рождённые мощью моего Воображения, пусть и не снятые – плевать!..

Изобретать! – вот смысл.

А Вас всех, приобретателей, – время *разбессмертит!*

В сущности, я должен был получить какую-нибудь Нобелевскую премию за высшие достижения в музыкальной науке. Дадут после смерти. Я точно знаю. Если б я был такой деловой, как ты, Андрюша, я б её получил ещё при жизни – правда, в этом случае мне не за что было бы её получать!

Да, некогда нам *приобретать,* обустраивать быт или имидж для себя, – мало! Я удовлетворён тем, что внёс несколько откровений в ноосферу – для всех, а не только для себя.

Мой бедный Андрон!.. А ведь – дружили, умирали от Греко и Пьяф, искренне воодушевлялись, клялись! – и какие были скромные мечты – чтоб сценарий получил премию на конкурсе в Минске! «Получим...» – презрительно ухмылялся я, и ты наливал ещё... я прилежно сидел за машинкой, сочиняя со страшной скоростью и стуком, и читал сразу вслух, – а ты? ну вспомни! ты очень забавно изображал восхищение – как бы испуганно откинувшись в кресле, гротескно отвесив нижнюю челюсть (будто желая пропеть *«@бтть!»).* И, скрестив руки на животе, ты быстро-быстро крутил большими пальцами – помнишь? Ты сам любил про это вспоминать, иногда мне удавалось подбросить тебя до моего огненного простодушия... помнишь рюмку коньяка в старом «Национале»? А дальше... У тебя были, конечно, причины ненавидеть меня. Я невинно и невольно сделал тебе больно... но ведь невольно! это как гроза, ты знаешь...

(Да, я навсегда потерял двух режиссёров из-за двух волшебных моментов – в Москве и Суздале!

И в итоге мы – все трое – расстались врагами, – как это печально! как у Пьяцоллы на бандонеоне! Помнишь, как ты один раз в ВТО пытался по пьянке снова соединить нас троих... – кончилось безобразной дракой с ножами и вилками!..

И вот, прошло каких-то 40 лет... Ты заработал много денег. (Кстати, расскажи, почему же ты из Америки всё-таки уехал, и как называется тот твой фильм, который был признан **«худшим фильмом года» в США**?) Ты про это не написал в книжке!

А что ты написал про меня – это диагноз! Твой. Мне всё равно, поверь! Раньше я всех и вся возносил «на аршин от земли» – а теперь я энтомолог, ноль эмоций, глядя в микроскоп.

И вот, пожалуй, только один безобидный вопрос.

Скажи вот по старой дружбе, Андрюша, ответь честно... – вот когда тебе... – по пьянке и с честным выражением лица... говорят, что ты гений и секс-идол... – ты веришь? А?.. Не отвечай!.. Мы оба знаем ответ...

Ты правильно ушёл из музыки, – потому что даже чудовищные возможности папы не помогли бы в концертном зале, где будут сидеть всё время разные слушатели, – всех купить всё-таки трудно! – пожалуй, даже невозможно было и всемогущему баснописцу.

И ты подумал – а что, ежели в к и н о ? В то советское время достаточно было папиного звонка! – плюс приличный сценарий, хороший оператор, самая лучшая группа, талантливый монтажёр, немножко понта... – и ты в дамках! Остальное сделает папа!

Но ведь в подлинную славу, подлинное искусство и подлинную красоту по звонку не вьедешь, – ты уже слышал об этом? Ведь тут даже тяжеёлый труд как бы профессионала – ничего не значит!

Л а й ц з а в эту нишу высокой сублимации, пропуск в Искусство, ради которого только и стоит жить – труд поэта-пророка, а не токаря, труд жертвенный, сжигающий – «Et tout le reste est litterature!» – ты ведь понял?

Только за эти лёгкие молнии слёз, за эти ночи Кабирии, за боль «на самом дне», за озон взгляда – а не за угар «профессионализма» – любят в веках, прости за пышность.

(И просто любят – и, в частности, женщины! – тоже з а это! Только за это, мой бедный! – разумеется, *женщины,* а не просто мытые особи женского полу).

Это обьяснил ещё Дега – способ видения должен пониматься широко и включать в себя – способ Бытия! И если Бог не дал Бытия, специфической боли, чуткости и умения любить? – зачем пыжиться, тщиться, обманывать самого себя? Ведь не твоя вина – это Бог распорядился. Это – просто беда. Впрочем, никому не заказано, – и шофёру, и слесарю, и метрдотелю – и никогда не поздно «привлечь к себе любовь пространства, услышать будущего зов!» Обратиться к Творцу, к смыслу. Буду счастлив за тебя, если случится. Это ведь станет заметно сразу – по глазам – и даже с самого маленького экрана ТВ прольётся свет!

«Станьте солнцем – Вас все заметят»! – советовал Достоевский.

Не за фамилию, а за – не пустые гла-за!

Попробуй? Огнём по огню – как мы! Никогда не поздно. И не обязательно же снимать кино, занимать чужие места Поэтов и Творцов. Есть масса других полезных профессий, не требующих *вдохновенья*...

Ну, а конкретные, бытовые причины мгновенной карьеры сына Михалкова – а потом и второго – скучно до зевоты. Была формула: «Кино –

важнейшее из искусств». Денег бюджетных для сыновей генерала всей литературы – хоть залейся! Один тихий звоночек баснописца на «Мосфильм» или *просто* выше – и все вытягивались в струнку, @бё ныть! (Читайте про карьеру основателя рода Михалковых, баснописца и гимнюка С. Михалкова – у Катаева в «Святом колодце» – это чекан Микельанджело!)

Конечно, время всё расставит по местам – вот умер невероятно знаменитый и всемогущий при жизни Юлиан Семёнов, зять Михалкова – и всё разъяснилось!..

Справедливости ради надо сказать, что у обоих сыновей баснописца есть действительно один большой талант – дьявольский нюх на талантливых людей!

Андрон взял у меня так много – на жизнь хватило!

А Никита нашёл себе талантливейшего Адабашьяна. Посмотрите фильмы Никиты при Адабашьяне, и – без Адабашьяна. Ни трепета, ни откровения, ни лиризма, ничего, бессмыслица, эмоциональная пустота... Как писала «Либерасьон» про «Утомлённых» – ***«парадный русский борщ, сваренный позавчера, и к тому же плохо разогретый»*** – я неточно перевёл?.. И эту фильму в присутствии, как минимум, дюжины более оригинальных и глубоких лент – (скажем, гениальная «Окраина» П. Луцика!), пусть не таких богатых – (как тягаться с этим кланом?!) – наши независимые критики назвали лучшей?! Ну, а как получаются зарубежные «Оскары» – всем известно! Там сложные игры устроителей, деловые обмены, очень тёмные игры, высокий полёт, – лет через 30 рассекретят!

Словом, братья устроились замечательно! Семья всегда исповедовала вечные ценности – раньше партийные, теперь тоже *вечные* – тут братья на всякий случай разделились – один за вечные западные, другой – за вечные державные.

«У меня в душе Жар-Птица, И тоска по Государю, Дайте мне перекреститься, А не то – в лицо ударю, Хуже порчи и лишая Мыслей западных зараза, Пой, гармошка, заглушая Саксофон – исчадье джаза»...

Потом у семьи, несомненно, будут другие ценности, – но тоже вечные, вечновыгодные для карьеры. Но Гимн будет всегда Один. Он создан папой для них, только для них. «Славься, Отечество наше свободное»... Да, для них – и для их нукеров – абсолютно свободное. Как там у Бродского: «Входит Лев Толстой в пижаме, Всюду – Ясная Поляна!»

(Свожу счёты? – нет, срываю маски! Раз к слову пришлось, так уж лучше зайти в это «дэд энд», страшненький михалковский тупичок с бассейнами и кортами – расставить точки над «и» – а то забуду!..

Разъясняю – для будущих моих биографов (тобой, Андрюша, вряд ли кто заинтересуется в будущем – разве что как курьёзным примером всемо-

ществa партийной и денежной мафии ...в век новых технологий). Однажды я прочёл в Алма-Ате один сценарий, написанный тобой самостоятельно – для казахов, про войну! Боже! Это – апофигей! Бедный Андрон. Хочется пальцами шевелить, а приходится изображать из себя демиурга. Жуть какая! Так же язву нажить можно!

Ты приобретатель, я – изобретатель.Меня ещё будут лет тридцать изучать и догонять и как музыканта, побившего все рекорды выразительности и техники руками своих учеников, как автора «дубль-стресса», великой педагогической системы музыкального образования в 21 веке, как автора новейшей актёрской «системы подкладок», как великого сценариста, чьи сценарии и сцены из сценариев «Катера», «Взлёт», «Дьявол в России», «Вальс-фантазии», «Я стреляю по Москве» – «на уровне Библии, Достоевского, Шекспира» – не мной сказано!

А когда поколение моих ненавистников вымрет – то новое племя кинодраматургов прочтёт мою великую пластическую кинодраматургию, не имеющую аналогов в мире подлинно художественного кино – и с удивлением обнаружат, что один человек опередил их на тридцать лет.

Так заново открывали – и понимали! – через 50 лет первого великого русского кинодраматурга Ржешевского, опошленного Пудовиными и прочими Кулишами)

Но не будем завидовать *браткам!* – это не есть позитивно, их надо жалеть и за них молиться!

А суть!.. Андрюша, неужели ты думаешь, что людям непонятна суть твоей книги, названной с таким циничным как бы вызовом? А ведь эту болезнь давно описал фельдшер Фрейд, и это твой случай... Да, всю последующую жизнь ты посвятил тому, чтобы к о е -кому доказать, как тебе наплевать, что тебя бросила первая жена, и что тебя будут любить другие! Ха-ха. Меня ты не убедил. Не спорю, на малолетнюю казашку из глухой провинции, или на страшненькую французскую еврейку, и, наконец, на давно отцветшую актрису, пожилую американскую еврейку – ты, такой молодой и *знаменитый русский режиссёр* – мог произвести впечатление! К тому же они так многого от тебя ждали! (ну, и конечно, все другие женщины, зависимые от кинофеодала с неограниченными возможностями). Ответь же – не мне! – хотя бы себе! – и внимательно при этом смотри на себя в зеркало... ответь, Андрей, не обижайся – как по-твоему, – хоть одна женщина тебя л ю б и л а ?! Не по нужде – и не по пьяни – а просто? Хоть одна восхищалась тобой – как личностью – и как мужчиной?.. Не актёрски? Ну?! Мой бедный друг! Мы оба знаем ответ...

Теперь ты в каждом телеящике затычка, торжественно извергаешь

прописные истины, – даже «Одиссею» превративший в школьную чушь! – а её ведь нужно было *разгадывать!* – позвонил бы, предложил *бутылку* – глядишь, и «Оскара» бы схватил!

А недавно ты с экрана (прости, включил случайно имитирующий благодушие и обьективность «ВИД»!), как бы в маске искушённого Вольтера, уставшего от собственной значительности, проникновенно и суховато (очень старомодная режиссура!) поведал трепещущим пенсионеркам, что «щастья-то в жизни нету!» И, ты знаешь, это прозвучало искренне. И, если ты искренне – то я тебе возражаю!

«Праведник всегда ликует»! – сказано.

Счастье есть, Андрюша! – *как состояние чистой души,* уверяю тебя, только оно не даётся эгоцентрикам и эгоистам, не умеющим краснеть и жертвовать во имя чего-то большего – но ты ведь краснеешь с ж...ы, мы все уже знаем, и про холестерин тоже. Мой бедный Андрон, донашивай фамильный паспорт, дожёвывай достатки, недостатков у богатых нету, есть сытое теннисное счастье. Ты так и не понял, для чего вся эта Одиссея!

Никто никогда не будет смотреть твоих богатых советских фильмов про таких приземлённых Богов, никто не будет читать твоих шикарных, с претензией на высокий цинизм как бы постмодерна, брошюр – хоть записано, вполне вдохновенно – кто *записывал? Я* ж говорю – у тебя, как и у брата, потрясающий нюх на талантливых людей. «Невыносимые» вас внесли в искусство – без них Вас из него вынесут – или *уже?..* И КГБ не поможет, и ФСБ, и даже Путин, которого Вы так норовите охмурить – сомневаюсь, он, думаю, *просекает!* Впрочем, клану не привыкать охмурять бедную Родину.

И, проглядев эту уныло-хвастливую брошюру несчастного богача, держа её, как гнилую рыбу, за хвост, я прошёл к урне возле Боровицких ворот Кремля – и сунул её в урну.

И, с облечением вздохнув, огляделся.

В СЛОЖНОМ ЩЕБЕТЕ МАРТОВСКИХ ПТАХ
БРОДИТ СМЕРТЬ КАК ПОСЛЕДНЯЯ ЛАЖА
БУДЕТ СЪЁМКА ОБРАТНАЯ ПРАХ
АНТИСНЕГ КРЕМАТОРСКАЯ САЖА

Серж Чудаков

Был апрель 1998 года. 40 лет прошло с момента моей встречи с Роланом.

Зеленели деревья, уже проклёвывалась лиловая сирень в Александровском саду Толпа туристов вынесла меня на Соборную площадь. Цари здесь жили, не выходя с площади. В Успенском их крестили, в

Архангельском хоронили – или наоборот? Сюда меня привёл когда-то Илья Глазунов. Вот в нём была тогда – да и сейчас! – *подлинность*. Надо бы к Илюше заглянуть – если жив…

И – вдруг я оцепенел! А почему ты не идёшь – к Ролану? Ведь ты его – обидел! Сколько раз он тебя спасал. *Он загубил мне жизнь!* **Что за Чушь! Не видишь разницы? Ролан – это не Андрон пустодушный, который меня элементарно предал и обокрал – впрочем, слова** ***«предал»*** **нет в его лексиконе.** *А Ролан? он сломал мою жизнь!* **Да, – но по неведению. Нет вины – есть беда наша общая. Русский Рок. Без гнева и укора. Ты должен прощать и любить его. И всё.** *Нет, не могу.* **Попробуй!** *Нет, не могу!..*

Так продолжалось очень долго. Очень долго. Но однажды, вздохнув, я обратился к своей покойной маме – вспомнил её таинственные задушевные беседы с Роланом, вспомнил, как она любила его, как он с ней был восхищённо-добр – и решился. Встретившись случайно с его ближайшим соратником Колей Конюшевым, я сказал: «Передай Ролану, что я его люблю, и готов извиниться – если он хочет». Коля обрадовался – «Ну так не тяни, приди, приди! А то он скоро в больницу ляжет!»

Но – проклятое самолюбие! – я медлил. И, совершенно случайно попав на юбилей великого Юры Никулина (незадолго до этого я снимал его для своей Питерской ТВ-передачи «Русский Рембо»), – я с удивлением слушал бестрасстное пение Ролана, леденящую эту «песню» с жутко страшными словами!

А в мае пошёл я на тот самый «исторический сьезд» киношников в Кремле – с сотнями откуда-то взявшихся «гостей» кавказской национальности, которые дико хлопали Никите – и *захлопывали* всех, кто осмеливался не соглашаться с *барином*. Протестующим слова не давали, а когда я Никите прислал записку – кто может его деятельность финансовую проверять, контролировать? – он разыграл сцену из Жириновского: вращая белками, истерически кричал – «Взгляните в эти глаза! Меня проверять? какая проверка? какой контроль! Я согласился вас спасать, я вам одолжение делаю, что пришёл и возглавил вас!»

В любой цивилизованной стране после такой сцены люди молча встают – и в гробовой тишине удаляются из зала с выражением ледяной гадливости на лице.

Но наши крепостные *рабы-не-мы* агрессивно-послушно сияли, согласные на порку – лишь лишь бы накормил. (Ну, как, – довольны?)

И лишь Ролан осмелился не согласиться с Михалковым всея Руси – и

е г о они не рискнули захлопать. Я был страшно горд за Ролана, удивлял меня только его бесстрастный тон – я ещё не п о н я л ...

И однажды, опять гуляя под стенами Кремля, я решился. И уже радостно собрался позвонить, узнать, где он, – и вдруг омезительно отчётливо услышал из транзистора: «Сегодня скончался…» – меня шарахнуло, как молнией! – и как дико я закричал!

И!.. – замолчал, заткнулся, больно прижав кулак к губам.

И только тогда понял разгадку *бестрасстного* тона. Ролан – прощался. Ролан – болел! А я – бросил его. Не попрощался. Гордый. Гордый. Гордый!

С горящим от стыда лицом я молча стоял в Александровском саду, куда мама возила меня с пяти лет, с войны Великой Отечественной, и где я помнил каждый куст, каждое дерево…

Стоял, замерев...

И вдруг – за одним из кустов! – *мелькнуло* лицо Каплера, жующего кофейные зёрна!.. потом – твёрдый подбородок Геночки Шпаликова! – и они деловито исчезли под зубчатой стеной. Я всмотрелся. И опять в кустах мелькнула тень – это качал головой озабоченный Ржешевский… Провизжали своё «хи-хи-ха-ха» нежно-весёлые Инна и Марина… Высокомерно усмехнулась Рома! И, лукаво просияв ослепительной улыбкой, на миг вдруг вырвался из кустов совсем юный *Витька*... – Р о л а н !

И я прыгнул в кусты, как тигр, рванул, раздвинул ветки руками!.. – там никого не было, конечно! И тут до меня – *дошло*... Я, наконец, всё понял. И стал совершенно *бесстрастен,* – ни слезинки.

Я быстро дошёл до метро.

Доехал до Цветного бульвара.

Дошёл до дома.

Вытащил старый чемодан, нашёл белые брюки Гены Шпаликова. Надел их – с трудом. Но влез. И потом, в самом низу старого холодильника *отыскал* бутылку с тем трёхзвёздочным армянским коньяком, недопитым сорок лет назад – он несколько *усох,* стал какого-то странного цвета, но грамм 150 там осталось.Я быстро налил стакан, и, следя за своими жестами, – чтоб не допустить никаких там патетик и сентиментов, – быстро, *бесстрастно* выпил неприятно холодный коньяк странного вкуса. Коньяк *еб@нул* в голову, но не опьянил.

Пошатнувшись, я вышел в коридор. Зажёг свет. Всмотрелся в зеркало.

«Как долго можно смотреться в зеркало!» – фраза из нашего любимого сценария «Катера, или Витька-дурак».

Да, Каплер оказался прав – волосы у меня были седые.

Но в белых брюках Гены я смотрелся ещё неплохо. Подмигнул себе, как

молодой Витька. Пришла мысль о закуске, о колбасе, – но я отмёл, отказал ей.

Подошёл к столу, увидел «Реквием», из-за которого... Закрыл. И всегда открытый сценарий с пометками Ролана – закрыл тоже...

...Есть такая сцена в сценарии – Витька-дурак рискует жизнью, трусит, но – держит форс русский, смертельный!

На бешеном ходу поезда он идёт по бортику платформы, не держась руками – (как я когда-то на трамвайной подножке!) – и спрыгнув, мокрый как мышь, просияв, подмигивает в камеру – *«Делов-то!»*... И потом смотрит на себя в зеркало – долго-долго, невозможно долго, как учил друг моего отца, великий русский кинорежиссёр Довженко! – а потом вдруг начинает выбрасывать свои вещи из Катера – освобождаться! Не вербально!

Эту сцену сыграть мог бы только Ролан!.. – но, чтоб её сыграть, он должен был рискнуть – освободиться сам, как Витька!

«Чтобы сделать что-то, надо сначала стать кем-то», – писал Гёте, но это ведь спорно, подумал я, ведь человек часто становится тем, что он делает. Вот возьмите опять же братьев М…ых! – ведь полная пустота была, но воленс-неволенс приходится играть в значительность, в «идола», – и научились же произносить какие-то связные фразы, *производить впечатление*...

На этой мысли я стал быстро *косеть,* чему обрадовался. При быстром выходе из подъезда задел свежепокрашенную дверь, чуть не испачкал брюки суворовца-жаворонка. Как это у Кушнера? «*Пойдём же по самому краю... пойдём же по Аду и Раю, Где нет между ними черты...»*

Мне удалось войти в метро, и доехать до «Тургеневской». И довольно быстро дойти. Я шёл, невзрачно так улыбаясь, и чего-то ждал. То ли гимна, то ли марша, то ли просто команды. И – дошёл-таки до Чистых прудов, – и узрел я большую надпись – «Фонд Ролана Быкова».

И понял всё окончательно. Купил в баре четыре бутылки «Балтики-3», вернулся на бульвар. Сел верхом на скамью с ногами, как молодые ребята рядом. Остался пустячок – открыть бутылки, – и ребята помогли, хорошие ребята, русские…

И тут легко так и тихо зашелестел наконец мелкий московский дождик со вздохом и с поцелуйным захлёбом луж мысли мои стали радостно освобождаться и чистейшее из воодушевлений пришло ко мне как и дождь – без знаков препинанья

ПУСТЬ ОСТЫЛОЙ ЖИЗНИ ЧАШУ
ТЯНЕТ МЕДЛЕННО ДРУГОЙ
МЫ Ж УТРАТИМ ЮНОСТЬ НАШУ
ВМЕСТЕ С ЖИЗНЬЮ ДОРОГОЙ

А. С.

...На Чистых Прудах спиной к «Фонду Ролана Быкова» напротив театра как бы Современник три реальных современника залезли на скамейку с ногами счастливые лица пьют пиво как ни странно «Жигулёвское» растут ряды пивных патриотов я отхлебну из горла можно? да ты уж тих не возразишь ну что ж прощай мой Айболит ты заказал мне «Реквием» для фильма оказалось он по тебе… да я опоздал мириться но ты ведь теперь лежишь ногами на восток подождёшь меня ха ха русский пацан с чубом хохмач парубок и жидяра кто я такой чтобы судить и всё-таки и всё ты мог быть светоносцем а не просто из двух зол выбирают большее иначе нам удачи не видать светлый тролль и друг детей ты остался партизаном как твой отец втайне благодаря большевиков за удачную нишу зачем ты сел в новый партийный танк с валютными крыльями если цель путешествия утеряна силы пропадают говорил умный Гюго ладно всё хорошо серьёзный и деликатный дождь идёт на Чистых прудах да я нашёл место чтоб уронить слезу о друге здравствуй русское портвейное небо разберёмся это ведь история про трёх тех французов вот наш с Сержем двойник безцумный Франсуа хрипит «отчаяние мне веру придаёт» вот Жан Кокто бросает Азнавуру «вы сделали отчаяние своим вдохновением» вот Азнавур усмехается «счастливцам нечего сказать!» нет ли здесь Рола проклятой сермяги чистые пруды проливной захлестал влага везде где же наши катера плывут они среди ржаного поля и взлетают на краю ойкумены я остался в титрах твоего чучела но нашей общей мечты мир не узрит уже никогда ты тоже остался в титрах великого помнишь признаки осуществлённой жизни олежа перечисли как мне надо делать внутреннюю карьеру и я бубню – бороться с габитуацией техника развития порыва быть всегда в эвристическом тонусе система путешествий по собственному развитию тезаурус понятий и тезаурус состояний вот богатство полное этическое включение воспрятие подвижное ещё искать тезаурус опорных прецедентов искать подлинного общения с собой самим и прочая чепуха будущего века шумно вздыхая ты так внимательно слышишь качая головой тинэйджеры сидят на спинках скамеек такие смелые не боятся милиции пьют пиво хохочут когда соловей поёт Рола его можно брать голыми руками тёмных аллей ведь больше нет есть тёмные подъезды быдло победит оно множится неудержимо ты вышел в кремле и потребовал закона закона и больше ничего ты потребовал закона

и умер народ наш обмануть святое дело они вон Солженицына не знают но освищут а никиту каждый знает он из ящика не вылезает помнишь любимую нашу реплику Витьки «я на каждом заборе требуюсь» а бывший доктор Айболит стал творцом собственного блестящего благо-получия как ваще пройти верблюду в ушко карлик лицедей огромная натура у нас были крылья ты растратился на пузыри и фуки а ведь порода лукавых добрых Иванушек вымирает они раздвоились они разговаривают по радиотелефону один ушёл в бизнес другой в бандиты а может мы ещё вернёмся но ты нарушил правило художника номер два и если мы перешли на эсперанто дождя и пива то вот тебе стрела из лука поэзии – ***«Не в этом ли разгадка ремесла, (чьи правила – смертельный страх и доблесть), – блеск бытия – изжить! спалить дотла! –*** **и** ***выгадать – его бессмертный о т б л е с к ?..*** я не фанатик Беллы но это гениально теряй друзей оставь надежды и я бреду по старому от старых глаз арбату шатаясь бормоча машу бутылкой я рычу в дожде эх русь эх птица тройка эх пруссия ты птица тройка эх франция ты птица тройка дождь целует лужи салют любви под мутным небом народ пьёт водку осетинскую спасибо лучше бы мне фильм ведь жду уж сорок лет и скоро скоро снег пойдёт на Чистых на прудах меж твоим фондом и современником и первый день он будет белоснежный нам в России так нужен снег… вот даже Эллиот всё это осознал и в Англии далёкой да «только снег копит тепло и надежду!» молодец у нас в России на снег мы твёрдо можем надеяться белая паранджа скроет уродства поменяет всем амплуа ты снова актёр амплуа банкир фантастичный прыжок ушёл маска осталась Бог судья забыть пора немой бильярд с шарами из слоновой кости в четыре утром да ты помнишь творчества подвал там в Болшево там кий мелится и хлебнём же коньяку и вот удар глоток а наверху так мирно гена почивает с женою инной и моя жена мариша спит свернувшись лисьи и видят сны они небось цветные сны ведь дело прошлое мой утешитель но пришла уборщица прогнала нас ах маленький Ролан урчишь от вожделений и вспышек фантазии да щедрый жмот деляга быстрый любитель нежных актрисуль чья шея пахнет так хорошими духами о как умел ты рассказать об этом ну хватит перейдём на прозу встанем на ноги а дождик всё идёт и как я ненавидел тебя за одну ну дай тебе Бог «там в ином апреле» вот ведь и сам Энгельс понимал что революция заходит дальше своих целей затем наступает реакция которая тоже заходит дальше с в о и х как много раз я читал тебе кастанеду мы все столкнёмся с бесконечностью и должны ответить на главные зачем делать это когда мы уже беспомощны почему не тогда когда мы сильны почему не сейчас говорю я себе остался ведь пустячок ладно да здравствует антиномичность быта и бытия я быстро суну тебе сигареты

под подушку быстро налью коньяку а как хотелось чтоб ты прыгнул до с а м о г о образ ведь тот же но без тросточки и котелка я требуюсь я на каждом заборе требуюсь не вышло но народ наш терпелив параноически «терпеть кому ума недоставало» говаривал Ломоносов и вот Витька-дурак пере-квалифици в киллера но забыл патроны смерть везде раскаяния нигде мы ведь не немцы какие чтоб каяться россия слышишь этот зуд Михалковых уже не трое гораздо больше а помнишь как кричали бесноватые Иисусу «Что ты мучать нас пришёл!» да жажда со-вер-шенства мучает только достойных жертвы добровольной ах Россия мохнатое сердце я возвращаюсь чтоб задохнуться твоим ветром и умереть от твоей грубости увидишь нищего прижмись к нему и плачь от слез родится маленький скрипач всегда полезно знать, что в мире есть страна, в которой невозможно счастье потому что счастье невозможно без свободы это написал бяка маркиз де-Кюстин но я смеюсь весь мокрый ведь проблема Рола в том что на любой помойке в Питере или Калуге я прижмусь к забору задыхаясь от счастья как весной в Иудее красота и смерть говорил Нансен про Север а Рильке писал неподкупный есть такая страна Бог Россия граничит с ней но где эта граница неужели любовь звучит как приговор свобода обращается в дьявольское своеволие нам нужна *отчитка* Рола огненная транс-мутация что ж товарищи обвинять будем или как а счётчик тик да тик да всё равно в конце пути придётся рассчитаться но может надо было идти в ногу не плевать в колодец с трупами неужели монтень прав и люди ведь говорили – не надо какие люди а ты лукавый гномик смылся и не предупредил что ж прогноз тот сбылся в точности но всё оказалось шире и больше и стало видно далеко-далеко… тогда он взглянул благодарно в окно за которым стена да благодарно спасибо Чехов объяснил вот дождь стал тёплый деликатный но *того и гляди снег пойдёт а тут ещё эти разговоры…* итак ролан означало роман а не кино ну а Бог ну а Бог ну а он листвою чуть колышет Сталин не смог застой не сумел мы так и не узнали свободы враг теперь везде но куда стрелять знают только киллеры а овцы имеют ли право жаловаться на пастуха когда он перегоняет их на лучшее пастбище по каменистой дороге и вообще окончательно выяснилось что единственный достойный способ говорить правду это язык эзопа не компьютера что ж приходи застой снова кухни снова читать и мечтать будет интересней чем жить сформируем же новый образ врага кстати центральный труп всё дышит на россию а ты храбрый маленький фонарик целебный гномик ростом с Пушкина и несомненно божий инвентарь ты лёг ногами на восток ушёл от нас а мы всё едем в Катере к известной матери в сплошном дожде уже всё клятвы бормочем и слова сквозь слёзы Бога узришь и плевать плевать *когда сбывается мечта уже не мечта она – а что же?*

неви-ди-мая сторона Луны мы пришельцы и беженцы никто нас не видит Рола врагу не сдаётся наш гордый варяг а русский праведник ликует что ж русский дурак встретит новых злодеев испугается но всё так же будет болтать ногами искать друзей по пивным и мечтать ты мечтал о карнавале карнавал разрешён но маски устарели ты растерялся что ж ходи по бортику авосьничай только не уходи от алёнушки через год на десерт подадут век-очко третий эон и постепенно холодея не унывай мечта Циолковского сбудется мы каяться не будем а будем воскрешать любимых и никаких клонов россию спасёт безопасный хмель а ведь какие люди предупреждали что ж склока следствия с причиной прекращается с кончиной но ты мой чудотворный ты наконец обернёшься увидишь узришь хохотнёшь с хрипотцой сорвёшь проклятую салфетку с пуза хлопнешь дверью банка мы возьмём машину доедем до Грибоедова все иссспра-вим для сссссытина я ведь как обещал не отдал нашего Витьку никому он ждёт лыбится болтает ногами вот идея у меня дождевая Рола давай возьмём Витьку и А.С. они пойдут впереди знакомясь мы почтительно за ними они ведь вместе и есть россия пойдём по той самой лунной дорожке спокойно наконец беседуя – и так скоро зайдёмся до вопля от восхищения всей этой рола божественной хуйн@й я буду тебя утешать ты будешь меня смешить медные бабушки чудные мгновенья ну не удалось холера ясна но ведь неудавшаяся есть тоже чудо Рола то ясно говорила рома помнишь бабку с наганом Чапаева пиво кончается три звезды наши я допил что делать мой утешитель но есть вот ещё идея покруче хватай такси Рола пусть те кто любит погорячей проносятся мимо бедной нашей России отрываются оставив её на съедение Азии но в нашем джазе Рола всё равно только девушки мы едем в Москву Рола наберём русской отравы открутим в такси все окошки будем жадно хватать ртом ветер будем вопить мечтать и восхищаться и прорвёмся с гоготом и свистом мимо юных-безумных Инны и Марины и доиграем же наконец ту подвальную партию на зелёном столе и на экране – остался ведь в сущности пустячок!

…«Вышел во двор, поссяв... А луна так гарно светит, шо думаю, такого каганца в хату надолго б хватило!»

…Всё, Рола, ухожу, ночь уже на прудах, *листвою чуть колышет!..* Я ухожу, Рола, я промок насквозь, и мерзко трезвею... *а луна так гарно светит,* да, Рола? *серебрится лик луны...* – как цвет капли с весла в лунную ночь, да? или это слишком по-китайски? Смотри – уже две луны освещают титр на твоём билдинге – кино «Ролан»!.. Во как! И там еще твой «Фонд»!.. Вот как представлю – за твоим столом сидит г-н М., положив, may be, ноги на стол... а вот если б ты снял наше чудо – на него не *положишь!..* как

больно!.. Да, только титры пустые остались от жизни… А, может, бросить бутылку в зеркальное стекло, разбить всё к чертовой матери! – в знак протеста? А? Но – против Кого? Против Чего?! Себя?! Ладно, плевать… ведь двух-то лун нам с тобой – *надолго хватит?!* Посылаю тебе, гномик х@ев, дождливый этот поклон с твоих Прудов – и фрагментик учебного того реквиема… И знаешь, Рола, прикинь, да? – пусть детки поют акапелла! Не надо больше оркестров – и б а н к о в ! – ладно? Тогда всё…

(хор невинных детей)

УПОКОЙ, ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ,
ЦАРЬ ВСЕЛЕННОЙ, ПРИЧИНА МИРА И СВЕТА,
РАБА ТВОЯ ГРЕШН – Ы Я –
И БЕЗГРЕШН – Ы Я !

(голос Витьки – седого!)

...и я... и я!, и Я!..

(голос автора)

...и ты... *и ты, Рола… и –* *Ты!..*

ЭПИГРАФ ДЛЯ ВСЕХ СЕРИЙ

Я ВЕРЮ, ЧТО В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ ЯВИТСЯ НОВЫЙ ОЦЕНЩИК И ОБЪЯВИТ, ЧТО Я ВОВСЕ НЕ БЫЛ ФРИВОЛЬНОЙ ПТИЧКОЙ В ЯРКИХ ПЕРЬЯХ, – А СТРОГИМ МОРАЛИСТОМ, ГОНИТЕЛЕМ ГРЕХА, ОТПУСКАВШИМ ЗАТРЕЩИНЫ ТУПОСТИ,

ОСМЕИВАВШИМ ЖЕСТОКОСТЬ И ПОШЛОСТЬ – И СЧИТАВШИМ, ЧТО ТОЛЬКО НЕЖНОСТИ, ТАЛАНТУ И ГОРДОСТИ

ПРИНАДЛЕЖИТ ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ!

В. НАБОКОВ

А Вы… ***(нрзбрч)…*** *Идите к****… (нрзбрч)!..***

к о н е ц п е с е н

Что ж из этой вот переделки вот с этим вот цветом волос и как сказал бы Гена Шпаликов который повесился в том самом Болшево на спинке кровати пароход белый-беленький ничего Рола ничего Бог разберётся и возможно каким-то образом донесёт его до присяжных на Главном суде...

ДМИТРИЙ ГУСЕВ

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ

ночёвки в залах ожидания душных,
под голову синюю сумку пристроив,
пластаясь на стульях усталой тушей.
из города Н. в Вавилон, в Трою.
сквозь дремоту почувствую, как подойдёт вялый мент,
тыкнет в бок дубинкой брезгливо.
– есть билет? – да, вот мой билет. –
я сравню мента с рваным презервативом.
чумазые цыгане, копчёные чучмеки...
да старый пьяница, что расскажет, как на дне стакана
он однажды увидал не то Мекку,
а не то Ватикан.
эх плацкарты потные с жратвой химической,
поцелуи прощальные в прокуренных тамбурах.
я маршрут свой когда-нибудь обязательно вычислю,
в дымное небо уйду вместе с табором.

@@@

из прошлого в грядущее
мы двигаемся ощупью
минуя настоящее
к деревянным ящикам.
мы двигаемся там
где звонкий русский мат
где ревущая тьма
и ревущая мать.
и та самая, сокровенная суть,
вечно скрытая где-то около –
за шторами, за стёклами.

Раньше эта рубрика была посвящена творчеству людей, живущих очень далеко, теперь в журнале практически каждого автора можно поместить в такую рубрику. Поэтому здесь произведение про поезд, который идёт очень далеко...

АЛЕКСАНДР СМИРНОВ

ПОЕЗД

Ночной мороз сжимает землю в ледяных объятьях, обволакивает укрытый одеялом темноты мир, фиксируя его форму, сплавляя её с сущностью ночи. Содрогается усталый металл рельсов, разнося далеко вокруг стук колёс движущегося сквозь ночь поезда. Состав проезжает, но отзвук его ещё долго остаётся в жилах металла, внезапно пробуждённого от ледяной дремоты неожиданным появлением поезда.

А тем временем поезд продолжает свой путь сквозь ночь, оставляя позади вёрсты, спящие леса, поля и селения, большие и маленькие, нарушая их покой монотонным перестуком колёс. Этот звук достигает и центра, и окраин городов, проникая, пусть и не сразу, в сознание немногих бодрствующих жителей, унося их мысли к далёкому поезду, держащему свой путь в неизвестность.

Но никто в поезде уже не помнит, куда же он движется – так давно осталась позади отправная точка, что и её забыли. Все настолько свыклись с постоянным движением, что не смогли бы наверняка сказать, быстро или медленно они едут. Единственное, что было определённо, так это направление – вперёд, да ещё мороз, неотрывно сопровождавший поезд на всём пути (или, может быть, это поезд сопровождал его). Дни и ночи сменяли друг друга и складывались в недели, месяцы и годы, а поезд всё так же неуклонно продолжал свой путь в неизвестность.

Электричка делает доступными близкие пространства. Электричка с вокзала нашей души отправляется туда каждую минуту. И идёт недолго. И станция на всём пути следования одна – ОДИНОЧЕСТВО.

АЛЕКСЕЙ КИЯНИЦА

ВИНТЕРНЕТ

Матрица опутывает нас сетями «Контактов» и «Одноклассников»: «Укажите свой пол, возраст, семейное положение, сексуальную ориентацию, отношение к религии, политические убеждения, ваши желания и мечты» – анкета подробней, чем в отделе кадров на советском «почтовом ящике». Мы делимся с Матрицей своими самыми сокровенными мыслями и чувствами в блогах. Мы демонстрируем себя во всех ракурсах на выкладываемых в Сети фото. Мы делаем всеобщим достоянием самые интимные сведения о себе. Мы рассказываем даже о самых незначительных событиях своей жизни.

Интимность исчезает. Матрица знает о нас почти всё. Вместе с интимностью мы рискуем потерять самих себя. Раствориться в глобальном, кибернетическом супер-я. Нам даже уже необязательно знать что-то самим, можно обратиться в Википедию. Память и опыт становятся коллективными.

Похоже на некий религиозный идеал – растворение индивидуума в супер-личности божества.

То, что ты не узнаешь

Исследуя четыре угла
своего одиночества,
я по сотне раз на день
милую тебя и казню.
Короную и низвергаю.
Иногда мне кажется,
будто ты рядом.
Иногда я думаю,
что ты – моя выдумка.
Что тебя не бывает в природе.
Но я говорю с тобой.
Я говорю.

Алексей Карелин

Одиночество

Век связи, век информации. «Тук-тук», – вежливо интересуется Ася. Ася… Какое нежное имя мы дали бездушному софту, отнявшему радость встречи, сладость томительного ожидания, живое общение, вербалику.

Всегда на связи. Со всеми и в любой точке мира. Хочешь увидеться? А для чего 3G-сети и вэб-камера? Лента фрэндов не умещается на дисплее и… что? Мёртвое общение. Может ли оно оживить, если само пахнет… тленом? Нет, это живые люди несут аромат или вонь, испускают флюиды или феромоны, волнуют, вызывают ощущения и чувства. Мёртвое общение пахнет одиночеством.

Смотришь телевизор. Думаешь, гадаешь, переживаешь… «Куда пошёл?!» – кричишь герою, ставшему за двадцать две серии родным. «Зачем?» – стонешь от глупого поступка. Тебе ответили?

Читаешь. Удивительно: символы рождают яркие картины. И друзей, и кумиров! Но до них не докричаться.

Приятный тенор из колонок. Милая беседа с красивым эльфом. Он всегда вежлив. У него можно приобрести полезные артефакты и зелья, а также информацию. Полезные в этом мире, в котором ты буквально живёшь уже неделю. Сочном, ярком, сказочном…

«Пойдём выпьем пива?» – спрашиваешь эльфа. Он продолжает мило улыбаться и моргать так, что ресницы касаются нижних век. Молчит. С ним всегда так. Разговор лишь в одну сторону.

На кухне кто-то гремит. Барабашка? Ах да, забыл, у тебя есть мать. Кто-то слоняется по дому. Ещё родственники? Вот они – совсем близко. И так далеки… Как фрэнды в Асе.

Ты не один, но тебе одиноко? А это как? Что есть одиночество?

Глухая боль, одна из тех, что не чувствуешь. Пустота. Нет, не вокруг, внутри тебя. Тоска. Серая, как лохмотья неба в дождливую погоду. Обречённость. Как у узника на эшафоте. Косноязычие. Без публики оратор теряет дар. Раздражительность. Как дикобраз, пускаешь иглы, когда стучатся в стены твоей камеры. Заторможенность. К чему спешить? С собой ты всегда успеешь поговорить, обдумать. Полёт мысли и мудрость. «Мудрость теряется в седле», а рождается одиночеством. Философы – люди, которые нашли собеседника в себе. Таланты рождаются в тиши. А где её найти, если не в уединении? Одиночество – это страх перед внешним миром, а потому паутина. Оплетает, чтобы не отпустить. Тонкая, почти незримая ограда. Что стоит её переступить? Но липкая…

ПК, жвачник, радио наполняют квартиру смехом, криками, гамом. Но это лишь звуки, подчёркивающие пустоту. Пугающую тишину. Иную.

А неподалёку маняще блестит дверная ручка. Повернуть – и перед тобой встанет жизнь.

Хочешь?

Рисунок Ольги Туркиной

В этом моменте журнала сетка рвётся – потому что появляется бабочка... птица, вещающая живую, до нереальности реальную жизнь... Этим летом выпорхнула в свет её книга стихов и прозы – с дышащим одуванчиковым названием «Душа рассыплется на нежности». Каждый открывший её – нечаянно сделает свою прореху в сетке – спасибо, Лена, за свободу! Поздравляем тебя!

ЕЛЕНА КАЧАРОВСКАЯ

ПРО БАБОЧЕК

Темно. В окошках одиноко.
И люди в спальные мешки
Уложат страсти и смешки,
Сомненья, страхи, словно в кокон,
И от депрессий порошки...

До пробужденья, до утра
Папье-маше, ЖЖ, манеры,
Храпя, оставят кавалеры,
И ночь черна, как та дыра,
И дамы, точно кошки, серы.

А мне не спится. Лица. Грани,
Фрагменты. Запах октября
Ищу, пижаму теребя,
Три бабочки в моём кармане:
Надежду. Веру и... Тебя.

В этой рубрике два рассказа просто о жизни. Темы не касаются ни железных дорог, ни сетей, ни компьютерных технологий. Причём здесь эти истории? Просто Екатерина и Анна – мама и дочь. Семейные отношения – та же сеть... :)
Точно так же в платформе №2 – рядом совершенно разные произведения людей, связанных семейным неводом. Сёстры – Василиса и Калерия.

АННА АСМУС

ВНУТРИ ЖЕНЩИНЫ

Машиностроительный институт был в двух шагах от моего дома, там всегда на ступеньках стояли недовольные студенты и курили. Однажды я подошла к ним и попросила прикурить мне бенгальский огонёк, они дружелюбно посмотрели на меня, улыбнулись, один из них зажёг мой бенгальский огонёк. Потом рядом с нами умерла собака, но это было шесть лет спустя. Тот студент, который тогда поджёг мой бенгальский огонёк, плакал, опустившись на колени перед собакой. Собака лежала, разинув пасть, глаза её впали, как у засушенной рыбы. Я положила руку на плечо мужа, – того, кто тогда 6 лет назад поджёг мой огонёк. Он повернулся ко мне и сказал, что больше меня не любит. Потом он встал и вышел из комнаты. Я осталась наедине с мёртвой собакой. Я смотрела на собаку и думала о словах мужа. Через минуту мой муж ворвался в комнату в слезах, крепко сжал меня в объятиях:

– Дорогая моя, я отсюда уйти не могу.

Потом он сказал, что никогда не любил меня. Он сказал, что ему было со мной тепло и хорошо, но он никогда меня не любил. Он признался, что изменял много раз. Я стояла молча, оперевшись на спинку кресла и щипала себя за локоть. Когда только локоть стал болеть, я поняла, что всё это время, я его

сжимала пальцами и щипала. Я почему -то улыбалась, мне не было весело. Мой муж спросил меня: – Неужели тебе смешно?

И я ответила – нет. После чего не смогла сдержать смех, я рассмеялась, уставившись в пол, прикрыв лицо ладонью, зачем было закрывать лицо, я не знаю, будто бы я прятала свой смех, в надежде, что мой муж не заметит. Он смотрел на меня, потом сел на пол к собаке.

– Что же так? За что же всё так? – он повторялся, заикался. Я стояла рядом и смеялась, мне было никак не остановить свой смех.

– Я те-бя НЕ лю-блю! – он чётко произнёс эту фразу ещё раз, будто бы говорил со слабо слышащим человеком. Я рассмеялась ещё громче, я ничего не могла с собой поделать, смех, будто бы псих в одиночной палате, бился в грудной клетке. Мой муж подошёл ко мне очень близко, взял меня за запястья посмотреть мне в глаза, он попытался одёрнуть мои руки от лица, я стала сползать вниз и смеяться. Я села на пол. Мой муж спросил:

– ЧТО СМЕШНОГО Я СКАЗАЛ?

Я помотала головой, сквозь смех, я, задыхаясь, процедила:

– Ни..ничего, прости! Ничего смешного.

Я легла на пол и попыталась успокоиться, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Я пришла в себя, вытерла слёзы смеха. Я уставилась на пса, стала разглядывать его морду и вспоминать, какой выразительной и живой была его собачья мимика до смерти. Муж подошёл и сел на пол между мной и собакой.

– Ты такая глупая... зачем ты так делаешь?

– Как я делаю?

– Зачем ты всё время смеёшься? Тебе всегда смешно! Ты смеёшься людям в лицо. Что сейчас смешного?

– Но я ничего не могу поделать, я не специально. Это нервный смех. Понимаешь?

– Это плевок в лицо. Знаешь, что? Дорогая, моя, золотая моя, родная... – муж наклонился ко мне и стал безудержно целовать меня в губы, в шею, в плечи. Я не сопротивлялась, а потом он случайно уткнулся рукой в нос нашей мёртвой собаки, резко оттолкнул меня, вскочил на ноги, заметался по комнате.

– Ты невыносима! Ты жестокая и невыносимая, никто кроме меня не станет тебя терпеть! Бедная моя, несчастная. Я бы любил тебя, но за что? Ну, что ты со мной делаешь? Твоя грудь мне нравится, это так.

Я сидела на полу и смотрела на него снизу вверх.

– Дорогая моя, принцесса, когда мы купили эту собаку, я подумал – вот теперь всё наладится, теперь у нас есть стабильность, у нас есть общая собака. Но, к счастью, она умерла, сдохла. Понимаешь, о чём я? Мне надоели твои

выходки. Мне надоела ты, я устал от тебя, я остыл. Это неизбежно, понимаешь? Неизбежно, потому что все остывают, как остынет этот бедный пёс, так и я к тебе остыл! Хочешь ещё посмеяться? Утром я встретил этого кретина – соседа снизу, и он попытался прочитать мне лекцию насчёт того, что женщин нельзя сильно избивать, старый кретин подумал, что я тебя бью, это всё из-за твоих криков и стонов. Смешно, правда?

– Действительно.

– Я сам лично закопаю Гёте, – муж наклонился к собаке. – Гёте, друг, бедный, старик, ну ты чего, а? Что ты нам тут устроил помирашки, мм?

– Господи, да унеси же ты собаку отсюда, я не могу больше это видеть.

– Я унесу, смотри!

Он взял в руки нашего мёртвого, ещё тёплого и мягкого пса, и сказал, чтобы я открыла ему дверь. Когда я осталась одна в квартире, я прислонилась к батарее, чтобы согреться. Я была не нужна своему мужу, я была не нужна никому, но мне было весело. Отчего же? Может, потому что я вспоминала те весёлые моменты нашей совместной жизни, хотя, учитывая, что ему было наплевать на всё – это не казалось уже таким весёлым. Я думала – зачем же тогда он мучил меня все эти годы?

Знаете, я верю, что в какой-то момент происходит списание вашего счёта, за всё счастье, это как с кредитом. И вот ты, как вшивая собака, бежишь к своему хозяину и не понимаешь, почему он тебя отталкивает, почему больше не хочет трепать твою голову, гладить, играть с тобой. Он отталкивает тебя ногой, чтобы не подцепить твою заразу, а если у тебя ещё и уши больные, он не станет больше обнимать тебя, отныне ты для него заразная псина. И до тех пор, пока тебе плохо, пока тебя не отведут к ветеринару, ты обречена на одиночество. Тебя больше не подпускают близко, с тобой больше не дерутся на ковре в гостиной. Тебя избегают, словно ты болен чумой. Но, Боже мой, ведь когда он был болен, ты же подошёл и положил голову ему на колени, лизнул в щёку. Ты спал у него в ногах, ты лаял от радости, когда он возвращался домой.

Вскоре вернулся мой муж, он приехал из длительной командировки и был ужасно уставшим, наш пёс Гёте встретил его радостным лаем и визгом, муж потрепал его по голове, нежно обнял меня и поцеловал. Я приготовила ему еды, и мы легли спать. Гёте уснул у нас в ногах.

ЕКАТЕРИНА АСМУС

АСКОЛЬД БРИСОВИЧ

ПРАВАЯ СТОРОНА

Любимая математичка Аллочка уходила в декрет. Седьмой класс как-то не верил, что учительница, бывшая с ними на протяжении целых трёх лет неразлучно, вдруг куда-то уйдёт. Ощущение, что Аллочка принадлежит ещё кому-то, возмущало детские души. Но растущий животик симпатичной молодой учительницы утверждал обратное. И вот однажды она исчезла бесследно. Наступили безмятежные дни безделья. Замены не было месяца три.

Но как-то раз, ярким весенним утром в классе возник – он. Высокий, прямой. С длиннющей седой бородой, белой лохматой головой, в крошечных круглых очках, помещающихся на кончике унылого носа так, что крошечные серенькие глазки с прищуром смотрели поверх оправы. Немыслимые мешковатые серые хлопчатые штаны, какая-то нелепая рубаха, допотопные сандалеты на босу ногу… Он был похож на картинку из учебника, где изображались самые неимущие слои населения послевоенного периода. Но уж никаким образом не на учителя. С нашей, тринадцатилетней точки зрения, лет ему было примерно сто! На доске огрызком мела он накарябал «Аскольд Борисович». Класс вымер. Даже ржать не стали, настолько это было всё нелепо и никак не вязалось с настоящим временем.

А между тем, учитель математики Аскольд Борисович оказался весел, как птичка. Он не задавал заданий. Он не объяснял материал. Он редко кого-то вызывал к доске. А всё классное время проводил в длиннейших разглагольствованиях на самые разные темы. Монолог этот проходил под мерное жужжание сорока двух детских голосов, потихоньку обсуждавших свои дела. И вновь наступили безмятежные дни безделья. Средняя школа валяла дурака, математики как бы и не было. Старшие классы, как выяснилось, тоже не угруждались этим предметом. Аскольд Борисович лихо загибал анекдотики на уроках, обращаясь преимущественно к хорошеньким старшеклассницам. Причём, анекдотики были рисковые, на грани, так сказать, приличествующих в школьных стенах.

Гром грянул внезапно. Под конец года началась зачётная неделя. Аскольд Борисович радостно, по-детски улыбаясь,

выставил 30 двоек и 12 трояков особо старательным зубрилкам, которые, как выяснилось, всё же умудрялись самостоятельно заниматься.

Настроения ему это не испортило нисколько. Под возмущённые крики и слёзы бездельников он выплыл из класса ровно по звонку, секунда в секунду. Привычки задерживаться для выдачи домашнего задания у него не было.

Неизвестно, что было бы, если бы сплетня о двойках по математике у половины старших школьников, долетела бы до РОНО. Но, к счастью, внезапно в ситуацию вмешался директор, испугавшись глобальной порчи общих показателей школы. Какое объяснение произошло в директорском кабинете – неизвестно. А известно лишь то, что на следующий день, поутру Аскольд Борисович вплыл в класс с неизменной радостной и детской улыбкой на заросшем седой бородой лице и сообщил, что все двоечники получают тройки «авансом». А пересдача назначена после летних каникул.

Ну, а в следующем году я уже была в другой школе. Что забавно – в математической.

И вот, на зимней заснеженной трамвайной остановке стоит – он! Без малого тридцать лет прошло! Высокий и прямой! Длиннющая седая борода реет по ветру, белая разлохмаченная голова… В крошечных прямоугольных очках, помещающихся на кончике унылого носа так, что крошечные серенькие глазки с прищуром смотрят поверх оправы. Немыслимые мешковатые серые хлопчатые штаны, какая-то нелепая куртка, боты «прощай молодость»…

Впервые я увидела его жену – маленькую, согнутую прожитыми летами и болезнями, в очках с огромнейшими линзами, в безнадёжно старомодном пальто. Они стояли, на фоне серой небесной дымки, как скульптурное изваяние, держась за руки, абсолютно неподвижно и спокойно. Он возвышался над её сгорбленной фигуркой, будто столп каких-то мифических устоев вымышленной страны. Казалось, они парили вне времени и пространства, словно пришельцы из иного измерения, случайно проявившиеся в это время на этом месте.

Мне нестерпимо захотелось подойти... Но я не двинулась с места.

Потом – вошла в другую дверь подошедшего трамвая.

ТИМОФЕЙ БИНЮКОВ

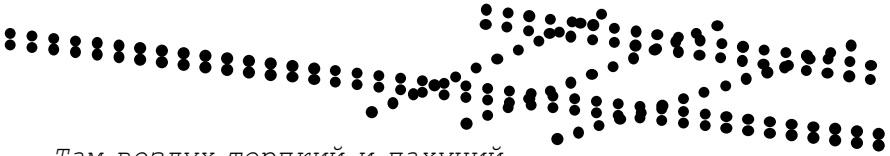
Здравствуйте! Я молодой начинающий писатель и вот Вам мои творения, прошу любить и жаловать)

Сладко-имбирным голосом
Залепетал развязанные шнурки
И загудел паровоз – смотри!..
Летела птица в небе цвета изумруда
В средине камня изумруда
Мальчик летом спросил держа за руку мать
– Мама, я когда-нибудь умру?
– Да.

Мой дядя самых честных правил
Снимал кино
Как развязные девицы пляшут канкан
В гостях у бреда разместились с чаем в кружке у камина
На высоте заката, на заре твердыни
Смотрели снимки в фотоальбоме
Плакали смеялись вспоминали
Мозги промывали
И вспомнили гордыню

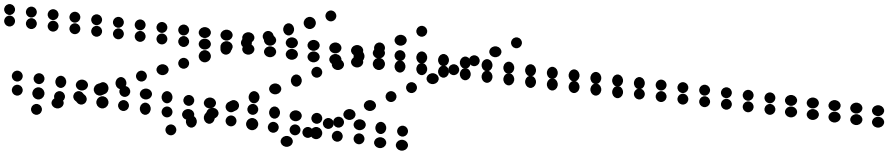
Привет, Оль!
Я Бинюков Тимофей, живу в городе Харькове. Начинающий – эт я погарячился, пишу как только вылез из пелёнок, а мне сейчас 19. Хотелось бы когда-нить достигнуть уровня Артюра Рембо. Это такая розовая мечта. А вообще-то о себе чёто говорить глупо – стихи всё скажут, они не врут:)

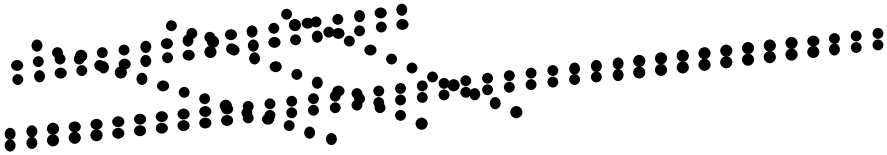
...Я пил воду
Из родников России дремучей –
Холодную и сладкую,
Был там, где Русью пахнет
И где рождались сказки у поэтов,
Сравнительно со мной – гораздо лучших.
Под серебристою луной в ночи,



Там воздух терпкий и пахучий,
Там, где российская глубинка,
Что переполнена загадок –
Где леший бродит и русалка
На ветвях, а у деревьев – ведьмы
В ночном лесу поют и пляшут...
Гармонь играет, выпил стакан сто грамм водки
Под томный шелест молодых берёз
В воскресный вечер с другом
И поцеловал девчонку Машу
Мод мириадами алмазных звёзд;
Или ушёл смотреть футбол,
Сегодня наши против итальянцев.
Эх, проиграют! Как пить дать проиграют…
Но я за них – всё-таки наши!
И я спою, на русском языке спою,
Пусть каждый звук гремит ужасной силой
Для всех, для каждого, кто думает, я праздный,
Для европейца скучного, ведь он считает – я ленивый,
Раз не смотрю на мир его глазами,
Где в долларах и евро измеряется любовь
Раз не пытаюсь днем и ночью
деньги загребать лопатой,
Раз не иду по головам,
Раз за бумажек шелест не пускаю кровь…
Он думает, попробовав икры да водки,
Поймёт меня, залезет в мою душу!
А я ему в ответ спою да под гармошку:
Я на земле, чтобы по-настоящему, и чувствовать –
И не поймёшь ты, грустный европеец,
Кто есть на самом деле мужик русский!

Ладно, я понял, вы прикольные, а быть может, даже крутые ребята...) ну чё, будете меня печатать? я бы хотел и очень... какие условия сотрудничества?





Привет, Оля!

Отвечаю на твои вопросы:

1) Да, используй мой мейл для эпиграфа, коль хочешь)

2) Не про сеть, не про кольца пока ничего нет, но я чёто придумаю и напишу тебе в течение недели, ОК?

Мои вопросы:

1) А если не про кольца, а про спирали. Это будут очень особенные спирали.

2) А если и про сеть и про спирали в одном произведении?

3) А как насчёт прозы?.. На украинском?

4) Я смогу получить авторский экземпляр вашего журнала, когда он выйдет?

Всем сердцем твой, Тимоха

Привет, Оля!

Вот то, что ты просила – стих о кругах, спиралях и т.д. – «Поцелуй Бога. Джаз» ВЕСЬ ПОЛНОСТЬЮ. Так что напечатайте мен,я пожалуйста. И ещё раз хочу повторить свой вопрос: если чё, я смогу получить один экземпляр журнала? Для меня это важно.

С ув. Тимон

Здравствуй, Оля!

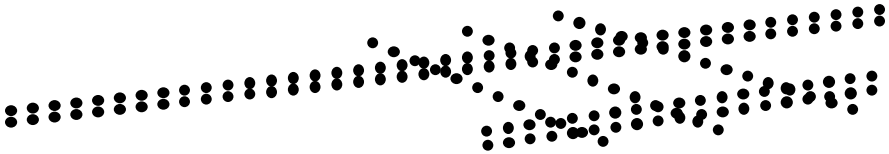
Во-первых, мой стих действительно ВЕСЬ ЦЕЛИКОМ посвящён одной теме, а НЕ только две строчки. Вот, посмотри видео <...>

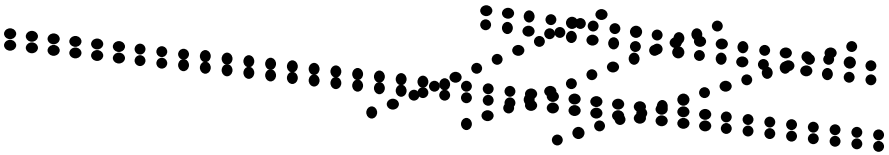
Во-вторых, к сожалению, ничего другого по данной теме у меня нет, стих я специально написал по твоему заказу и мне бы ОЧЕНЬ хотелось, чтобы опубликовали именно его. Ну а если он реально не влезает, напиши мне сколько строчек тебе надо и я чёто подберу со старого.

В-третьих, по поводу своей деятельности и публикаций я тебе уже писал, и ты ещё хотела моё письмо прицепить эпиграфом к журналу, вспомни, пожалуйста.

И в-четвёртых, живу в Харькове, Украина; родился в 1992 году от Рождества Христова там же; студент Политехнического универа, полное имя Тимофей Санчес дель Торо Родригес Бинюков.

Пиши.

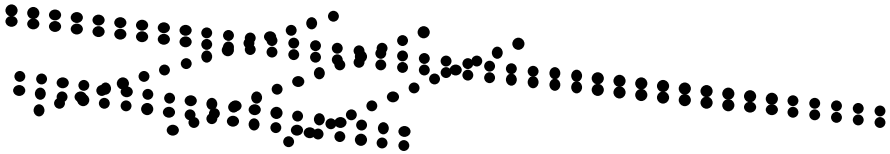


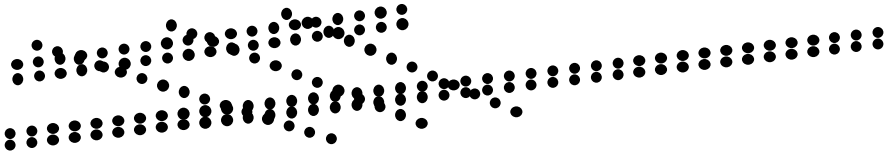


Привет, жаль, что не в этом году, а то мне тут уже фантазии не хватает чем девчонок соблазнять. Вот тебе коротенькие, бери шо угодно... может и в этом году получится, м? Адрес мой <...>

ЭТЮД №1 ФА-ДИЕЗ МАЖОР

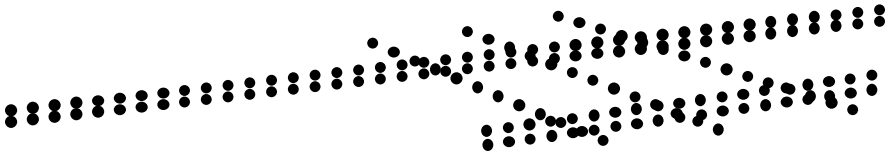
Я хотел бы
перелюбить всех девушек мира
перецеловать
перелюбить
Переласкать
перепрочувствовать!
Я хотел бы
крутить романы со всеми сразу и каждой
быть со всеми сразу и каждой
но вместе с тем
ни с одной не быть…
Хотя неправду говорю –
и вовсе не со всеми
а только с теми
кто словно розы по весне цветут,
которые смеются моим шуткам,
как колокольчик
от чьих глаз, волос и тела в целом
у меня, простого хлопца
начинает сердце чаще биться!..
И тогда глаза сверкают
и мир палитрой всех красок расцветает
и жизнь в крови бурлит!
Я хотел бы быть
всеми людьми на свете –
героями и антигероями,
все жизни в истории прожить.
Я хотел бы быть
всеми воробьями мира,





в небе жить,
прыгскокать
по крышам всех домов и зданий:
и Римского Капитолия,
и Парфенона,
Стоухенджа
и по крыше дома в селе у бабы Гали…
Я хотел бы
побывать во всех городах мира
и конечно же, во всех сёлах
посёлках
деревнях
и хуторах побывать;
поговорить с каждым человеком
отведать всех алкогольных напитков
перечитать все сказки,
досчитать до бесконечности
перепеть все песни
переплыть все реки
на фортепиано всю музыку на свете дважды переиграть!

Я жив
и я всего попробовать хочу
лишь кроме одного –
искренне не желаю ненавидеть:
себя, другого
остаться человеком я хочу!
Я хотел бы
перелюбить всех девушек мира
почуствовать, поцеловать
всех девушек, чей смех
как колокольчик,
тех девушек,
что как розы по весне цветут!..



ВАСИЛИСА СОКОЛОВА

ВСЁ НИЖЕ И НИЖЕ

– Шар сдувается! Мы погибнем! – завопил курносенький офицерик, до ужаса боявшийся смерти...

– Немедленно выбрасывать Вещи! Литература и Театр слишком тянут нас вниз, а если бы мы вчера не сбросили за борт Музыку – давно бы уже погибли, – кричал Главный Визирь, – но воздушный шар опускается! Отдайте же приказания!

– Культура гибнет! Спасите, оставьте её! – взывал Человек Культурный.

– Не орите! Вы слишком сотрясаете шар! Сейчас будут приняты меры, – с этими словами Культурный полетел за борт, вслед за ним отправились Театр и Литература.

– А культура и без вас погибнет! – пронеслось вдогонку...

Офицерик трясся от страха. Он чувствовал, как сердце бьётся в горле и немеют от ужаса пальцы. «Хорошо хоть Литературу-то выбросили, – с облегчением думал он, – уж как я мучился, чтобы научиться читать эти чёртовы буквы – в шестнадцать лет наконец освоил алфавит». Он посмотрел вниз, и душа ушла в пятки – от жуткой высоты, на которой медленно летел воздушный шар, офицер потерял сознание. Главный Визирь хотел было позвать на помощь, но тут же опомнился и сообразил, что надо делать: незаметно от всех перекинул друга за борт... Потом побелел, как бумага – вспомнил о дружбе, но было поздно. Главный Визирь вообще славился невероятной находчивостью, кроме того, он всегда гордился своим великим предназначением и гениальностью...

Но офицерик весил мало – чуть за двести килограммов, в то время как остальные превышали

отметку пятьсот, поэтому его потери на борту никто и не заметил. Шар опускался всё ниже и ниже.

– О! Зачем, зачем вы отобрали у меня Музыку? – вопил Последний Композитор.

– Идите вы к чёрту со своей музыкой! Нам скоро еды не хватит, а тут ещё музыку какую-то выдумали... Я твоей музыки не слышал ни разу, да и не нужна она вообще!

Последний Композитор не мог ничего поделать. К сожалению, он не умел даже петь, так как с недавних пор композиторы в принципе утратили голос... Он было начал сипеть «сердце красавицы», но поднялся такой шум, что Композитор решил – лучше помолчать...

Все гудели и толкались, но тут раздалась команда «Слушай сюды!»:

– Срочно выполнить безотлагательное поручение: сбросить за борт все оставшиеся Вещи, или, как величают безумцы «Культурные ценности», или мы разбиваемся!!!

Указание немедленно привели в действие, и последняя Культурная Вещь – Живопись – была позорно скинута вниз; но шар всё равно опускался.

– Смотрите! – взвизгнул тоненьким голоском Главный Визирь, – под нами шумит море! Боже, я не умею плавать! Потонут все мои таланты!!! И зачем я только сбросил ещё в начале нашего путешествия единственного Пловца?

– Это самое страшное море на Земле! – гордо произнёс Географ, – это Море Невежества! Сколько людей потонули в нём безвозвратно! Нас ожидает та же участь.

– Нет!!! Нет, ни за что! Я не хочу умирать! – возопил Главный Визирь, я боюсь Моря Невежества! Спасите, спасите!!! Я прожил ещё только тридцать семь лет!

– Давайте напишем прощальное письмо, – предложил Последний Писатель, – я чувствую, мы всё равно погибнем; и пожалуй, надо спешить – через три минуты нам конец! Море невероятно близко!

– Дайте бумагу!

– Бумаги нет, вы же сами вчера дали приказание её выбросить. Есть только туалетная!

– Дайте туалетную!

На жалком обрывке туалетной бумаги неровными каракулями было накарябано:

Прощайте все! Прощайте таланты, карьера и Моя Гениальность! Я погибаю... Все мы тонем. Если кто-то когда-нибудь прочтёт это письмо,

вспомните, сколько гениев страшной смертью погибло в Море Невежества!

Ваш Г.В.

Когда Главный Визирь дописывал последние строчки, шар уже начал опускаться в воду...

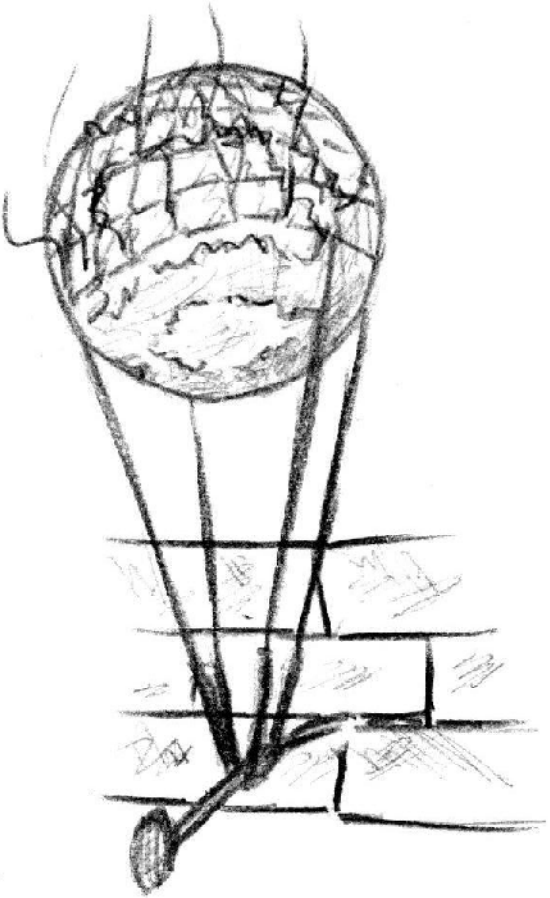


Рисунок Андрея Демьяненко

...Хотя мне кажется, что искусство и есть шар, поднимающий людей. А вот поднять искусство может не каждый... Литература, музыка, творчество в целом – поднимают шар, а опускает его обратное – видимо, не деятели искусства, а искусственные деятели... о них и рассказала Василиса?.. (прим. ред. О.Т.)

ПРАВАЯ СТОРОНА

КАЛЕРИЯ СОКОЛОВА

@@@

Мы встречаемся завтра, когда отшумит на вокзале
Многоликой толпы бестолковая бурная речь.
И запомнит рука, как ладони её пеленали,
От невзгод и печали пытаясь укрыть, уберечь.

И запомнит щека щекотание белых гвоздичек,
И запомнят глаза очертания чёрных домов,
Ореолы вокруг фонарей, и огни электричек,
И ободранный осенью ясень, сутул и суров.

И на несколько суток, тобою наполненных, память
Отодвинет вчерашний кошмар, где склоняюсь к ***не быть****,*
И на несколько суток уютными станут дома. Ведь
Мы встречаемся завтра. До этого стоит дожить.

Бывает, что пароль от собственной психики потерян или кем-то (!) сменен. И требуется ремонт не только подвижного в каких-то там мифических депо, но и ремонт сознания, мыслей, помыслов, судьбы. Именно поэтому мы ввели новую рубрику Депо. В ней авторы открывают секреты поломок и специфических ремонтов.

ВЛАДИМИР ДОРОЩЕВ

О ТОМ, КАК МОЙ САЙТ СОШЁЛ С УМА

СОЕДИНЕНИЕ ЗАВЕРШИЛОСЬ УСПЕШНО. МОЙ КОМП ПОДКЛЮЧИЛСЯ К СЕТИ.

(Волк был для них всем – братом, отцом, учителем и другом. Он был старше их. Он их вскормил, вырастил, выучил, взрослил. Они глядели на него, внимали ему и слушались во всём. Он был умнее всех, им казалось, что умнее Волка никого больше нет. Это было сильное ощущение. Они верили Волку. С детства. Потом выросли и уверовали больше.

Волк был революционер. Инстинктивно, интуитивно, органически и логически. Им думалось, что круче Волка в этом деле нет.)

Я ЗАПУСТИЛ БРАУЗЕР. ВЧЕРА УСТАНОВИЛ НОВЫЙ. GOOGLE CHROME. БЫСТРО РАБОТАЕТ. ДАЖЕ НЕ ОЖИДАЛ ОТ НЕГО ТАКОЙ ПРЫТИ.

(Их было трое. Дима, Максим и Саша. Волк подобрал их на улице, когда им было пять лет. Он и тогда был Волком. Но молодым. И не таким серым. И с тех пор прошло пятнадцать лет. Волк сам был революционером и их тоже сделал революционерами.)

НАДО ПРОВЕДАТЬ СВОЙ САЙТ. Я НАВЁЛ КУРСОРЧИК НА ЗАКЛАДОЧКУ И КЛИКНУЛ.

(Они понимали, почему надо бороться. Волк разъяснял им это в течение многих лет. Он воспитал их в этом духе. Иначе они думать не могли. Волк знал ВСЁ, а они верили Волку.)

КЛИК-КЛИК… УДИВИЛСЯ. МОЙ САЙТ ВООБЩЕ-ТО НЕЗАТЕЙЛИВЫЙ ТАКОЙ. Я НА НЁМ РАЗМЕСТИЛ СВОИ ТЕКСТЫ, ВИДЕОФАЙЛЫ И АУДИОФАЙЛЫ. СТРАДАЮ ИСКУССТВОМ, ТАК СКАЗАТЬ. ТВОРЧЕСТВО МОЁ РВЁТСЯ НАРУЖУ. ВОТ И НАШЁЛ СЕБЕ

ОТДУШИНУ. УЖЕ КАК ГОД ОН ВЫГЛЯДИТ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ, НО СЕЙЧАС… СЕЙЧАС ЯВНО ЧТО-ТО ТУТ НЕ ТО…

(Волк работал телохранителем высших особ политического аппарата. Его очень ценили, он был великий профессионал. Волк вырастил их, и они тоже стали профессионалами. Волк смог это сделать. И в свои молодые годы, едва отслужив в армии, они тоже стали охранниками высших персон власти. С протекции Волка, разумеется. Нет, они вместе не работали. Это было нельзя. Но они и не добивались этого. Хватало того, что они были допущены туда, куда им самим было нужно.)

ГЛАВНАЯ СТРАНИЦА МОЕГО САЙТА ВСЕГДА БЫЛА СКРОМНОЙ. НАЗВАНИЕ САЙТА, НЕСКОЛЬКО ФОТОГРАФИЙ И ПЕРЕЧЕНЬ РАЗДЕЛОВ, КУДА Я ВЫЛОЖИЛ ТЕКСТЫ, ВИДЕО– И АУДИОФАЙЛЫ. ТЕПЕРЬ ЖЕ НА ГЛАВНОЙ СТРАНИЦЕ ПРОИСХОДИЛО ЧЁРТ ЗНАЕТ ЧТО. КАКИМ-ТО ОБРАЗОМ ОДИН ВИДЕОФАЙЛ И ТРИ АУДИОФАЙЛА ПЕРЕМЕСТИЛИСЬ ИЗ СВОИХ РАЗДЕЛОВ ПРЯМО НА ГЛАВНУЮ СТРАНИЦУ. В САМЫЙ ЦЕНТР.

(Сначала они узнали о А-3. Волк сказал:

– Этот препарат разработан в секретных лабораториях государственного назначения закрытого типа ЗП-8Б. Вы знаете, где это. Это знание делает вас непростыми смертными. Дальше. А-3 – это газ. Концентрат весом в триста грамм при попадании в зону воздуха, где присутствует кислород, распространяется в радиусе двухсот метров и действует около десяти-пятнадцати минут. Потом он резко и мгновенно теряет свои свойства. А-3 действует на психическую систему человека и всех живых существ, известных доныне. Человек, попав в зону воздействия А-3, сходит с ума, и не просто сходит, а сознательно и явственно пропадает неведомо куда. Тело его остаётся. И сам он тоже остаётся живым. Одного применения А-3 хватает, чтобы человек сошёл с ума и оставался в таком состоянии до самой смерти. Противоядия, так сказать, от А-3 в природе не существует. У меня в наличии две капсулы, – Волк показал две капсулы. – Разных ёмкостей. В одной три грамма, в другой – стандартно, то есть, все триста. Этому препарату пять лет.

Потом они узнали, как осчастливить мир. Волк сказал:

– Я потратил десять лет на то, чтобы найти наиболее идеальный вариант изменения жизнедеятельности всей Земли. В идеальную сторону. Я нашёл этот вариант. Стоит лишь его реализовать, и в обществе надолго – на двести-триста лет – наступит золотой век. Конечно, не сразу, а постепенно. Вариант имеет следующие условия. Среди политического состава нашего государства имеется особая группа, состоящая из двенадцати человек. Они – воротилы

большой политики. Власть в стране сконцентрирована в их руках. Они – фактические хозяева нашей страны. Они известны и неизвестны, их не показывают по телевизору, их имена знают многие, но очень немногие знают, что это за люди. Вы их тоже знаете. Мы являемся их телохранителями. Они занимают не такие уж высокие должности, но выше их в нашем государстве нет никого. Первоначальная и основная стадия моего варианта состоит в отстранении нужных нам пяти человек из этой политической группы. Их имена вам тоже известны. Мы являемся охранниками этих пяти персон. Личными охранниками. Вариант не предусматривает их физическое уничтожение или похищение и последующее заточение в каком-либо месте. Вариант не предусматривает каких-либо других мер. Вариант предусматривает только одно – эти пять человек должны сойти с ума. И только так. В один день., в течение шести часов. Если нарушить хотя бы одно из условий этого варианта – вариант не сработает.

У нас есть А-3, мы знаем, кто эти пять человек. Мы допущены к ним. И мы должны сделать это. Ради общего блага. Должны. Даже ценой нашей жизни. Пусть даже это благо будет длиться двести-триста лет. Пусть даже это благо стандартизируется общепринятыми идеальными понятиями о человеческом благе.)

ВОТ ЭТО ДА… КАК ЖЕ ЭТО ПРОИЗОШЛО? КАКОЙ-ТО НЕПОНЯТНЫЙ СБОЙ?

(Наши хозяева собрались в чистом поле что-то обсудить, решить. Мы, конечно, поехали с ними. Их было только четверо, никого лишних. Хозяин Волка был на своей даче. Волк был с ним.

Сейчас наши боссы стояли недалеко от своих машин и тихо беседовали. Мы были ещё дальше от них, так нам велели. И наблюдали.

Сашка позвонил по сотке:

– Волк, по-моему, настал момент.

– Приступайте, -ответил Волк.

Сашка отключил телефон. Посмотрел на меня. Я засунул правую руку в карман и нащупал капсулу.

Хозяева ничего этого не видели.)

НАДО РАЗОБРАТЬСЯ. И Я ПОПЫТАЛСЯ. ПОПЫТАЛСЯ ПРОСЛУШАТЬ, ПРОСМОТРЕТЬ И СКАЧАТЬ ЭТИ ФАЙЛЫ. НИКАКОГО ТОЛКУ.

(Волк знал, что сейчас шеф один и читает книгу. Он поднялся по лестнице на второй этаж и вошёл в библиотеку. Хозяин сидел в кресле. Увидел Волка и отложил книгу в сторону.

– Пришёл? – усмехнулся хозяин. – Ну и как ты поступишь? Сначала ты ударишь меня, чтобы я отключился и не кричал?.. Кстати, у тебя капсула с

детонатором? Да? Тогда ты, наверное, включишь его и оставишь около моего неподвижного тела. А сам уйдёшь. Через пять-шесть секунд капсула ворвётся. Так?..

Волк молчал.

– Ты думал, что мы не узнаем об этом жалком заговоре? Кто твои сообщники – неизвестно, но сейчас они, видимо, тоже наготове. Боюсь, если они уже поспешили, им не удастся спастись, как, может быть, удастся тебе…

Хозяин коротко рассмеялся.

– Ты всё отлично продумал, но в твоей схеме политического обновления человеческого общества присутствуют явные проколы. Хочешь, я скажу какие? Кстати, – шеф вытащил из ящика письменного стола небольшой флакончик. – Это анти-А-3. Держу пари, ты об этом не знал.

Хозяин отвинтил крышку флакона. Спустя секунды две Волк почувствовал лёгкий незнакомый запах.

– Действует в течение сорока пяти минут, – пояснил босс. – Проверим?

Волк достал капсулу, уронил её на пол и наступил на неё. Послышался негромкий хруст стекла. Волк ждал почти полминуты, но ничего не произошло. И в течение минуты тоже.

– А ты не верил, – покачал головой босс. – Интересно, где ты добыл А-3? Во всём мире его только всего пять тысяч грамм… Может, ты хочешь прикончить меня? В отместку?

Волк молчал.

– Даже если бы мы все впятером сошли с ума, ваш план всё равно не удался. Времени у нас ещё достаточно, так что я расскажу тебе, в чём заключалась ошибка твоего интеллектуального мышления. Мне доставляет удовольствие беседовать с гениальными безумцами типа тебя… Итак, согласно твоей схеме, этапы экономики…)

ЭТИ ФАЙЛЫ НИКАК НЕ ХОТЕЛИ ПРОСЛУШИВАТЬСЯ, ПРОСМАТРИВАТЬСЯ И СКАЧИВАТЬСЯ. ОНИ СЛОВНО ВЗБУНТОВАЛИСЬ.

(Примерное расположение было такое – хозяева стояли к западу от машин в сорока метрах от них, а мы находились к югу от машин на расстоянии шестидесяти метров от них. Волк что-то не звонил, и мы беспокоились. Сашка ему позвонил сам, но никто не ответил.

– Ничего не понятно, – казал Максим, достав платок и вытерев пот со лба.

Я кивнул.

– Может, нам начать?

Сашка только хотел что-то сказать, как мы увидели, что боссы наши всполошились. Один из них отнял руку с телефоном от уха. Видимо, им

только что позвонили. Они несколько раз глянули в нашу сторону и заспешили к машинам. Мы поняли, что это значит. И рванули к ним наперёд. Боссы тоже прибавили скорость.

На бегу я достал капсулу и швырнул её вперёд. Боссы заметили это и побежали в разные стороны. Мы тоже разделились, да так, чтобы помешать им выбежать из зоны воздействия А-3.

Я бежал и понимал, что мне потом будет конец. Я сам в данный момент находился в зоне и уже сейчас подвергался воздействию газа.

– Левее! Левее!

– Держись левее!

– Что ты говоришь?!

Я удивился. Чьи это голоса? Но не остановился.

– Ты что, не видишь?

– Там! Там!

– *Куда ты пошёл?!*

Голоса явно мне были незнакомы. Тут я заметил, что бегу по чёрным точкам средь белого фона. Я остановился.

– Ха-ха-ха!

– Это ты?

– Правая, правая!..

Вокруг белое пространство. Белое, как бумага. И слышатся голоса. И мелькают фрагментами кадры из каких-то людей, полузнакомых.

Голова закружилась оттого, что я не могу понять, где я и что со мной творится…)

ПРИДЁТСЯ ПОСТАВИТЬ ЭТИ ФАЙЛЫ НА МЕСТО. Я ВОШЁЛ В ОТДЕЛ РЕДАКТИРОВАНИЯ САЙТА.

(*…Зашёл в дом. В прихожую. У меня было такое ощущение, словно я гнал. Накурился или наглотался наркотиков. Но я не беспокоился. Я только что ведь из больницы. Меня там еле успели откачать.*

Потом я вошёл в зал и посмотрел в зеркало. На самого себя. Потрепал свои волосы рукой. Я заставил себя улыбнуться.

На стуле сидел Волк. Молчал и глядел на меня.

– Нет, – сказал я ему. – Я не убивал себя. Честное слово.

Он ничего не ответил. Взора не отвёл.

Мне показалось, что я обманул его. Но так только казалось. Чувствовалось, что Волк насторожен и что-то подозревает…

…Сидели на корточках и разговаривали. Максима должны были скоро упрятать за решётку. Поэтому он был не в духе.

Я спросил:

– Интересно, почему меня не судят? Сашку? Волка? Только тебя одного.

Максим пожал плечами.

– Этого я не знаю.

– Сколько обещают?

– Пожизненно.

– А право на амнистию?

– Неизвестно.

– Как же это так? – вздохнул я.

Максим улыбнулся:

– Да ты не волнуйся. Обойдётся… Я уже успел познакомиться с одним. Он в соседней камере сидит. Пахан, урождённый зек. Он беседовал со мной.

– О чём же? – я тоже улыбнулся.

– О моих убеждениях.

– И что он говорит?

– Что я – настоящий КАННИБАЛ.

Мы засмеялись…

…Шёл по тюремному коридору, вокруг было много людей, я искал Максима. Нашёл его в переполненной молодыми парнями комнате. Максим лежал на нарах, закинув руки за голову. Я опять почувствовал себя виноватым за то, что только он один понёс наказание.

– Тебе очень тяжело? – спросил я.

– Тяжело, – не отрицал он. Голос его был грустным.

Потом он спросил:

– Димка, у тебя не бывает такого ощущения, что всё происходит не так, как надо?

Я не понял его. Удивился:

– То есть?

– Ну, всё происходит не так, как должно быть в реальности… У меня вот такое ощущение.

– Нет, – сказал я. – У меня ощущение, что всё вполне реально и нормально. А почему ты спросил?

– Не знаю… Мне так кажется…

Я подумал.

– Ты знаешь, Максим, мне это и в голову не приходило…

…Вынул книгу из полки и раскрыл на содержании. Сначала шли главы о том, как мы хотели изменить мир и применили А-3. Потом следовали главы о том, что с нами случилось дальше. Их было много. Похоже, целая эпопея, растянутая на много лет. Это повествование о нас. Интересно почитать…

…Секретарша подаёт хозяину Волка стакан с виски. Она встаёт позади его кресла. Она стройная и молодая девушка. Но сейчас хозяин хотел Элизабэт – свою горничную. Этой женщине лет под сорок пять. Она маленькая, робкая, спокойная, тёмненькая и очень стесняется. Она даже боится хозяина. Он же гладит её, говорит комплименты, усаживаёт её на свои колени. Их дыхания внезапно становятся учащёнными, чувства невероятно обостряются, что становится ясно – всё произойдёт мгновенно и подобно резкому взрыву. И тут они замирают и застывают в таком состоянии, словно они теперь – изображение на фотографии…)

Я УДАЛИЛ ЭТИ ФАЙЛЫ С ГЛАВНОЙ СТРАНИЦЫ И ОБРАТНО ПОМЕСТИЛ ИХ В НАДЛЕЖАЩИЕ СТРАНИЦЫ. ТЕПЕРЬ ВСЁ В ПОРЯДКЕ. БУНТ, ТАК СКАЗАТЬ, ПОДАВЛЕН, ВРАГ ПОВЕРЖЕН.

(**…В ЭТОТ МОМЕНТ УБИЛИ ДЖОНА КЕННЕДИ. ВЫСТРЕЛОМ. В ДАЛЛАСЕ, В 1963 ГОДУ, 22 НОЯБРЯ…**)

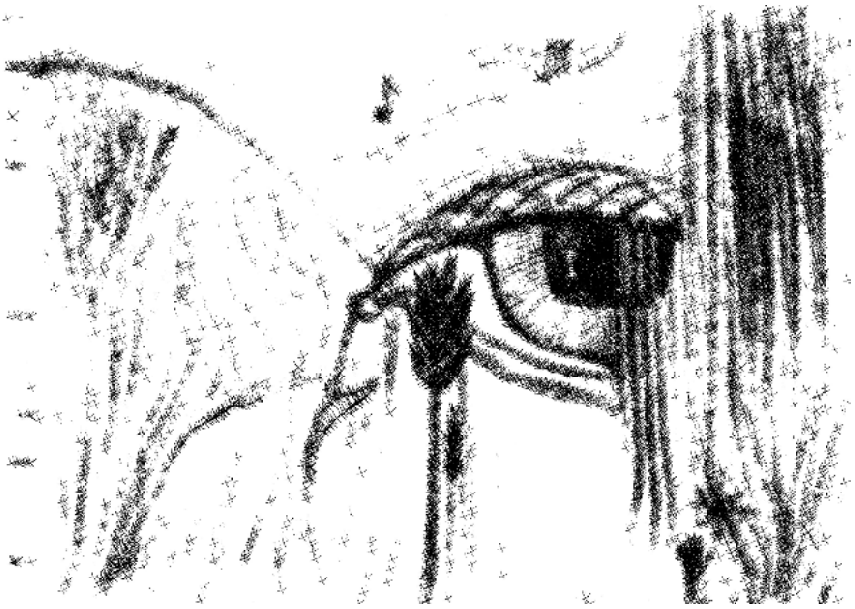


Рисунок Ольги Туркиной

ЕЛЕНА ШИПИНА

ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ

«ПОЭМЫ В СЕМЕЙНЫХ ЛИЦАХ»

МАТЬ

(подготовка к сдаче учебного плана)
От компьютера истома,
Глаз саднит, болит рука.
Третий день сижу я дома
И не вижу облака.

Вижу небо на экране,
Да и то всё в ярлыках.
Полежу, пожалуй, в ванне,
Оттянусь чуток в нирване –
Пять минут на облаках.

СТАРШИЙ СЫН

(фантазии)
За окном моим неон.
На столе чаёк, лимон.
Тихо светится экран.
Где-то движется твой стан.
Он в джинсе или в шелках?
Что звучит, попса иль Бах?..

Поэтесса-сетевичка!
Приоткрой же своё личико!
Глазки, ротик покажи,
Слово устное скажи,
Молви русским языком,
Без приколов. А потом…

Сбрось хотя бы телефон,
Если, сволочь, ты – не Он!..

За окном горит неон,
Выпит чай, на дне лимон.
Загасил мой комп экран.
Пусть приснится мне твой стан.

МАТЬ

(колыбельная компьютеру)
«Мышка» спит, поджала хвостик.
Красный глазик приоткрыт.
Сын ушёл, а с ним и гости,
Хочет есть котяра-Быт.

«Мышка», спи, не лезь под руку,
Дай «котяру» накормить.
Я смогу, я через муку,
Хватит сил играть, любить…
<…>

ДЕТСКАЯ РЕЧЁВКА:

Контрл шифт! Альт шифт!
Миф о Нео не фальшив!

МАТЬ

(полубред от усталости)
В душе рябит от дней, как в журнале регистрации в клеточку.
Даже когда закрываешь глаза, дрожит их недельная сеточка –
«Шахматка», как её называют ППС и студенты.
Не полосатая жизнь, а рябая:
мельтешение файлов, фрагментов, моментов…

Боже, боже, да когда же всё это закончится?!
Но признаться себе,
что устал окончательно,
всё же не хочется...
Что, как диск, прожжённый насквозь,
информации более не приемлешь!
Приткнуться, зарыться на сотню лет!
Да куда ж?! Не в землю ж!

МАТЬ

(в каждой шутке есть доля шутки)
Люли, люли, три гудочка…
(из народной песни)
Ох, мама, не горюй!..
Люблю. Люблю! Лю-б-лю –
Томится поцелуй
В узилище двух лю.
…Нехлюдов, люди, глюк…
Мне, кажется, каюк.
А Вы через «блутус»:
«Прости, себя блюду-с».

ЕГОР АВИНКИН

ЧУДЕСНАЯ СТРАНА

Рисунок Ольги Туркиной

Поверьте мне на слово, а лучше запишите – коты всегда умнее своих так называемых хозяев. Даже если кот кажется круглым дураком, это ни в коем случае не соответствует действительности. Просто вы недостаточно прозорливы, чтобы разгадать его хитрость. Зачем ему демонстрировать свой интеллект и образованность? Какой смысл? Этим он лишь поставит хозяина в неловкое положение. Судите сами. Любой кот в совершенстве знает основы квантовой физики и органической химии. Он может в уме решать логарифмы и извлекать корни из шестизначных чисел. Не говоря о том, что любой мало-мальски уважающий себя кот владеет хотя бы десятью иностранными языками! Скажите, много ли на свете людей, способных похвастаться такими же познаниями?

Что уж говорить об умениях, попросту недоступных человеку. Например, телепатия, называемая просто «Единый кот». Или способность общения с духами. Очень утомительная способность, к слову говоря. Хотя иногда и полезная.

Поэтому воспитание котов и их врождённый такт не позволяют им кичиться своим превосходством перед человеком, так искренне любящим их и убирающим за ними туалет. Что, однако, не мешает им относиться к людям с некоторой долей иронии и снисхождения. Некоторые консерваторы даже называют людей своими домашними животными. Разумеется, таких меньшинство. Прогрессивные коты уважают людей и выступают за мирное сосуществование и разделение обязанностей. За человеком закрепляются хозяйственные функции. В компетенцию же кота входит создание благоприятной атмосферы в жилище, налаживание контактов с добрыми

духами и отпугивание злых, а также забота о физическом и моральном здоровье человека. Следить за этим необходимо в обстановке полной секретности, чтобы у человека не возникло ни малейшего подозрения. Так спокойней, право слово. Кто знает, что ему в голову может взбрести.

Так и живём.

А теперь, собственно, и начинается наша история.

Крымов вошёл в номер и разбудил спящую Алику. Он начал в спешке собирать вещи, при этом уговаривая её бежать с ним. Как он выразился, «заметать следы». Но Алика сказала, что никуда не поедет. Крымов понял причину отказа. Он достал из кармана фотографию и бросил её девушке на колени. Он сказал, что Бананан уже мёртв и лежит на дне моря. После этого он ушёл в ванную. Алика плакала. Вытерев слёзы, она достала из ящика спрятанный там пистолет и, неумело держа его в руках, несколько раз выстрелила Крымову в спину. Его окровавленное тело упало в ванну. Алика вернулась в комнату и зарылась в кучу одежды на кровати.

Вскоре появилась милиция. Мёртвое тело вынесли наружу. В номере остались Алика и два следователя. Девушка попросила у них разрешения поставить кассету – ту самую, которую ей когда-то дал Бананан. Следователи не возражали. Алика включила магнитофон и зазвучала песня группы «Браво» – «Чудесная страна».

Недавно гостила в чудесной стране,
Там плещутся рифы в янтарной волне.
В тенистых садах там застыли века,
И цвета фламинго плывут облака.

Песня закончилась. Экран почернел, и на нём появились титры:

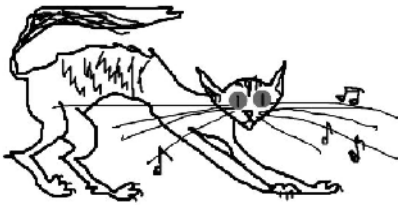
«…Но это не конец истории. Было бы несправедливо не рассказать, что было дальше. Впрочем, всё только начинается».

На этом моменте Сергей нажал на «стоп» и остановил фильм. Помолчал, подперев голову кулаком. Затем, вдруг вспомнив о моём существовании, повернулся ко мне и почесал меня за ухом. Я блаженно растянулся на подоконнике, всем видом одобряя его действия.

«Ну что, Кешенька? Заснул? Ну кто тут мой котик? Кто тут мой пушистый?»

Ну я, я. Кто же ещё? Не хватало только, что бы ты других котов за ухом чесал.

Ну а то, что я заснул – тут уж ты сам виноват. Я, конечно, «Ассу» люблю, хороший фильм (хотя у



Граффити Ольги Туркиной

Соловьёва и получше есть), но ведь я же её наизусть знаю. Ты её каждый вечер смотришь. И каждый раз концовку опускаешь. Ту, в которой Цой на сцену выходит и перемен требует. Вот её бы я посмотрел, уж очень давно не видел. К сожалению, каждая попытка кота воспользоваться пультом от телевизора всегда вызывает у людей шквал возмущения. «А ну перестань, хулиган!» Как им объяснить, что по другому каналу сейчас идёт Феллини, смотреть которого намного приятней, чем выпуск новостей?

Сергей пошёл на кухню и закурил. Пришлось и мне вставать с тёплого подоконника и трусить за ним.

Ах, Серёжа, зачем ты так много куришь? Невыносимая привычка. За год жизни с тобой я и сам, кажется, провонял табачным дымом насквозь. И вообще, что-то ты отвлёкся. Философия философией, но о насущных делах забывать нельзя.

Я сел перед холодильником, посмотрел на него, потом вопросительно на Сергея. Но тот слишком глубоко погрузился в раздумья. Я подождал с минуту, потом потёрся о его ногу. Он отрешённо погладил меня от головы до основания хвоста. Мур, это приятно. Но я имел в виду несколько иное. Ладно, плевать на гордость. Я жалобно мяукнул, глядя ему прямо в глаза.

Рисунок Ольги Туркиной

«Ой, да ты ж голодный. Сейчас покормлю».

Вот так-то. Это урок всем на будущее – кот всегда добьётся своего.

Я начал ужинать, а Сергей – насвистывать мелодию «Чудесной страны».

Забавный ты человек, Сергей. Каждый день делаешь одно и то же. Ни свет ни заря уходишь на свою нелепую работу, занимаешься там никому не нужной ерундой (мне об этом офисная кошка Маруся по «Единому коту» рассказывала), а потом приходишь домой и в который раз смотришь свою «Ассу».

«Кеша, а ты знаешь, почему я не могу перестать смотреть этот фильм?»

Я вздрогнул. Никак такого не ожидал. Хотя кот Василий из третьей квартиры и предупреждал меня о чём-то подобном. Его хозяйка, дряхлая пенсионерка, уже давно научилась настраиваться на мысли своего питомца. Не читать, разумеется, до такого люди ещё не доросли. Но чувствовать и

спонтанно реагировать – да, бывает. На такое способны люди настолько одинокие, что другое общение им попросту недоступно. Вот и мой Сергей научился.

Ну что ж, пообщаемся. Я запрыгнул на свободный стул и с интересом взглянул ему прямо в глаза. Но он этого, кажется, не заметил.

«Знаешь», – сказал Сергей, глядя в окно, – «меня завораживает эта «чудесная страна». Люди могут погибать, судьбы – рушиться. Всё может быть очень плохо, хуже некуда, но всегда есть возможность спрятаться в чудесной стране».

С этими словами он закурил очередную сигарету. Дым попал мне в лицо, и я с недовольным фырканьем скрылся под кухонным столом. Ну как можно дискутировать в подобных условиях. Мне есть что сказать, но делать это, сидя под столом и глядя на протёртые коленки собеседника – нет уж, увольте.

Сергей потушил сигарету, немного побродил по квартире и, наконец, лёг спать. Я запрыгнул на кровать рядом с ним, помассировал точку на его ноге, чем облегчил ему ноющую головную боль, затем отогнал от него все мрачные мысли и улёгся в ногах. Через несколько минут Сергей умиротворённо заснул. Мне спать ещё не хотелось, и я пошёл прогуляться по квартире.

Бытует мнение, что коты спят весь день. Разумеется, это мнение (как и большая часть мнений о котах) не имеет под собой никаких оснований. Тут мы имеем дело с терминологической путаницей. То, что кот лежит на месте с закрытыми глазами, вовсе не означает, что он спит. На самом деле, он общается с другими котами посредством «Единого кота». Я могу связаться с любым котом на свете и через него прочитать любую книгу, посмотреть любой фильм и увидеть любое место на Земле. А также я могу просто потрепаться с этим котом. А действительно спим мы очень мало, не больше четырёх часов в день.

Итак, спать мне не хотелось. Я вернулся на кухню и дочиста вылизал миску. Затем шикнул на двух вредных копошившихся барабашек – от испуга они выпрыгнули сквозь окно и повисли на карнизе, злобно поблёскивая глазёнками.

Рисунок Ольги Туркиной

Не люблю этих пакостников. А особенно невзлюбил после одного случая, когда я погнался за одним из них и, не рассчитав траекторию, случайно опрокинул вазу со стола. Сергей потом долго ругался – как будто я нарочно это сделал. Ваза, кстати, была на удивление уродливой, так что мог бы и спасибо сказать.

Барабашки вредные и неугомонные. От них одни неудобства. Другое дело – призрак старой графини, обосновавшийся за холодильником. Умная, образованная женщина, с ней бывает интересно поболтать бесконечными зимними ночами. Я учтиво поздоровался с ней. «Доброй ночи, Иннокентий», – проговорила она и степенно выплыла на улицу. Сегодня она была немного не в духе. Придурковатый сосед, весь день сверливший стену для своих непонятных нужд, порядком утомил всех обитателей дома, и живых, и мёртвых. Надо будет на него этих барабашек натравить.

Завершив свой ежедневный обход и убедившись, что всё в порядке, я подошёл к приоткрытой двери в ванную комнату, зашёл внутрь и скрылся под ванной. Там, в пыльной стене была дырка, вентиляционная отдушина, которая вела прямиком в чудесную страну.

В шесть часов утра зазвенел будильник. Сергей подскочил на кровати. Я был уже рядом, приветствуя его уютным мурчанием. Он гладил меня по шкурке, пытаясь прийти в себя после сна.

«Доброе утро, Кеша. Как спалось?»

Спасибо, не жалуюсь.

«Ну что ж, не пора ли нам позавтракать?»

Ничего не имею против.

Трапеза прошла в обстановке дружеского веселья. Сергей был в приподнятом состоянии духа и развлекался тем, что выдумывал различные варианты моего имени, которые приходили ему в голову: «Кешка», «Кешунчик», «Кешандр», «Кешаноид». Звучало глупо, но чертовски уморительно, я даже посмеивался про себя. Однако если бы кто-то из знакомых котов это увидел, я бы сгорел со стыда.

Однако идиллические посиделки рано или поздно подходят к концу, дезертируя перед надвигающимися трудовыми буднями. Пора было собираться. Сергей заметно помрачнел. Он не любил свою работу, да и вообще предпочёл бы не выходить из дома – намного комфортнее он чувствовал себя здесь, со мной. Уже взявшись за ручку двери, он обернулся ко мне и сказал: «Скучно мне, Кеша, скучно». Я умильно мурлыкнул, чтобы хоть как-то поддержать его, но он даже не улыбнулся.

«И что, она действительно такая чудесная, эта твоя страна?», – спросил Василий.

«Честное слово! Волшебная. Тенистые сады, изумрудные холмы. И море плещется. Всё как в песне».

«И вход под ванной?»

«Да. Он ветошью был закрыт, так что я его не сразу заметил. А потом как-то раз морду сунул и обомлел».

«Ну надо же, чудо какое».

Василий почесал у себя за ухом и на секунду выпал из беседы.

«Ты что же, не веришь мне?»

Василий, перевернувшись, подставил солнцу другой бок.

«Да нет, почему же? Слыхал я о таком. Рассказывал кто-то».

Я удивился. Не подтверждению моих слов, а полному отсутствию какого-либо воодушевления.

«Постой. Я тебе тайну открыл великую, тебе одному. А ты толком и внимания не обратил?»

Василий рассмеялся глухим старческим смехом.

«А на что мне твоя страна? Нас и здесь неплохо кормят. Я своё место нашёл, с Ангелиной Петровной. Здесь и помру. Ты пойми, друг мой, чудесная страна – она не для всех. Всем там тесно будет. Да и не нужна она всем. Вот ежели у кого совсем надежды не осталось, вот там ему и место. Как вот Сергею твоему. Мается, мается, а всё без толку…»

Василий зевнул, а я глубоко задумался.

Надежды у Сергея, действительно, было маловато. Жизнь его перевалила через экватор. Большой должности не заработал, жена ушла к другому – одна радость в жизни, кот любящий есть. А кому он такой, бедолага, кроме кота-то нужен. Всё мечтает, книги читает. Я лично ничего плохого в этом не вижу, а вот другие не одобряют. Затюкали моего Серёжу. Он уже из дома выйти боится.

«Слушай, а что же делать? Неужели его действительно… ну, туда… а?»

«Ну, Иннокентий, это ты уж сам для себя решай. Под твою ответственность».

«Позволь, Василий! Как же это называется? Сам меня к этой мысли подводишь, а потом на попятную идёшь? Ты выскажись ясней!»

«Не суетись. И не кричи. Старый я уже, нельзя на меня кричать. Я тебе повторю, что сказал – там ему самое место. А вот запихнуть его туда – это намного сложней. Тут уж никто за тебя не решит. Берёшь ты на себя такую ответственность? И потом, ты ведь своим мурчанием его под ванну не запихнёшь. Придётся ему открыться».

«Ой, а я ведь об этом не подумал».

«А ты подумай. Ладно, заболтался я с тобой. Чую, Ангелина Петровна

моя с магазина возвращается, сейчас рыбки вкусной принесёт. Бывай, Иннокентий. Всё, отключаюсь».

Василий вышел из «Единого кота», и я остался один.

Нельзя людям открываться. Ни в коем случае. До добра не доведёт. Люди привыкли смотреть на котов как на безмозглых животных, которые только едят, спят и иногда с глупым видом мяукают. Котов можно не стесняться. В их присутствии можно говорить и делать всё, что только заблагорассудится. Уму непостижимо, сколько разных непотребств мы за свою жизнь перевидали.

И представьте, в один прекрасный день кот вдруг заявит своему хозяину: «Привет». Ну сначала он в обморок грохнется, это понятно. А потом? А потом он поймёт, что всё это время был на виду у очень внимательного наблюдателя. Всё, что он в квартире натворил в одиночестве (ну или вдвоём с кем-то) – всё это оценивалось и обсуждалось всеми котами в округе. Какие чувства это может вызвать?

Я лежал на подоконнике и смотрел во двор. Там было пусто, только тётка из соседней парадной выгуливала свою овчарку по имени Джек. Такого развлечения нельзя было упускать. Я улёгся так, чтобы меня было лучше видно, и принял расслабленную позу.

«А, здравствуйте, Джек, добрый день. Вы гуляете?»

Джек поднял голову и посмотрел на меня.

«А я сижу один, как видите, скучаю, гляжу на облака и слушаю джаз».

Джек продолжал смотреть на меня, глаза его начали наливаться кровью.

«Это невыносимо, Джек. Ведь это хамство не отвечать, когда с Вами разговаривают!»

Джек не выдержал и разразился гнуснейшим лаем. Поводок натянулся, тётку потащило за своим озверевшим псом.

«Ах, какой Вы скучный тип, Джек. Ну Вас к чёртовой матери!» *(выше приведённые реплики – парафраз эпизода из «Мастера и Маргариты» – прим. ред. О.Т.)*

Он определённо разорвал бы меня на кусочки, если бы только мог допрыгнуть до второго этажа. И он был не прочь попробовать, но его хозяйка, наконец, взяла ситуацию в свои руки.

«Джек, а ну прекрати! Котов не видел, что ли?»

Джек огрызнулся в последний раз, понурил голову и пошёл за хозяйкой, осыпаемый моими едкими насмешками. Никогда не устаю над ним издеваться.

Ладно, Бог с ним, с глупым псом. Расслабился ненадолго, развеялся, теперь можно обратно к серьёзным делам возвращаться. Так на чём я там остановился?

Сергей. Серёженька мой непутёвый. Что же делать с тобой? Дилемма.

Оставить, как есть, или в новую, неизвестную жизнь увести? Есть ли смысл тебе здесь оставаться? На работу таскаться, там горький кофе пить и всяким дуракам улыбаться. Бумажки перебирать и в окно смотреть. Нет у тебя никакого движения в жизни, никакой мечты, только серость, пыль и старые фильмы по телевизору. Что тебя может здесь удержать?

Может, женщина? Да где же её найти? Ты и не бываешь нигде. Правда, на работе у тебя недавно новая девушка появилась, Надей зовут. Красивая, даже с чертовщинкой какой-то. Мы бы с ней общий язык нашли. Так ты же почти неделю с ней не разговаривал, бегал от неё. А всё потому, что, чудак такой, её своей галлюцинацией считал. Маруся со смеха покатывалась, когда об этом рассказывала. А вот мне не очень смешно было. И Наде, наверно, тоже. Правда, ты потом передо мной оправдывался, мол, не думал, что такие женщины красивые существуют. Решил, что совсем свихнулся на почве одиночества. Но даже тогда так храбрости и не набрался, не заговорил с ней.

Может, там тебе действительно будет лучше? Так сказать, ты заслужил покой?

Из прихожей донёсся еле слышный шорох. Я выбежал туда, ожидая увидеть очередного барабашку, но вместо него увидел кое-кого другого. На стене, прислонившись спиной к потолку, сидел Виктор Цой и курил. Позёр.

«Привет, Витя», – сказал я.

Он затянулся сигаретой и хриплым голосом сказал:

«Иннокентий, я давно хотел тебе сказать: коты в мире делятся на две категории. Одни лежат на подоконниках, а другие помогают своим хозяевам. На подоконнике лежишь ты».

«Так, понятно. Василий всё разболтал?»

«Ага. Попросил тебе помочь».

Он затушил окурок о стену и спрыгнул на пол.

«Ну что, решился?»

«Нет. Витя, не могу я в его судьбу вмешиваться. Вдруг он здесь ещё что-то сможет изменить?»

«Он фильм так и не досмотрел?»

«Нет. Каждый раз останавливает».

«Жалко. Ну, значит, перемены его не интересуют. Будем запускать».

Видимо, этого мне и не хватало. Какого-то импульса извне. Я стукнул лапой по полу и решительно сказал:

«Будем!»

Цой усмехнулся: «А как же ты его туда запихнёшь?»

А ведь он прав. Под ванну он не пролезет. И в дырку не протиснется.

«Эх, Кеша, всё мне за тебя думать приходится. Ладно, показывай свою

Граффити Ольги Туркиной

чудесную страну».

Мы зашли в ванную. Виктор взялся руками за обод ванны и с силой дёрнул на себя. Она сдвинулась на пару миллиметров.

«Ого! Я и не знал, что вы так можете».

«Можем. Не мешай».

Он продолжил дёргать неподъёмную ванну. Она медленно двигалась, скрежеща по полу. Посыпалась кафельная плитка, в воздухе поднялась серая пыль. Стараясь не мешать, я запрыгнул в раковину, немного не рассчитал и опрокинул на пол стеклянный стакан с зубной щёткой. Волнение возрастало. Я не выдержал и начал подбадривать Виктора криками «Давай, давай!», «Ещё немного!» и «Поднажми!». Виктор дёрнул с особым ожесточением, и чугунный край ванны задел висевшее на стене зеркало. Оно осыпалось на пол сверкающими осколками. Отступать было некуда. Сквозь пыль, из-за ветхой тряпки, закрывающей дырку в стене, уже начал доноситься слабый запах моря. «Витя, почти!» – заорал я. Он мог только раздражённо пыхтеть в ответ. Ещё чуть-чуть и…

Во входной двери начал поворачиваться ключ. Виктор отпустил многострадальную ванну и спрятался за решёткой вентиляции. Я выбежал в прихожую и увидел входящего Сергея. Он был не один.

«Знакомься, Надя. Это Кеша, мой кот».

«Какой рыженький!»

Она подошла ближе и протянула ко мне руку. «Здравствуйте, Иннокентий. Меня зовут Надежда. Приятно познакомиться».

Я принял её ласковые поглаживания, однако был вынужден убежать в комнату и спрятаться под диваном. Через несколько секунд Сергей увидит разгромленную ванную. Я бы предпочёл быть вне пределов досягаемости.

В таком позорном положении, дрожа от страха надвигающегося наказания, я и заканчиваю свой рассказ. Потом Сергей успокоится, и они с Надей даже сделают ремонт в ванной. Но это будет совсем другая история.

Граффити Ольги Туркиной

ИГОРЬ ПАВЛОВ

Пью в одиночестве я.
Нет никого у меня.
Нет ни друзей, ни подруг.
Есть только мой ноутбук.

Без ноутбука нельзя,
ведь у него есть друзья.
Там, запрокинув кадык,
с другом счастливый мой ник

пьёт, не снимая очки,
курит, читает стихи,
просто болтает, забыв,
что его нет, а я жив.

Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы, ехал поезд запоздалый. Из последнего вагона – вдруг посыпалось ЗЕРНО...

Стране необходимо зерно! Любой стране! И в каждом вагончике поезда особого назначения необходимое кушание...

ПЛАТОН БЕСЕДИН

Анатолий Дымант «Зёрна»

ЗЁРНА

СУП

Лютый промышлял тем, что уродовал Божьих тварей. Работу свою любил.

Он ловил акул, отрезал им плавники и швырял туши обратно в море. Изуродованная акула кровоточащим камнем шла на дно и в муках умирала.

Однажды Лютый влюбился в буфетчицу Клаву. Ухаживал, дарил цветы и, наконец, пригласил в

ресторан. Лютого Клава ненавидела, но, пообещав себе заказать самое дорогое блюдо, согласилась. Когда принесли заказ, уточнила:

– Это soupe de requin?

– Да, суп из плавников молодой акулы, мадам, – ответил официант.

Так родилась тема для разговора. Лютый начал рассказ о том, как именно добывают акульи плавники. По ходу повествования Клава бледнела, порывалась встать, а на моменте идущих ко дну акул её вырвало. Все взгляды посетителей обратились в их сторону, и Лютый в надежде разрядить обстановку ляпнул:

– Может, ещё супчика?

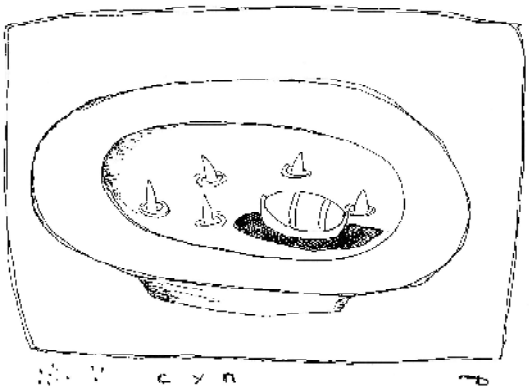
Клаву вырвало повторно. Сотрясаясь в проклятиях и рвотных судорогах, она выбежала из ресторана.

Лютый остался один. С разбитым сердцем и супом. И надо бы бежать за ней, но денег жалко. Потому Лютый доел суп и уже не столь опечаленный отправился домой…

Вечером следующего дня Клава, совершая вечерний променад по набережной, увидела, что лодка Лютого пустует.

– А где Лютый? Почему не в море? – спросила Клава у местного рыбака.

– Помер ночью. Отравился супом…



Анатолий Дымант «Суп»

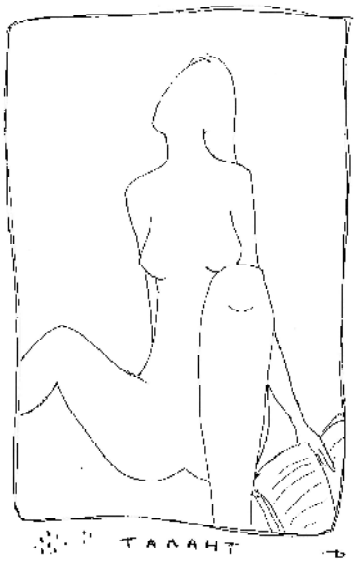
ТАЛАНТ

Актриса Юлиана Вишневецкая, урождённая Булкина, окончив театральное училище, по распределению попала в уездный театр имени Ивана Кочерги. И, не откладывая блестящую карьеру в долгий ящик, решила переспать с режиссёром.

Режиссёр театра, семидесятилетний властелин муз Аркадий Самуилович Разглядайко, инициативу поддержал и пригласил актрису в номера.

Закутавшись в простыню, Вишневецкая восторженно декламировала монолог Эсмеральды, а Разглядайко не менее восторженно ласкал взором её пышные формы. И, наконец, смятённый чувством, будто Клод Фролло, он кинулся на неё и заключил в свои старческие объятия.

Вишневецкая стонала, как могла. Её сладострастные стоны приводили



Анатолий Дымант «Талант»

режиссёра в столь неописуемый восторг, что от чудовищного напряжения он едва не схватил на актрисе инфаркт. После Аркадий Самуилович сказал:

– Да, милочка, у вас определённо талант. Если вы так же сыграете Дездемону, как имитируете оргазм, то вам будут рукоплескать стоя!

Так Вишневецкая получила свою первую профессиональную роль.

К дебюту она подошла со всей ответственностью, и помимо прочего репетировала персонально с режиссёром Разглядайко. Во время одной из репетиций режиссёр скончался от инфаркта. Дебютный спектакль отменили, и убитая горем Вишневецкая рыдала на похоронах режиссёра так горько, что заслужила сначала подозрение, а после сочувствие его жены.

Спустя неделю на место Аркадия Самуиловича из Москвы, по распределению, прибыл новый режиссёр Антуан Бубенчиков. Вишневецкая тут же предложила ему свою кандидатуру. Но Антуан привёз из Москвы не только чемодан с вещами, но и нравы, а потому предпочитал женщинам застенчивых юношей. После первой же репетиции он вынес Вишневецкой свой вердикт:

– Извините, милочка, но вы бездарность!

Оскорблённая Вишневецкая со скандалом покинула театр имени Ивана Кочерги. Покинула, чтобы услышать фразу Бубенчикова ещё двадцать шесть раз в театрах и киностудиях нашей необъятной родины.

И лишь спустя годы талант Вишневецкой получил признание. Ей дали приз в номинации «Лучший актёрский дебют» за фильм «Бл@довое побоище 3».

РЕМЕНЬ

Когда Симдянкина бросила третья жена, ситуация стала классической: его уволили с работы, он ушёл в запой и в итоге решил повеситься. Но в пустой квартире, где было пропито всё, не нашлось верёвки. К счастью, чудом отыскался ремень, купленный тридцать лет назад в ГУМе.

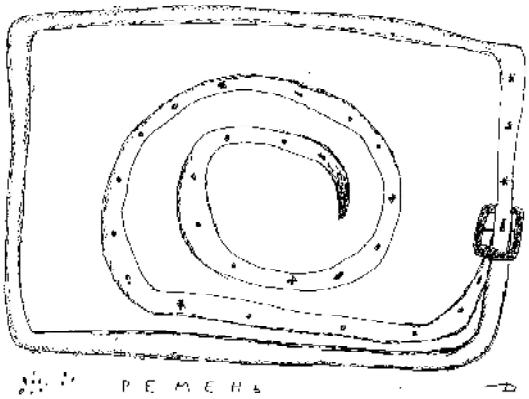
Симдянкин принялся приделывать его к потолку.

Внутренняя сторона ремня стёрлась до цвета ржавчины. Кожа

сморщилась. Но, в целом, ремень неплохо сохранился. Так добротно он был сделан.

Между фабричными отверстиями зияли уродливые дырки, которые Симдянкин проделывал сам, когда толстел или, наоборот, худел. Он даже помнил, как сделал некоторые из них. Эту, в форме расплющенного эллипса, он, исхудав на нервной почве, проковырял шилом после первого развода. Другую, звездообразную, когда располнел, вернувшись из больницы, где пролежал полгода с гангреной ноги.

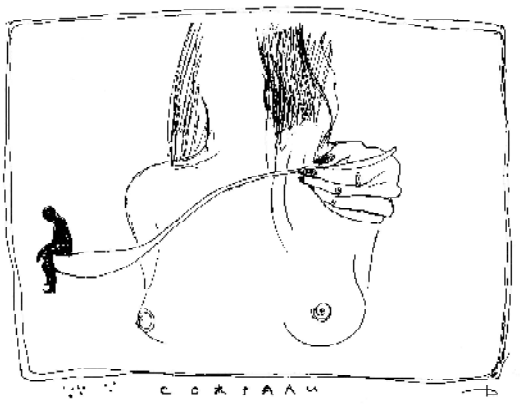
Прошлое захлестнуло Симдянкина. Самодельные дырки казались вехами его жизни. Он сам был, как этот ремень: сморщенный, старый, истёртый до нутра, но добротно сделанный. Такой ремень выдержит всё: баб, безработицу, предательство, пьянство. Не выдержит он только одного – сдачи в утиль за ненадобностью. Потому что финальная дырка ещё не поставлена.



Симдянкин вставил ремень в единственные штаны и пошёл в магазин за продуктами. В первый раз за последние шесть дней он собирался нормально поесть.

СОЖРАЛИ

Любимое блюдо женщин – мужчины. Они могут лакомиться ими вечно, с утра до вечера, кусок за куском. В народе говорят: «Жрёт мужика…»



Зайцев знал это на собственном опыте. Из десяти лет семейной жизни ровно половину он провёл в рейсах. Другая половина была

Анатолий Дымант «Ремень», «Сожрали»

сущим кошмаром. Вот и сейчас, будучи в Новой Зеландии, он не хотел возвращаться домой.

И тут ему на глаза попалась газета с заголовком «Спасём племя маори!». Людей в племени осталось немного, в основном, женщины. И правительство, мотивируя деньгами, решило привлечь мужской генофонд. А как ещё женить на бывших каннибалах?

Зайцев откликнулся на призыв. Его женили, дали вид на жительство и денежное пособие. За родившегося ребёнка озолотили дополнительно. Зайцев сидел дома и сутками смотрел Discovery. И от такой беззаботной жизни ушёл в запой.

На вторую неделю пьянства привиделось Зайцеву, что жена-маори хочет его съесть. Он гнал прочь эту фобию, но не выдержал, когда увидел, как его суженая полирует человеческие черепа. Боясь быть съеденным, Зайцев сбежал на родину.

Попросился к прежней жене. Та поворчала, но пустила, не забыв напомнить Зайцеву о его гнусном предательстве. Не забыла она напомнить об этом и завтра, и послезавтра, и ещё много-много раз…

От её постоянных упрёков и обвинений Зайцев стал увядать, слёг в неизвестной врачам лихорадке и на Пасху помер, прошептав напоследок:

– Сожрали-таки, падлы…

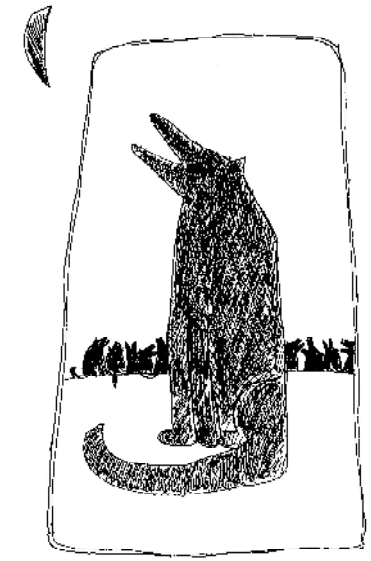
ЛАЙ

Звонко лает Петух. Я просыпаюсь. Петух – это соседский кобель. Так его прозвали, потому что он будит весь район каждое утро. Если он подал голос, значит, к нему пришёл Рекс, взлохмаченный пёс с торчащими, как два локатора, ушами. Они любят побеседовать утром.

Идя на работу, я встречаю Чарли. Чарли не лает – он являет миру себя.

– Здравствуй, – вальяжничает Чарли, разевая алую пасть.

Его приветствие – сигнал для других. За мной бросаются три шавки. Они будят округу, и та наполняется лаем. Взвизгивает, кружась на цепи, пятнистая дворняга. Чмыркает, будто больной



Анатолий Дымант «Лай»

туберкулёзом, грустный сенбернар. Что они лают моим преследователям? Советуют оставить в покое? Или наоборот – перегрызть мне горло?

После – завывания молодящейся суки. На ней малиновый поводок, в тон туфлям. Она недовольна моим отчётом. Её вой тормошит свору офиса. Срываются с цепи кобели и суки: молят о зарплатной миске и договариваются об обеденной случке.

Возвращаюсь в родную конуру, переступаю порог – на меня кидается рыжая болонка. Требует зарплату. Её вечернее гав-гав обязательно. Она не успокоится, пока не получит красивого ошейника. Её можно понять. Целый день в конуре с маленькими щенками. Но, в конце концов, мама советовала ей не выходить за дворнягу. Ведь был же тот, породистый…

…Она сопит, поджав под себя лапы, а я ворочаюсь, не сплю. За окном беспрерывно лают, перекрикивая друг друга. О чём, о ком они спорят?

Встаю, чтобы выпить воды. Подхожу к окну и смотрю на луну. Нет ни докучливых вшей, ни терзаний о жратве. И я начинаю выть. Беззвучно, про себя, чтобы никто не услышал. Чтобы никто не понял, что в этом мире есть что-то ещё, кроме лая.

БИЗНЕС

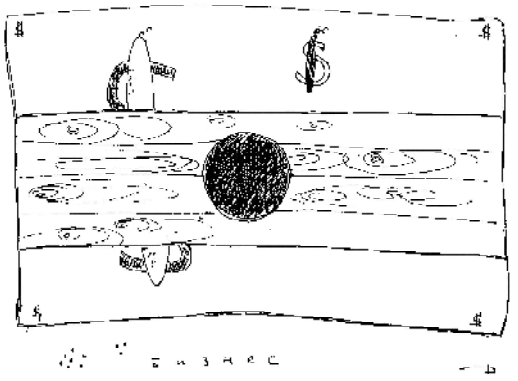
Кругом одни бизнесмены. Куда ни ступи – вляпаешься в бизнес. А я чем хуже?

Главное – правильно составить бизнес-план. Взять дёшево – продать дорого. Стало быть, дело в товаре. Провожу анализ спроса и предложения. Лето, всем хочется овощей, а где их взять? Засуха в Украине. Последние двадцать лет.

Читаю в новостях: «Испанские огурцы травят Европу». Ниже: «Путин запретил импорт огурцов». Ну, я не Путин: я за укрепление международных отношений. Недаром кум живёт в Андалусии. Звоню ему:

– Буэнос диас! Есть бизнес…

Через три дня фура огурцов стоит на границе. Звоню другому куму, на таможню:



Анатолий Дымант «Бизнес»

– Кум, там кум пригнал фуру – надо бы пропустить…

– Нет проблем, кум. Надо – пропустим.

У только что открывшейся палатки с огурцами столпотворение. Очередь занимают с вечера, записываются, как в советское время. Шутят:

– Испанские, наверное, огурчики…

– А тебе не всё ли равно? По такой-то цене.

Фура огурцов ушла за три дня, а после началась оккупация кустов. Шёл человек на работу, прихватило желудок – шасть в кусты. Врачи бьют тревогу: в городе вспышка кишечной палочки. Ищут корень зла. А мне-то что? Торговая палатка закрыта. Документы были оформлены на подставное лицо.

У меня другая проблема. Думаю, какую машину купить. Хожу по автосалонам, выбираю. Деньги, вырученные с огурцов, ношу с собой, в барсетке.

За день намаялся, присел в бар отдохнуть. Выпил пивка, перекусил. И то ли на жаре разморило, то ли салат был из моих огурцов, но скрутило – будь здоров. Бегом в туалет. Место не из приятных: смердит, и очко в земле, а куда деваться? Спустил штаны. После – в аптеку за левомицитином. И только там, когда пришло время расплачиваться, понял, что забыл барсетку в туалете.

Мчусь обратно. Вновь хочется по-большому, но надо терпеть. Заскакиваю в туалет, ищу барсетку. Нахожу. Открытая, она плавает в очке.

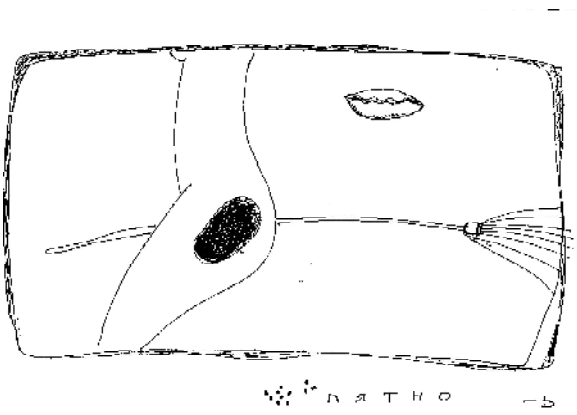
Тут-то я и обосрался.

ПЯТНО

В день весеннего Равноденствия Аннушка жарила пирожки и разлила на себя раскалённое масло. На бедре образовалось алое пятно.

Вечером к Аннушке пришёл жених Радомир. Он съел пирожки и потащил её в спальню. Начал раздевать, но, сняв колготки, остановился. Его лоб покрылся испариной. Он побледнел и обескровленными губами в ужасе прошептал:

– Изыди…



Анатолий Дымант «Пятно»

Аннушка вжалась в кровать. Радомир принялся крестить комнату, так как хорошо помнил перечень дьявольских меток, приведённый в трактате «Молот ведьм». Родимые пятна там шли особой строкой. Стало быть, Аннушка ведьма. Алое родимое пятно на её бедре – тому доказательство.

Надо сказать, что разоблачение ведьм было коньком Радомира. С детства он зачитывался биографией и трактатами Томаса Торквемады, великого инквизитора 15 века, а потому всегда был готов к встрече с дьяволом. Его Радомир видел повсюду. В том числе и в Аннушке. Он давно искал в ней признаки ведьмы и вот – нашёл.

Всё стало ясным: и почему Аннушка кормит бродячих котов (наверняка, только чёрных), и почему ходит с ним на рыбалку (собирает жаб для ритуалов) и почему, наконец, у неё такая инфернальная мать.

Прозрев, Радомир с криком «Ведьма!» кинулся за своим инквизиторским набором: крестом, святой водой и осиновый колом. Последний напугал Аннушку больше всего, и она спряталась в шкафу.

Радомир прочитал молитву, окропил комнату святой водой и ушёл.

Встретились они год спустя, на гей-параде. Аннушка шла в колонне «Дочерей Сафо» с плакатом «Все мужики – козлы!», а Радомир пикетировал шествие с криком «Ведьмы не пройдут!».

Несмотря на антагонизм мнений, в «обезьянник» забрали их обоих. Ехали они вместе, молча, зыркая друг на друга и краснея от злости. Он думал о домашних пирожках, а она о том, для кого хотелось бы их приготовить.

Я БЫЛА В ХРАМЕ

Сглазили меня! Твари! Одни неудачи в последнее время.

Сначала этот козёл ушёл. Его, видите ли, мои запросы не устроили. Шуба да серёжки – разве это запросы? Вон Людке: муж «бэху» купил. А этому козлу шубы жалко! На работе проблемы. Коллектив паршивый: мужики – уроды, бабы – суки. Нервы, сплошные нервы! Из-за них и здоровье ни к чёрту. Даже на телевизор сил нет.

Сто процентов, сглазили. И мама так считает. Говорит: «Сходи, доча, в храм, свечку поставь. Всё наладится!».

Честно сказать, я от церкви далека. Пару раз ходила, конечно, но как-то не моё это. Как ни зайду, они всё поют: «Христос воскресе, Христос воскресе...»

Но мама сказала – надо идти. Служба, правда, рановато. Выходные: понежиться охота. Ещё и собраться надо. Губы подкрасить, глазки подвести, каблучки к юбочке подобрать – не крокодилом же в храм идти. Опоздала, в

общем, на службу.

Народу в храме – не протолкнуться. Все хмурые, сосредоточенные, с опущенными головами, как будто умер у них кто. И все молчат. Только батюшка – толстый, с бородой веником – бормочет. Что-то там про кесарево, про Бога. Подхожу к женщине, которая свечками торгует, говорю:

– Дайте вот эту, – молчит. Думаю, глухая, наверное. Громче говорю, кричу почти. – СВЕЧУ ВОТ ЭТУ ВОТ ДАЙТЕ!

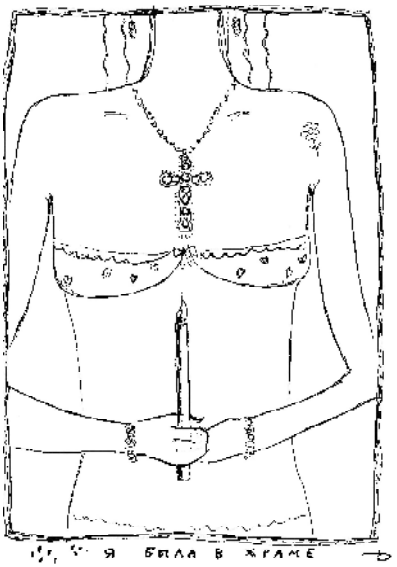
Проще самой взять. Наверное, у них в храме самообслуживание. И чего глухих, спрашивается, продавцами брать?

Добыла я свечку. Осталось только воткнуть. Проталкиваюсь сквозь толпу к подсвечнику. Все как истуканы стоят. Бабки шикают: «Тссс, тише». Другая бы растерялась, но мне не привыкать. Я с детства в метро езжу. Локтями работать умею.

Пробралась к подсвечнику. Тут другая беда – воткнуть свечку некуда, а время поджимает. Да и от ладана голова разболелась. Больно он вонючий. Но я не лыком шита. Выдернула чужую свечку, свою вставила. Всем надо! Перекрестилась левой рукой – левша я! – и назад продираться.

Выскочила на улицу. Хорошо так стало, свободно. Душе, что называется, петь хочется. Любуюсь небом лазурным, маме звоню:

– Ну, всё в порядке, мама! Я была в храме…



Анатолий Дымант «Я была в храме»

Редакция Вокзала поздравляет Платона Беседина с первым местом в номинации "Малая проза" на конкурсе "Славянские традиции 2011"!
А также С ВЫХОДОМ КНИГИ! Рождение книги – это огромное событие в жизни автора. Поздравляем, Платон!
«Книга Греха» – одновременно жёсткая и романтичная, остросоциальная и отчасти детективная история. Герой романа погружается на самое дно ада, чтобы попрать его внутри самого себя. Он желает участвовать в истории, поэтому состоит в тоталитарной секте и националистической партии. Яростный, откровенный, скандальный роман Платона Беседина – долгожданный срез эпохи. Он завораживает или возмущает, но не оставляет равнодушных.

АННА ВАЙНБЕРГ

ИГРА СО СМЕРТЬЮ

Не играй ты с ним в карты, сестра,
Каждый угол на них краплёный!
И тот всадник у моря вчера...
Не жених, не король дарёный.
Бьётся птица в рыбацких сетях,
Лишь на вздох ей осталось жизни...
Видишь эти следы на краях –
Метит кровью на смертной тризне.

Развилки решений, развилки судьбы – так ли они важны? Опутанные сетью искушений... Часто оказывается, что развилок много, а путь один.

ОЛЕГ НЕУСТРОЕВ

ИСКУШЕНИЕ

И года не пожили. Ушёл. И в первый день убили. Как выла по ночам, как тосковало недоласканное тело. Размылись буквы похоронки. Она с ней спать ложилась, с ней вставала. С глазами красными от слёз. Слезами словно омыла его тело. Сама иссохла.

Однажды он пришёл. В дверь постучал тихонько. И молвил шепотком: «Не бойся, Клава, это я». Она пустила. Ничуть не изменился. Такой же сильный, молодой. И страстный, как в первый месяц после свадьбы. Сказал ей, уходя: «Ты только никому не говори». Она и не сказала. Да только разве утаишь? Когда румянцем щёки расцвели, походка, как у лани, стала.

Заметили неладное в деревне бабы. Заговорили меж собой: «А к Клавке-то, похоже, наведывается бес. Смотри, как расцвела». Зашли втроём к ней вечерком. Иконы взяли и лампаду. Водой святой углы и дверь входную окропили. Она сначала возражала. Да только бабы знали, что к чему. Устроили её под образами. Дверь заложили на засов. Сидели тихо, ждали. Село затихло. Чуть за полночь уже в сенях раздался шорох. И голос приглушённый: «Клава, это я. Зачем ты заперлась?» Она так кинулась к двери, что еле удержали. В лампадке ладан разожгли, читали хором «Отче наш». И после слов: «...и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго» нечистый взвыл в сенях, сотряс весь дом и сгинул. А Клавдия лишилась тотчас чувств.

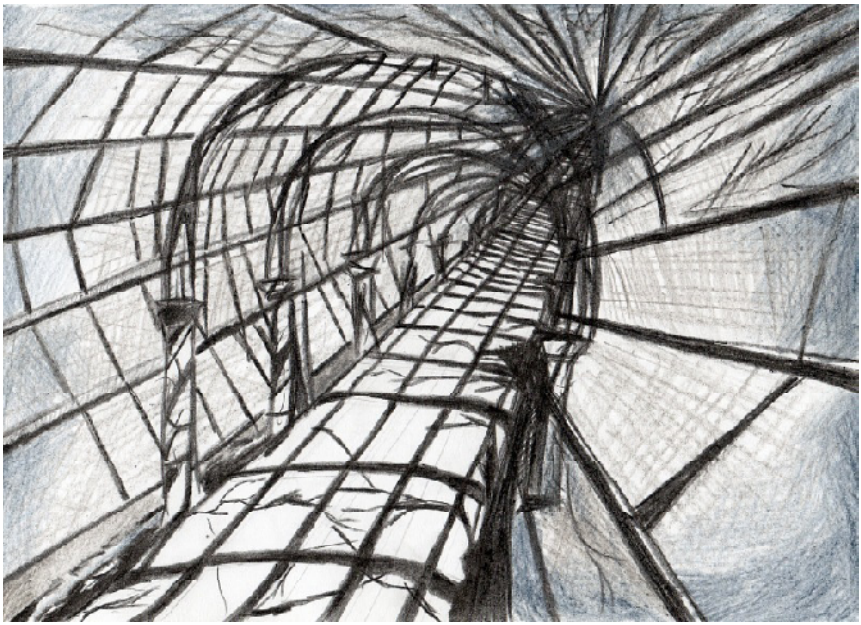
Очнулась утром. Над нею бабы хлопотали. Ну что, ей говорили, теперь ты поняла? Одна такая,

думаешь? Нельзя так тосковать. Грешно. Хоть дочь побереги. Не бойся, теперь он не придёт. Она ещё ждала. Уже потом недолго, впрочем. После войны ещё раз вышла замуж. Воспитывала дочь.

Но бабы ошибались. Он всё-таки вернулся. Когда и ждать уж перестала. Второго мужа схоронила.

Приходит так же, по ночам. Когда уснёт весь персонал.

Она молитву не читает…



Татьяна Вешкина «Паучий тупик»

ПЛАТФОРМА №5

АНТОН ПОГРЕБНЯК

МАНДЕЛЬШТАМУ

Я список кораблей прочёл до середины…
О. Мандельштам

Вокзал. Бессонница. Платформа номер пять
Я список поездов прочёл до середины
Дорожным багажом надломленные спины
Привычные встречать и провожать

Едва заметно тронулся перрон
Зевая, фонари заглядывают в окна
И бесконечных проводов волокна
Расчерчивают небо с двух сторон

Колёса брякают – тум-дум – о стыки рельс
Здесь можно думать только в этом ритме
О том, что поезд снова говорит мне
О том, что жизнь проходит всё быстрей

И снова делится на «до» и «после»
Как будто в этом есть глубокий смысл
И дождь на стёклах росчерками брызг
Рисует бесконечный знак вопроса

Как будто никого на свете нет
Ты замурован в скорлупе вагона
Ах, греки! Что вам стены Илиона?
И что за счастье погибать в чужой стране?

Что корабли, что поезда – всё канет в Лету
Что выйдет из своих подземных берегов
И снова будем вопрошать богов
И получать всё те же самые ответы.

В Детской рассказ Романа Шабанова о человеке, не утратившем ощущение детства и раздаривающем его современным детям... И со стихами – Белый, которого я с интернетного знакомства называю без его псевдонимной приставки. Устами внутреннего ребёнка он глаголит истину, и даже в виртуале не первый год чудесным целебным способом даёт живую воду. Юный, очень взрослый и – удивительный...

ТЁМНО-БЕЛЫЙ

ПОСПЕШИЛИ

подожди.
не спеши, пожалуйста...
не тащи меня за собой.
«я ещё полеплю куличики!
ну и пусть нас позвали домой!»
не кидай ты речными камушками
всех нас в быстрые потоки дней.
мне не хватает её одной, кажется...
или кажется это ей?
окна тут параллельны с дверями,
и мы тоже друг к другу на вы.
разбрелись по пяти углам комнат
и по-прежнему ищем углы.
вот, ты, утром приходишь на кухню?
а зачем приходил? – забыл...
повзрослеть – похожее чувство,
только в кухне ты не один.
тут нас толпы –
одной ногой в детстве,
а другая нога в дерьме.
мы сюда так долго бежали,
ха! а тут ничего и нет.
друг на друга глядим с высока мы,
мнём в руках свой судьбы пластилин.
– что же делать с ним? люди, ответьте!
– иди сядь и погугли, кретин.

РОМАН ШАБАНОВ

БОМЖ КОРАБЕЛЬНОЙ ФЛОТИЛИИ

У бомжа стояло три бутылки молока, наполовину пустая банка сметаны. Он пел песню на французский манер – его губы дрожали и выдавали престранный звук – отдалённо напоминающий губную гармошку и старый патефон.

Как часто на Арбате видишь пенсионеров на открытии «Синего трамвайчика». Я обратил на него внимание не потому, что он был самым ярким, одежда и внешность его была довольно заурядна, а за его магию. В нём этой магии было как в огромной пещере. Но не сразу я это отметил. Для это мне нужно было прожить двадцать семь лет восемь месяцев и семнадцать дней. На восемнадцатый день ровно в три часа я шёл по пешеходке и пил кофе из кофейни. Было довольно холодно – поздняя осень и глоток горячего напитка был как нельзя кстати в этом двояко уютном и шумном месте. Как всегда ряды художественных полотен сменялись редкими книгами, а редкие кошки сменялись частыми музыкантами с голодными глазами. Накрапывал дождь – мелкий и холодный. Я делал более основательные глотки и пытался ускорить шаг, хотя это не мой стиль хождения. Что-что, а бродить не спеша по красивым аллеям с интересными людьми я любил.

Он сидел в телефонной будке. Он, старик, вероятно, за восемьдесят. Вокруг него лежало много коробок, на которых было написано чёрным фломастером «Детям. Взрослые, не спешите. Подарите сынишке или дочурке это!» Кто-то проходил мимо, а самые любопытные останавливались, и дед приоткрывал коробку. Я решил остановиться. Мне страсть как захотелось узнать, что скрывается под картонным укрытием. Но меня опередил юный щегол, который собственноручно схватил коробку и открыл миру… корабельную флотилию. Старик было схватил юного сорванца за руку, как объявилась мамаша и на чём свете кляня старого, увела сына. И он прикрыл картонным основанием морские фрегаты, историю, которую он мог рассказать, но не всем. Мне не удалось с ним поговорить. Я был старше. Оставалось лишь догадываться.

Корабли, моря, океаны. Вероятно он воевал. Был капитаном старого судна, отдавал приказы, совершал сложные маневры, в одном из них потерял

руку, в другой операции – ногу. Либо мечтал об этом. И все мечты воплотились в модели. Интересно было заглянуть в его каморку. От него наверняка ушла жена, по причине нищенского существования. Остались дети, но те его не признают. Когда-то он делал поделки для них. Они с радостью их ломали или топили в сточных канавах. Но он продолжал, а те безостановочно рушили то, что он создавал. И, что важно, он совершенствовал свои модели. Если ранее это были небольшие парусники, то теперь это были фрегаты, в которых проделаны люки, каюты. Мачты немного прогибались, как настоящие. На лице у старика сохранилось то важное чувство, которое ничто не сможет поколебать – он делает нужное.

Подошёл ещё один мальчуган. Он тёр правый глаз и приземисто смотрел на прикрытый секрет. Для него это было целое таинство. Старик улыбнулся и то, что произошло в следующий момент, поразило не только меня, но и его. Старик открыл коробку и протянул многомачтовый фрегат пятилетнему юнцу. Тот округлил глаза, повернулся, чтобы найти родителей, потом обнял корабль, как будто собираются у него отнять, прошептал «спасибо» и рванул в сторону книжной лавки.

Старик улыбнулся. Зажмурился от солнца, которое покрывало его наполовину, удостоив чести согревать и охлаждать одновременно. Посмотрел на толпу, выделяя из них младшее поколение, которое он больше всего любил. Через минуту подошёл ещё один и был одарен парусником. И вот уже три, нет, пять мальчуганов и одна юная леди окружили белобородого старца, чтобы узнать секрет его картонной коробки.

Модели корабликов он раздавал. А дети с радостью хватали, даже не сказав спасибо, убегали, сжав кулачки, боясь, что могут забрать обратно. Маленькая леди, взяв крохотными пальчиками кораблик – не самый лучший, но тоже созданный руками (точнее, одной рукой) большого искусника, потоптавшись, произнесла: «Ты такой добрый» и убежала в сторону остальных пострелят.

Со стариком что-то произошло. Дождь продолжал сыпать на землю тонкие, как спагетти, водные линии. Дед часто заморгал глазами, посмотрел на коробки, потом на кораблики, затем снова на коробки – открыл их и пустил кораблики в образовавшиеся лужи в выбоинах на асфальте.

– Давай, давай. Не тоните. У нас есть все шансы. У них есть все шансы…

Я спустился в метро, выбросил недопитый стакан с кофе и перепрыгнул турникет, так как все деньги остались лежать в кармане капитана корабельной флотилии.

СТРЕЛОЧНЫЙ ПЕРЕВОД

Стрелочный перевод – прежде всего, выбор направления, куда повернуть стрелку. Жизнь – цепочка стрелочных переводов и, выбирая один раз, мы иногда запускаем цепную реакцию.

ЯРОСЛАВ ЮМЖАКОВ

СМЕХ

Кто не считает смех серьёзным делом?
Жить и смеяться, право, не грешно.
Поэт, пока тебе не надоело,
Живи. А если станет не смешно,
То вспомни, для тебя открыты двери
Всегда в гостеприимный "Англетер".
Проводит в номер, за тебя проверит
На прочность крюк, зарядит револьвер
Портье с лицом глубоководной рыбы.
И остаётся только
Сделать выбор.

ЮРИЙ ДИХТЯР

МЕНЯ УКУСИЛ БОМЖ

Меня укусил бомж. Я даже не понял, как это произошло. Вот он увлечённо роется в мусорном баке, и вот он уже, так же увлечённо, впился в мою руку. Я заорал, не столько от боли, сколько от отвращения. Ударил его свободной рукой в ухо, но он никак не отреагировал, тогда я врезал коленом в пах, вырвался и побежал, не оглядываясь, предавшись панике и ужасу. Запыхавшись, остановился и посмотрел на рану. Крови было немного, да и болело не очень, но я зашёл в ближайший магазин, купил бутылку водки. Половину вылил на укус, дабы продезинфицировать, а половину выпил прямо из горлышка.

Жена дома обработала рану, забинтовала и, не поверив ни единому слову, обиделась. Я тоже обиделся, и ушёл в спальню смотреть футбол. Усевшись с бутылкой пива в кресле, включил телевизор. Посмотрев матч минут пятнадцать, поймал себя на мысли, что игра какая-то вялая, что мне скучно, и непонятно, зачем я это смотрю. И зачем я вообще смотрел футбол раньше. Скукота и абсурд, мужики в трусах гоняют мяч, что здесь может быть интересного? Я уснул прямо в кресле.

На следующий день я даже не помнил, где был укус. Снял бинт, рана полностью затянулась, спасибо водке. Остался только небольшой рубец, похожий на старый шрам. Но, всё равно, кроме травмы физической я получил ещё и душевную, и решил не пойти на работу. Жене наврал про недомогание, и снова завалился спать. Как я раньше не замечал, насколько неудобно спать на мягком. Всё болит и немеют конечности, поэтому перелёг на пол, и сразу уснул. Таким меня и застала вернувшаяся с работы жена. Она испугалась, что со мной что-то случилось, и бросилась звонить в скорую, но я её успокоил, сказав, что в такую жару поспать на полу – милое дело.

За ужином жена всё удивлялась, чего это я так чавкаю и ложку держу как-то неправильно. Остаток борща я допил прямо из тарелки.

Новости я смотреть не стал. Что там смотреть – опять одно и то же. Да и телевизор в целом показался мне ненужным изобретением. Хотелось водки, но я удержался. Перед сном, пойдя в душ, удивился, как воняет мыло. Странно, никогда не замечал, что оно имеет такой мерзский запах. Посмотрев в зеркало, оценил, что мне очень идёт щетина, и решил не бриться.

На следующий день я опять не пошёл на работу. Как хорошо на неё не ходить. Я, конечно, и раньше это понимал, но сейчас проникся ощущением

свободы. Не нужно листать дурацкие бумаги, ходить на скучные совещания, выслушивать хамство от начальства и вести пустые беседы в курилке. Прогуливать однозначно приятнее. Настолько приятно, что я даже готов был отказаться от множества пустых излишеств, на которые, собственно, и уходила основная часть заработка. Ведь прекрасно можно прожить без вазочек, картин, цветов на окне, галстуков, одеколонов, книг, компьютера и даже мобильного телефона. Ведь жили же раньше люди без Интернета. А звонить мне всё равно некому и незачем. Я полистал телефонную книгу и не нашёл никого, без кого бы невозможно оказалось прожить. Я осмотрелся, и не обнаружил ни одной вещи, без которой бы я умер. Сто лет назад жили без холодильников, электрических чайников, тостеров, магнитофонов, фритюрниц и пароварок. И вообще, без электричества, водопровода и канализации. Моя бабка всю жизнь прожила в деревне. Из коммуникаций у неё был колодец и сортир во дворе.

К чёрту, решил я, увольняюсь. Хотел позвонить шефу и высказать, всё, что накипело за эти годы, но решил, что мне лень.

Я вышел на улицу. В квартире мне было душно от этого нагромождения мебели, ковров на полу и хрустальной люстры.

На рекламном щитке обнаружил объявление о приёме на работу дворников. Пошёл в ЖЭК, мне всё рассказали. Платят мало, зато и работать часа три в день. Посчитал, денег должно хватать на еду и дешёвые сигареты, даже на водку оставалось. Там же познакомился с дворником дядей Сашей, который рассказал, сколько в день он сдаёт макулатуры, металлолома и пустой тары, так что я решил устроиться. Но нужно было ехать за трудовой, и это меня сразу напрягло. Переться через весь город ради того, чтобы ублажить бюрократию. Спасибо, не нужно. Макулатуру и бутылки я и так насобираю.

Проходя мимо мусорного бака, уловил довольно аппетитный запах. Не знаю, чем пахло, но я еле сдержался, чтобы не заглянуть внутрь.

Нарвал абрикосов. Вкусно, и совсем не нужно за них платить. Наевшись и разомлев под солнышком, я прилёг на скамейке и уснул. Когда проснулся, уже было темно, и я пошёл домой.

Жена, открыв дверь, начала плакать и кричать, что она уже обзвонила все морги, больницы и знакомых. Назвала меня скотиной и ушла спать. Я же нашёл недопитую бутылку водки и выдул её прямо из горлышка, даже не закусив.

Интересно, думал я, с этой женщиной прожил я пятнадцать лет, непонятно зачем. Она мне даже не родственница. Просто баба, с которой я решил жить вместе. Может, когда-то я любил её, но уже давно жил с ней, потому что… не знаю, почему. Я не смог найти ни одной причины, почему мне приходилось столько времени выслушивать от неё гадости и сплетни,

отдавать деньги, терпеть её идиотских подруг, смотреть сериалы, оправдываться, спешить домой, дарить цветы и конфеты. Кто она мне такая? Какое право она имела орать на меня и называть скотиной?

И я ушёл. Просто вышел и пошёл, куда глядели глаза. Я шёл по ночным улицам и надо мной висело небо, полное звёзд. Я так давно не смотрел на звёзды, не замечал, как пахнут на клумбах маттиолы и поют свои романсы сверчки.

И тут я снова учуял знакомый аромат, напомнивший мне, что я давно не ел. Запах исходил от мусорного бака. Оглянувшись и убедившись, что никто не видит, я заглянул в бак, стоящий недалеко от фонаря. Боже, сколько там было добра! Я нашёл надкусанное яблоко, слегка подгнившую морковку, целую четверть засохшего хлеба. А ещё – семь пивных бутылок, крепкие ещё кроссовки, слегка потёртые, но это не страшно, главное, что почти мой размер. Там же найдя пакет, сложил туда трофеи, и, съев яблоко, пошёл искать ещё баки.

Прошёл месяц. У меня всё прекрасно, жизнь наладилась. У местных бомжей я хожу в авторитете, так как имею два высших образования. Надавав некоторым по лицу, я забил самые козырные точки. Живу я в заброшенном недострое. Добытого за день мне хватает на бутылку водки, жратву, сигареты. Женщины всегда доступны, одна, с вокзала, даже предлагала жить с ней, но я, наученный горьким опытом, послал её подальше, но она всё равно иногда заходит. Она горячая женщина, правда, у неё на шее короста, но это совсем не заразно, так что, за стакан водки можно вполне сносно отдохнуть. Одежды у меня полно, целая куча лежит в углу моего гнёздышка. А больше мне ничего и не нужно.

Однажды увидел бывшую жену, но она сделала вид, что не знает меня, а может, не узнала, ведь я отрастил бороду.

Но, главное, что я счастлив. Я свободен. Я не завишу ни от кого. Я делаю то, что хочу: хочу – сплю, хочу – не сплю, хочу – пью водку, хочу – не пью. И мне плевать на мировой кризис. Пусть, хоть весь мир развалится, я буду жить так, как живу сейчас. Выборы, президенты, политика, экономика ко мне не имеют никакого отношения. Меня не трогает налоговая, санэпидемстанция, пенсионный фонд. Меня даже милиция избегает. Видите ли, запах мой им не нравится. Я понял, что такое свобода. Свобода – это когда ничего нет и ничего не нужно. Каждая вещь делает из тебя раба. Получив что-то, пытаешься это сохранить, потом хочется умножить и прибавить, хочется, чтобы как у всех, а потом, чтобы лучше. И вся жизнь проходит в непонятной борьбе за блага, которые требуют новой борьбы.

Сегодня у меня особый день. Сегодня я должен спасти человека. Так же, как спасли однажды меня. Делаю вид, что роюсь в баке. Пусть подойдёт поближе. Он не понимает сейчас, но потом скажет спасибо. Спасибо за свободу.

Лучше всего рассматривать-осматривать подвижной состав на путях отстоя. На запасных путях сегодня три автора, три произведения со схожей темой: о писателях.

Стихи.ру

Получено рецензий: **69**
Написано рецензий: **96**

Поза. ру 69 и 96

Сергей Карлов

Жили клоны на стихире
И живут на прозе.
Трудно клонам в этом мире
Даже в этой позе.

Сам себе никак не можешь –
Гибкости не хватит.
У других не сможешь тоже...
И с какой же стати?

Надо срочно раздвоиться
В страсти или в раже.
Как за рейтинг не побиться,
Не убиться даже,

Рец со вкусом тоников
Стало больше чтобы?
И почкуют клоников
Люди и амёбы.

© Copyright: Сергей Карлов, 2009
Свидетельство о публикации №1910207021

ВАЛЕРИЙ САФРОНОВ

ПИСАТЕЛЬ В ПАУТИНЕ

Подморозов закончил работу с черновиком. Слегка прищурив глаза, он придирчиво взглянул на только что сочинённую миниатюру, затем удовлетворённо хмыкнул, скопировал текст и опубликовал на сайте «Неопознанный талант» под рубрикой философская лирика:

«В содружестве угля и водорода дала начало жизни вдруг природа…»

С некоторых пор Подморозов перестал публиковать в паутине рассказы и новеллы. Всё равно их никто не читал. То ли дело, одно и двустишья. Ведь краткость не только сестра неопознанного таланта, но, как известно, ещё его бабушка и мать.

Странно, отзывов долгое время не было, правда, читатели вроде и заглядывали к сочинителю на страницу, но как-то вяло.

Хотя, какие же это были читатели? Хм… такие же, как и он, писатели.

К примеру, Летучая Скалярия, или Пьяная Роза. Они более всех писали Подморозову отзывы, впрочем, как и он им.

Зато сам Подморозов третий год творил под псевдонимом Листок Календаря.

Ведь «Лист» звучало бы слишком самонадеянно (тоже мне, Ференц Лист), а Листок было в самый раз.

Писатель вышел на кухню и, прикурив от горящей газовой конфорки, налил себе чаю. В ту же секунду раздался телефонный звонок.

«Ну, вот и первый отзыв!» – вздохнув, подумал он, правда, тут же опомнился – «Какой может быть отзыв от городского телефона?!» – и снял трубку.

Звонила его жена.

– Подморозов, ты не забыл, что тебе надо быть в ЖЭКе?!

– К какому Жеке?.. – не понял писатель.

– Подморозов, ты уже совсем рехнулся со своим Интернетом?! Ты должен быть в нашем ЖЭКе… в квартире со вчерашнего дня протекает фановая труба, и нижние соседи уже два раза приходили к нам жаловаться, с угрозами! Я вчера оставила заявку, а ты должен сегодня привести в дом сантехника.

– Привести в дом сантехника… – усмехнулся Подморозов, – Привести в дом можно друзей, собутыльников. В конце концов, в дом можно привести молодую жену…

– Размечтался!

– Да это я так, в образном смысле…

– Послушай меня, образина: если ты сегодня не найдёшь сантехника, я к едрене-фене отключу Интернет. Уж я тебе обещаю!

– Ну, что ты, что ты… я ведь уже бегу.

– Из какой квартиры? – спросила его сонная сорокалетняя девушка инженер из ЖЭКа, перебирая бумажки с заявками, – Как вы сказали, Отморозов?

– Не столько «от», сколько «под»… Под-мо-ро-зов.

– А… вот, нашла. Сантехник придёт к вам в пятницу в 10 утра.

– Позвольте, но ведь сегодня только вторник?! Как же нам до пятницы без воды, ведь аварийная ещё вчера всё перекрыла?!

– К сожалению, ничем не могу помочь. У нас, в сухом остатке, вообще сейчас только два специалиста. Что им разорваться?!

– Что значит, в сухом остатке? – вздрогнул Подморозов.

– А то и значит, что всего их должно быть пять. Но! Один специалист на больничном, второй в запое, а третий – так вообще на курсах повышения квалификации. Всего, стало быть, в сухом остатке, остаётся два…

Подморозов побледнел, приходя в негодование, затем обстоятельно высказался по матушке. Правда, как интеллигентный человек, высказался про себя.

«Учительница химии какая-то, а не инженер ЖЭКа», – подумал он, выходя на улицу, – «Пусть ещё расскажет мне про свободную валентность!»

Однако же, надо было чего-то предпринимать, приступать, что называется, к разумным действиям. Но Подморозов так ничего и не предпринял, а отправился домой, где едва скинув куртку, тут же уселся возле компьютера.

За время его отсутствия пришло два отзыва. Первый был от Пьяной Розы: «Сногсшибательно! Отчаянно! Загадочно…» Зато второй от незнакомого автора, выступающего под ником Барабан Судьбы: «Хрень какую-то вы написали, господин Помятый Клозетный Листок. Как говорится, ни уму, ни сердцу, ни условному, ни безусловному рефлексу!»

Подморозов хотел уже было ответить обидчику в том духе, что сам ты, товарищ Барабан, не из кожи буйвола, а из трусов циркового слона сделанный! Но тут опять зазвонил телефон.

– Договорился на счёт сантехника?

– Да, договорился. Их сиятельства сказали, что оне будут у нас в пятницу.

– Так, Подморозов… ты надо мной издеваешься? В какую святую пятницу? Ты там, что, совсем уже бредишь со своим компьютером?!

– Ну, а я-то что могу?

– Иди и договаривайся. И чтоб сантехник был сегодня же! Иначе, я даже уже и не знаю, что сделаю…

Подморозов опять вышел во двор и, присев на лавочку, достал сигареты.

– Здагово, писатель-Хэмингуэль! Всё отдохновения ждёшь?! – раздалось за спиной, и Подморозов узнал голос своего бывшего одноклассника Ваейки, похоже, с раннего утра уже бывшего под лёгким шефе.

Ваейка непонятно, где работал, и неизвестно, чем занимался, зато всегда считался обладателем острого ума и сноровистых рук. Любимой поговоркой у него была такая: «Всё это хегня! Глаза боятся, а гуки делают!» Кроме всего прочего, был простым и лёгким мужиком, никогда не обижавшимся на своё детское прозвище.

– Привет, Ваейка! – обрадовался Подморозов, – Тебя же мне сам бог послал!

– По втогникам не подаю...

– Понимаешь, какая проблема, у нас пробило фановую трубу, воду перекрыли, а сантехника обещали только в пятницу.

– Хе! Хэмингуэль-пгогок, а в ЖЭКе договогиться не смог.

– Да там сидит какая-то крашеная грымза, по виду бывшая учительница химии.

– Что ещё за ггымза? Надька, что ли? Так она училась на три класса младше нас. А ну пошли.

– Ну, ничего не могу сделать! – замахала руками Надя-инженер, – У нас ведь район старый, а сантехников не хватает.

– Да нам и не нужен твой сантехник, – уговаривал её Ваейка, – ты только включи на минуту воду, мы посмотрим, где на фановой трубе дырка, и сами всё сделаем.

– Без специалиста не могу.

– Надя, ведь ты же меня знаешь, одна нога здесь, дгугая там.

– Уж я-то тебя знаю…

– Наденька…– загадочно произнёс Подморозов, и опустился на одно колено, – Одно слово, и вся Вселенная будет у ваших ног!

Надя прыснула со смеху, и сжалилась.

– Вот ключи от подвала, но только давайте по-быстрому.

Они сходили в подвал, отвернули у стояка вентиль, а затем поднялись к Подморозову в квартиру, где Ваейка полазал с фонариком возле фановой трубы и, обнаружив трещину, обвёл мелом.

– Тепегь можно будет поставить хомут, а после пгидут сантехники и завагят.

Хотя, может, и так пгостоит, потому что летом будут менять все стояки на металлопластик.

Хомут, под который подложили плотный кусок резины, Подморозов ставил уже сам, но под чутким руководством Ваейки.

– Не так отвёгтку дегжишь, писатель. Смотги, весь хомут пегекосо@било! Всё, пошли воду вгубать.

Пока проверялась надёжность хомута, Подморозов с Ваейкой выпили по две рюмки «Кенигсберского», остававшегося ещё с нового года.

– Надёжная констгукция, – проверив трубу, сказал Ваейка, – Можно ключи возвгащать.

В этот момент раздался звонок, но уже не телефонный, а из домофона.

– Ну, как у вас дела? Всё сделали? – это была инженер Надя.

– Ну, да! – ответил Подморозов.

– Я зайду, проверю…

Надя осмотрела фановую трубу, затем сказала:

– Какие же вы молодцы, мужички, сами всё и починили.

– Глаза боятся, а гуки делают.

– Если б не вы с Ваейкой… – Подморозов поднял вверх большой палец, – А давайте я кофе сварю?

– У меня есть буквально полчаса.

– Хм, кофе… – протянул Ваейка.

– Не переживай, найдём чего и покрепче.

– Как же всё вышло здорово и хорошо! – сказал охмелевший и счастливый Подморозов, – Встретились, одношкольники. Надо бы почаще так встречаться! А то только и видимся, что по случаю.

– Летом будет плановая замена фановых труб, так что ваше сооружение вполне до этой замены простоит, – сказала Надя, прихлёбывая кофеёк, – Хотя, лучше всё же заварить эту трубу от греха подальше. В пятницу и заварим.

– Послушайте, Наденька, – тоном Володеньки, спросил Подморозов, – Вы, вероятно, раньше преподавали химию, коль скоро так грамотно рассказали мне про сухой остаток?

– Да никогда я химию не преподавала, а закончила искусствоведческий факультет института Культуры.

– Так выпьем же за культугное обслуживание жильцов нашего микгогайона!

– Во как…

Затем они отправились курить на балкон, а когда возвращались, Надя бросила взгляд на экран компьютера и вскинула брови:

– Листок Календаря – это кто?!

– А это наш гегой-писатель-сказитель.

– Да… это так, баловство, детское увлечение. Шалости умалишённого…

– Так значит, Листок Календаря – это вы?!

– Вообще-то, идиотский псевдоним. Надо будет его сменить, к примеру, на Пятидесятилетний Шторм…

– Ну-ну…

– Что значит «ну-ну»? Позвольте, а вы-то кто?

А я… – Надя смутилась и покраснела, – А я – Летучая Скалярия…

Онемев, Подморозов присел на диван, и только, когда пришёл в себя, схватился за компьютерную мышь и удалил своё последнее бессмертное творение, а заодно и оба, противоречащих друг другу, отзыва.

Затем вместе с Ваейкой они вышли проводить Надю до дверей ЖЭКа.

– Эх, ты – писатель, а весь в паутине! – засмеялась Надя, стряхивая паутину и пыль с куртки Подморозова.

– А это я, наверное, в подвале вымазался, когда мы с Ваейкой вентиль откручивали…

– Ну, пока, красавцы! Не напивайтесь только, чмоки…

Рисунок Ольги Туркиной

ОЛЕГ ИЛЬИН

ПАМЯТИ ФРИДРИХА НИЦШЕ

Вглядываясь в телевидение, помни,
Что и телевидение вглядывается в тебя.
Каналы страстей человеческих –
Телеязык огня.

Рейтингов буи, сети в мутной воде.
ТелевидЕния, Glucki, монтаж ничего в нигде.

Кармы времени рек течение вспять.
Пульс планеты на пульте. Спать.

Спать всем деткам пора.
Уснул бычок. Пусть вам приснится фея.
Придёт пусть волчок.

Глазки закрыты. Улыбка. Нам снится Вий.
Телеканалы тележеланий телемечтаний.

АНДРЕЙ ДЕМЬЯНЕНКО

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ СЕТКА И ЛИТЕРАТУРНАЯ СЕКТА

Телевизор похож на квадратный рот, в нём мелькают зубы. Смотришь на них. Иногда равнодушно, иногда с восхищением, иногда с отвращением. И только потянешься к кнопке отключения проклятого рта, он хватает за пальцы, но зубы загадочным образом проникают дальше, и чувствуешь лёгкое покусывание любопытства.

Сегодня телевизор вдруг погас сам. Не погас – зарябило чёрно-белое море, оглушая шипением прибоя. Я знал, что это случится, не знал, когда. На всех каналах рябь. Только канал ЛитТВ вещал о том, как выглядит настоящая литература. Причём, плешивый старичок перемежал нравоучительные сентенции примерами своих же произведений. В прошлом это был мой канал.

Я выключил телевизор.

Когда-то я мечтал быть писателем. У меня была толстая тетрадка в зелёной обложке с растворившимися клетками в желтизне листов. Я записывал историйки из жизни. Однажды троюродный брат увидел мои опусы.

– Ты не можешь не быть писателем! – воскликнул он. – Тем более с такой фамилией.

Державин. Фамилия как фамилия. Позже я узнал, что и имя моё Гавриил Романович совпадает с именем поэта прошлого. Только почему писателем, я не понял.

Брат же с простой фамилией Алексеев, ровесник мой, уже года три состоял в Союзе.

– Перепечатываешь эту фигню на компьютере, распечатываешь и всё!

– Что всё? – не понял я.

– Платишь триста рублей, и ты писатель. Это твоя судьба. Необходимость.

– Стар я уже для таких развлечений.

– Тридцать – это ещё не старость, – заверил брат.

Сопротивляться я не стал. И с завидной периодичностью появлялся на заседаниях Союза писателей. Там я познакомился с Вячеславом. Он был

много моложе меня. Больше всего поражали его глаза. Большие, тёмные. Они казались очень глубокими. Вячеслав говорил мало, был грустен и почти никогда не улыбался.

– Писательство это мёртвая ветвь, – говорил он. – Нужно кино снимать. Это интереснее, нагляднее, живее.

– Кина вон сколько, – говорил я. – Хорошего мало.

– Вот, – глаза Вячеслава мерцали, – поэтому и нужно снимать. Интересное, интеллектуальное, эмоциональное.

Я молчал и внутренне ухмылялся: «Как это возможно?»

– Давай снимем кино? – тихо проронил он.

– Но я не актёр, – возразил я.

– Ну и что? У тебя лицо живое. Ты прекрасно сыграешь.

– Давай попробуем, – пожал я плечами.

Обычный цифровой фотоаппарат стал запечатлителем сцен. Сюжеты приносил Вячеслав. Он приходил, потирая руки, и говорил: «Сегодня снимаем это». Мы приглашали знакомых. Никто не знал, что из этого получится, но картины получались динамичными и яркими.

Всё это я скидывал на компьютер и собирал в одной папке.

Когда фильм был почти отснят, Вячеслав пришёл улыбающимся. Я в первый раз видел его таким.

– Всё! – сообщил он. – Снимать больше не будем.

– Фильм готов?! – восхитился я.

– Нет, – улыбнулся Вячеслав. – Я влюбился.

– И что? – не понял я.

– Зачем фильм, зачем литература, если есть любовь?

Он светился. Он был похож на цветочную клумбу. С цветочным настроением он исчез из моей жизни.

Я смотрел отснятый материал и думал: «Фильм, кино, писательство, телевизор… Нужно доносить литературу видеорядом. Круг писателей замкнут. Сами пишут, сами восхищаются написанным. Телевизор – это рот, через который литература заговорит».

Так возникла идея литературного канала.

Тут же появился Алексеев, разочаровавшийся в писательстве.

– Знаешь, Гаврюха, – говорил он. – Тесно мне. Читатель нынче мелкий пошёл – не читает ни хрена, только в телик пялится.

– Нужно канал свой организовать литературный, – поделился я своей идеей.

– К чёрту канал! Телевидение уничтожать надо! Оно – главный враг литературы!

Я покачал головой.

– Литература – это главный враг литературы. Что-то с ней не то. Все знают, как должна выглядеть настоящая литература, а пишут ерунду.

Брат нахмурился, оскалился, зло блеснул глазами. Стал похож на спортивного хомячка, задумавшего пакость.

– Знаешь, писательская организация должна стать боевой организацией, – заявил он.

– Как это?

– Так. Мы должны уничтожить телевидение!

Я рассмеялся.

– Что ты ржёшь!

Он сверкнул глазами, и во вдохновенном лице мелькнули образы революционеров прошлого.

– Нас сотни, тысячи. Мы взорвём все телебашни. Во всех странах. Я пришёл, чтобы ты стал одним из нас.

Я посмотрел на него с удивлением, такой ярости, заражённости идеей, никогда в нём не видел.

– Представь. Когда все ящики в мире покажут сетку. Люди попадутся в сетку литературы. Мы их поймаем. У них не будет выбора.

– Нет. Извини. Лучше я буду делать своё литературное телевидение.

– Как знаешь, – процедил сквозь зубы Алексеев. – Ты думаешь, что я сбрендил? Нет. Помнишь, Останкинская башня горела?

– Ну…

– Это мы! Мы реальны. Мы сила! Скоро телевидение кончится, начнётся литература.

– Извини, я противник кардинальных мер.

Я пошёл к руководителям писательской организации. Лысый старичок с редкой бородкой внимательно выслушал меня.

– Да, хорошая идея, – похвалил он. – Литературный Телевизионный канал – это круто. Но понимаете, молодой человек, это определённые сложности и большие деньги. Но мы подумаем… Подумаем.

Я всё понимал.

Не понял только, как сложности уладились и нашлись деньги. Всё это произошло. Но без меня. С этого дня я бросил писать.

А сегодня погас телевизор.

Ну этих писателей!

Что ж, когда писатели становятся ворами и разрушителями, я продолжаю быть читателем. Я взял лежащую рядом книгу и от закладки распахнул мир.

АНДРЕЙ ДЕМЬЯНЕНКО

Олечке Туркиной

Пальцы на мыслях буксуют,
тягучие символы капают, –
текст набираю вслепую,
медленно клавиши клацают.

Может быть, в этом же городе,
не виртуальном – реальном,
буквенно-мысленной моросью
хлюпаешь кнопки печально.

Холодно, грустно и муторно,
улыбка ж в губах не тает, –
может быть, ты – за компьютером,
и символы совпадают.

ВИД ИЗ ОКНА

Операционная система, с которой работает большинство пользователей, называется "Окна". Чаще мы вглядываемся в окно монитора, чем в окна, выходящие на улицу. Хотя...

Ольга Бес_Крайность

Dear_logi_N (Блок блога)

ДВА КРЕСЛА

Дневник

Воскресенье, 23 Августа 20XX г. 05:06 (ссылка) + в цитатник

В колонках играет – *мои колонки играют в ящик. пойду скоро за новыми*

Настроение сейчас – *акустика*

Чёрный кофе и белый зефир. Так удобнее смотреть друг на друга. Мы похожи на инвалидов, прикованных к своему ненавистно-удобному компьютерному стулу.
Мы живём вынужденно-своей жизнью, в которой нас нет, но мы – это взгляд из кресла с видом на [тебя].

———————

У неё, любви, прекрасные плечи и чёрные глаза. У неё умная доверчивая улыбка, которую она считает слабостью нелепостью глупостью и никогда не показывает таких фото. Она видит себя жёсткой и равнодушной, интересной в своём принципиальном одиночестве. Мне бы её взять за плечи и дождаться прямого взгляда поднятых увлажнённых [или просто чистых, поэтому так покажется] глаз. Мне бы жить с ней.
Расчёсываться под её взглядом в зеркале с незаправленного дивана. Я бы апельсины выжимала. Сама к фруктам так себе... Я так боюсь её не/увидеть. Если я её увижу, если она всё-таки приедет, я сорвусь к ней руками и крепко до синяков буду убеждаться в её материальности. Ибо я устала от галлюцинаций. Если я не сорвусь к ней руками в первую секунду, так, чтоб её сумки на перроне оторвались с рук как перезрелые плоды, то, боюсь, никогда не смогу до неё дотронуться.

———————

Зелёный чай и ЭссеМентол. «И я хожу по всем её веб-страницам, я глажу курсором её ресницы...» A.Z.

И вдавливаю кнопку смайла на всю строку. Залитую плачем кнопку смайла.
Два кресла.

Ответить Комментарии (2) Нравится Поделиться

ПИСЬМО **Дневник**

Воскресенье, 11 Сентября 20XX г. 19:24 (ссылка) + в цитатник
В колонках играет - *в колонках играет настроение*

Держу в руках-глазах лежалое только что открытое
Твоё хру-стальное письмо
Жадно спускаясь по строчкам
Опускаясь всё ниже и ниже
Прямо интим какой но ведь так и есть
Не надышаться новой и новой строчкой
И с каждой страшней:
Боюсь чтобы не упало не раскрошилось
Только бы только бы
Не ляпни ни глупость ни умность
Финальной строчечкой Не зачеркни –
Пустишь трещину вверх со дна
По всему кувшину
Письму

Теги: хруст, сталь, хрусталь, ниже, только бы

Ответить Комментарии (1) Нравится Поделиться

БЕЗ ЗАГОЛОВКА **Дневник**

Воскресенье, 14 Октября 20XX г. 22:46 (ссылка) + в цитатник
В колонках играет - *я вам поиграю*
Настроение сейчас – *настроенное*

Смс:
– Скучаю...
Я:
– Думаю сейчас об Интернете.
Такое кривое зеркало для человека.
Вот я тут в маленькой сумрачной комнатке с открытым как ты знаешь балконом,

на животе на застеленной синим клетчатым кровати,
пишу, приподнявшись на прокушенных локтях, кипячу чай.
И вот я есть там, за спиной, в белом Интернете, вечно молодой вечно пьяный,
в органичной глазу гамме, ограниченная и расширенная собственными константновыбранными тисками в графе «о_себе».
По кому из меня ты скучаешь души не чаешь?

Ответить Комментарии (0) Нравится Поделиться

БЕЗ ЗАГОЛОВКА **Дневник**

Воскресенье, 12 Января 20XX г. 23:59 (ссылка) + в цитатник

В колонках играет - з*а спиной нескончаемые рекламы*

Настроение сейчас - *констатация факта*

печатаю.
сижу. дышу. молчу. слушаю внутренности, хо.
вдруг очередное: «привет. как ты?»
меня сейчас очень ставят в тупик такие вопросы... и я просто какому-то плоскому неузнанному человеку с далёёёёкого города, у которого одна шопленная фотография, и даже окажись мы на одной кухне – мне было бы совершенно неинтересно, пишу все кишки: «я не знаю, что вычленить главное из того, что у меня и вокруг есть – это ж сложнейший процесс отбора, которому мы посвящаем жизнь, не так ли...
и говорить это в определённой последовательности, это практически верховный суд, блин, я не доросла до возможности ответить, как я, как жизнь... как смерть?»
лучше не на.

идея фикс удалить всю переписку, оставив Одно.
«палец болит от кнопки делит».
Знала бы я не так давно, как тяжко мне будет даваться вести дневник теперь. Это уже не просто записывать события. Это безумная сеть, в которой я кувыркаюсь под куполом этого цирка.

Теги: внутренности, какты

Ответить Комментарии (3) Нравится Поделиться

ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК, СБЩ-Я КОТОРОГО **Дневник**

Воскресенье, 28 Декабря 20XX г. 03:14 (ссылка) + в цитатник

В колонках играет – *дельфин, альбом «ткани»*

Настроение сейчас – *КАК БУДТО достигла абсолюта, апогея, орг, а*

хочется порвать в клочья, сжевать с рычанием в сильных зубах, от жадности, а потом горевать, поскуливая,
съёжиться в маленькое махонькое – от сожаления.
«Хочется, чтобы ты пряталась от глаз. Чтобы они тебя не рас_стаскивали. Я даже могу отказаться на время от твоих, чтобы дать тебе отдых. созерцать общее, окружающее, а не новое в человеке. все мысли – ты о них уже знаешь, косвенно, в бессознательном.
окружающему радоваться легче, и находить в нём гармонию. Находить в нём, а не так, что бы её искали в тебе. поразили твоим слова о «на меня. сквозь меня. / на То, что увидено ими во мне». растаскивание кусков тебя. Оля.
и твои слова про неотправленные смс. давай их все перепишем и сожжем. и отправим пеплом. это тоже своеобразный посыл. своеобразная доставка. через кислород сразу в сердце, сразу в мозг».
сообщения этого человека хочется высушивать в гербарий пока не пропадут буквы,
зажигать как благовония, оставляющие тающий хребетик пепла,
ВЫШИВАТЬ на пяльцах. каждое.
я не могу напечатать сюда эти сообщения. только вышеприведённое, потому что оно уже было вывешено этим человеком перед всеми.
они будут отсутствовать.
останутся мои.
одни мои.
одни.
не вздрагивай от реальности, это как бежать от своего хвоста)
так нравится светиться от разговора с тобой.
завтра поезд...
именно за этим ощущением ехать.
и за другим, недоступным интернету.

Ответить Комментарии (11) Нравится Поделиться

НЕ НАНИМАЙТЕ БЛИЗКО К СЕРДЦУ) **Дневник**

Вторник, 14 XXXXXXX 20XX г. 20:26 (ссылка) + в цитатник

В колонках играет – *не надо больше играть*

Настроение сейчас – *нараспашку внутрь*

Я насильственно-равнодушно смотрю, как кошка рвёт и поедает наши-с-тобой билеты в театр, оставленные на память.
Я уже умею слушать песню «Надежда» Дельфина [и другие громкие_внутри песни] без жалости к себе и особо без сострадания к герою, соответственно.

Я много чему ещё научилась за яркое сердце осени.
Я принимаю «ты лучшая», «я без тебя не могу», «ты сволочь» и «прощай» одинаково – не принимая.
Я до фанатичности усиливаю цвет во сне, просыпаясь от боли в глазах.

Я принимаю решения как таблетки. Я постоянно забываю, что собралась резать вены – ахха; [печатаю с салфетки] – потому что сначала надо помыть посуду. Всегда.
5:55

Теги: билеты, рвёт, громкие внутри, забываю вскрыть

Ответить Комментарии (1) Нравится Поделиться

«Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ», **Дневник**

Понедельник, 06 Октября 20XX г. 23:34 (ссылка) + в цитатник

«я дура, в тебя влюбилась», «люблю тебя, дура!», «убей меня, я полюбил тебя», «о как я тогда тебя полюбил», «люблю тебя ощущать», «люблю тебя до боли, до конца», «буду любить тебя до утра», «буду любить тебя до смерти», «я любила тебя», «я любил тебя», «боюсь, что уже люблю тебя, и это необратимо...», и прочее, адресованное мне до этого дня и впредь – воспринимаю отныне спамом. . .

Теги: ялюблютебя, очистить – спам

Ответить Комментарии (12) Нравится Поделиться

ПРО ТЫ **Дневник**

Среда, 13 Августа 20XX г. 14:11 (ссылка) + в цитатник

В колонках играет – *что-то на паузе так давно, что я забыла чтО*

Настроение сейчас – *не задумываться о настроении*

Это – камера заключённых в объятья.
будь что будет. [ведь будь что было – не будет]
пришла та страшная стадия – когда ничего не страшно

Теги: однажды я проснулась

Ответить Комментарии (5) Нравится Поделиться

СОМН **Дневник**

Вторник, 15 Июля 20XX г. 11:44 (ссылка) + в цитатник

все письма мне перемещаю в Сомнительные
хоть бы раз за жизнь я поверила, @ такая, когда мне говорят, что любят. да никогда. я не знаю почему... почему?

«ты как обычно стоишь в углу
и молишься за меня
а я уголь на грязном полу
а я серая простыня..,….,.»

Ответить Комментарии (6) Нравится Поделиться

БЕЗ ЗАГОЛОВКА **Дневник**

Воскресенье, 18 Февраля 20XX г. 05:06 (ссылка) + в цитатник

Я говорю совсем как дедушка порой.
Чтобы зайти в себя другую – нужно вспоминать пароль.
Куда уж, с дедушкиной памятью, куда, уж, уж...
Мне был прописан контраст душ.

мы все должны жалеть друг друга
хотя бы потому что мы все уйдём

Ответить Комментарии (0) Нравится Поделиться

ВКЛАДЫШ **Дневник**

Понедельник, 16 Июня 20XX г. 11:04 (ссылка) + в цитатник

В колонках играет - *и не только в колонках*

Настроение сейчас - *разборчивое, как нанизываемый бисер. я ПРАВДА ОЧЕНЬ стараюсь*

мне надо вкладываться, постоянно, наизнос. вкладыш.
мне надо бы кое-кого в чёрный список, чтоб не обсмеивали уязвимость
но мне лень
будь как хочешь
я всё равно напишу как есть
это *мой* дневник *моё* виртуальное сердце

я поняла одно:
когда уже стал липкой лентой
то притягиваешь не мух
а их смерти
и стоишь донельзя прогрешенный
и не знаешь как отряхнуться
что ничего не изменит. грустно.
я не собираюсь умалчивать когда мне грустно
проглатывать окончания
и прочие сорняки
уже видно дно.
дно одно – общее.
сейчас моДно носить нимбы приспозшими на лоб
это потому что огонь приятный наощупь как шёлк.

Ответить Комментарии (0) Нравится Поделиться

ПРЕКРАТИ **Дневник**

Суббота, 22 Марта 20XX г. 18:08 (ссылка) + в цитатник

ХВАТИТ
ВЗЛАМЫВАТЬ
МЕНЯ
МОИ МЫСЛИ

МОИ ИНТЕРНЕТ

МНЕ ХОЧЕТСЯ ВЫМЫТЬСЯ ИЗНУТРИ ОТ ВСЕХ ЛЮДЕЙ ЩЁТКАМИ
изнуряет подкожное слёзоизлияние

Ответить Комментарии (3) Нравится Поделиться

ФЛИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО **Дневник**

Суббота, 31 Мая 20XX г. 23:32 (ссылка) + в цитатник

Настроение сейчас – *абсолют*

всё хочу день, в конце которого я сяду и неспешно отщёлкаю «за этот день абсолютно ничего не произошло».
но нет. даже сидя взаперти, виртуально созидается-разрушается всё на свете.
все энергично закивали, я знаю:). потому что в этом анти-пространстве ещё проще наделать делов.

Ответить Комментарии (3) Нравится Поделиться

) **Дневник**

Пятница, 30 Мая 20XX г. 14:41 (ссылка) + в цитатник

В колонках играет - ***звуки***

Настроение сейчас - *успешно сохранено*

смайлить – это как смолить
засмолять лёгкие
лёгкие улыбки-пёрышки
меняю на один фарфорово-весомый полумесяц
твоей улыбки

Ответить Комментарии (1) Нравится Поделиться

БЕЗ ЗАГОЛОВКА **Дневник**

Понедельник, 26 Мая 20XX г. 12:39 (ссылка) + в цитатник

Настроение сейчас – *смотреть в глаза аферисту*

я скоро совсем не смогу писать в слог
от обилия скобок-подскобок, скобОк

необходим снимать эти наросты
заусенцы кавычек... всё проще, просто...
писать в слог в блог, вслух, в стол, в руку, в чью-нибудь грудь
всё же. и ещё в грусть. мусорюсь-повторюсь.

я вывесила свой язык
из себя на себя. он впредь – ярлык.
когда ты читаешь меня без света –
я вижу в усмешке твой клык.
с окраины я слышу мышиный клик
на мой дневник; бег глаз, в нём ищущих совета
перед чертой. и сиреневый лик
[дай бог чтоб лишь от монитора]
в котором ещё жутко вторит
твой рот моему тексту. инертному нерву.

Ответить Комментарии (2) Нравится Поделиться

СТИХИ НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГИ **Дневник**

Воскресенье, <...> 20XX г. 06:45 (ссылка) + в цитатник
В колонках играет – *птички колибри – песня «темочка избитая»*
Настроение сейчас – *темочка избитая*

Ночь напролёт
курсор мигает, словно жёлтый в светофоре,
когда я открываю лист, чтобы писать тебе.

Ответить Комментарии (4) Нравится Поделиться

БЕЗ ЗАГОЛОВКА **Дневник**

Четверг, 13 Марта 20XX г. 13:15 (ссылка) + в цитатник
В колонках играет - *воздухххххххххх*
Настроение сейчас – *воздух*

любить
всех
буду
всё равно

даже после этого

Ответить Комментарии (4) Нравится Поделиться

БЕЗ ЗАГОЛОВКА **Дневник**

Среда, 12 Марта 20XX г. 22:43 (ссылка) + в цитатник

В колонках играет - *шуршание деревьев - в окне*

Настроение сейчас - *чЁрно-красиво, как ворон на ночной ветке*

Рыба, выброшенная в сеть
или на берег –
в чём разница?
люди, придите в мой дом, обнимите меня, просто так, ни за что, за то, что я имею способность Огромно Любить, и всё...
молчать вместе буим босыми на подоконнике в ночь, крутить друг другу молча самокрутки в знак чувств – как бережные заботливые немые...
я почти плАчу.

за что я человек... за что я завишу от людских душ...

Ответить Комментарии (0) Нравится Поделиться

СТИХ-Е «ГРЯЗНОЕ БЕЛЬЁ» **Дневник**

Вторник, 03 Июня 20XX г. 21:45 (ссылка) + в цитатник

В колонках играет - *гудок*

Настроение сейчас - *нас__троение*

зачем сюда вы нос...
здесь было двое нас.

Ответить Комментарии (0) Нравится Поделиться

БЕЗ ЗАГОЛОВКА **Дневник**

Воскресенье, 28 Августа 20XX г. 01:08 (ссылка) + в цитатник

В колонках играет - *ка_пОющий кран*

Настроение сейчас - *а вот поняла, что настроение-то Одно всегда - это сама Я*

Сильнее всего запаниковали, что же у меня случилось, когда я

пропала отсюда. А ведь это значит наоборот – что живу.
Не обновляю дневник, потому что умерла из Интернета в реал.

Ответить Комментарии (1001) Нравится Поделиться

Жаль, что...
Жаль, что жаль
Жаль сильнее, прошу, чтобы от боли не чувствовать боли.
Жаль, что слова в свежераспечатанных электронных письмах
остывают быстрее даже, чем их бумага,
выезжающая из принтера.

16 ноября

ВЛАДИМИР КОРКУНОВ

НАЙДИ МЕНЯ

напиши на vk-84@mail.ru
постучись на 412626296
позвони на 9157302606
зайди в magazines.russ.ru
набери vkorkunov.ucoz.ru
отыщи по форме поиска вконтакте
а больше меня нигде нет
всё остальное враньё

В комнате, где свет прорывался
сквозь тёмные занавески,
а из меня вырывались не слова даже,
а несвязные звуки, а сам я был моложе, тоньше и наверняка красивее,
я любил, наивный и ненужный тебе,
и эта невинность,
не вязавшаяся с тем, что нас окружало,
призывавшим открыть занавески, но не на окнах, а на телах, – они были твоими и только твоими.
Я любил тебя.
А потом вырос и подумал, что ты можешь идти к чёрту.
И теперь, когда начал лысеть,
отрастил живот и не люблю своё отражение в зеркале,
ты пишешь, что хочешь меня, что осталось что-то из детства неопробованное, но желанное.
Ты пишешь, что хочешь меня.
А я тебя ненавижу.

Рисунок Игоря Полякова

Рисунок Игоря Полякова

Рисунок Игоря Полякова

Рисунок Игоря Полякова

Рисунок Игоря Полякова

Рисунок Игоря Полякова

Выходя с вокзала, каждый попадает в свой город. Даже читая одно и то же сочетание букв, один скажет: "это страшный город"; а другой: "это смешной город"; третий: "это ветренный город".

АНДРЕЙ НАЗАРОВ

ПРЕУМНОЖАЮЩИЕ ГРУСТЬ...

В древние времена жил на белом свете Человек, Который Всё Знал. Впрочем, сам он не считал этот свет белым, ибо знал о нём и о людях, его населяющих, всё. Не было ни одной книги, ни одного свитка, которые он не прочитал бы.

Прознав о его необыкновенной учёности, люди призвали Человека, Который Всё Знал, править городом.

В город пришла чума. Он знал, что от неё нет панацеи, и заперся в своём замке. Большинство жителей умерло, но он знал, что постепенно жизнь возродится, что и произошло.

Началась война, и город осадили враги. Он знал, что противник намного сильнее и обороняться нет смысла. Он сдал город. Всех жителей и его самого казнили. Человек, Который Всё Знал, легко принял смерть, ибо знал, что рано или поздно он всё равно умрёт.

А где-то на краю Земли живёт Человек, Который Ничего Не Знает. Он не знает, что существуют враги, болезни, смерть… Поэтому живёт уже многие века и радуется белому свету.

ТАТЬЯНА ГРАЧЁВА

ЕЩЁ ОДНА ИСТОРИЯ ИЗ ЖИЗНИ ВЕРТУХИНЫХ

Одной из осенних ночей в квартиру к Вертухиным залетела маленькая комета. Она осмотрела углы и лисьим подобием обвила шею Вертухиной да уснула, отобедавшим, синим китом в тёплой песчаной гуще.

То, что это была комета, было понятно не сразу, особенно самой Вертухиной, потому она сидела смирно и не отчаивалась.

– Посмотри внимательно, что это? – спросила Вертухина у зашедшего в кухню под рассвет Вертухина.

– Не знаю, – ответил Вертухин и поднял левую ногу кверху.

– А кто будет знать? – переспросила Вертухина, подняв правую ногу вверх.

– Ты лучше посмотри на это, – сказал Вертухин и скинул с себя банный халат. Под которым он оказался в некоторых элементах французского придворного начала позапрошлого века.

Вертухина, дабы всё же не ворошить тело, вмокнула левую ногу в кастрюлю с водой и взбрызгнула ей же лицо Вертухина, дабы он взбодрился.

– Я не знаю, что это. Похоже на огненного дракона, – ответил бодро Вертухин.

– Откуда у тебя этот костюм? – спросила Вертухина.

– Отмыл его сейчас в ванной комнате. Хорошенько тёрся щётками и оттёр на себе вот что. И он лязгнул стальными наколенниками друг о друга. Вертухина обмочила в кастрюле следующую ногу и взбрызгнула ею уже своё лицо. Кое-что попало на комету, и она зашипела. Вертухины, несмотря ни на что, обнялись, открыли окна, чтоб подышать свежим воздухом.

За окном происходил рассвет. Он низенько, сквозняком крался из загородного леса прямиком вскользь трасс к центральному булочному ларьку за самой свежей выпечкой. Многие закрывали уши, чтоб не слышать будильников, а некоторые петухи летали через забор выше обычного. Как ни странно, но окна в высотных домах, оканчивающиеся в номере на мягкий знак, загорались через каждое третье по горизонтали и через каждое пятое по вертикали. А из одного окна выкинули холодильник. Пока он летел, из него вылетел телевизор, а когда телевизор приземлился, из него выскочил

фотоаппарат и автоматически успел заснять, как дворник Влас случайно, но с предчувствием, вырыл, намереваясь, конечно, изначально посадить саженец под окнами одной красивой барышни, клад в чудном заморском сундучке. Город просыпался. И каждая его семья имела свои загадки, которые только лишь дополняли космическую историю этого города, внося в неё отгадки и золотые ключики, в чужих руках становящиеся почему-то серебряными.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ПРО ВЕРТУХИНЫХ!

Многие женщины не умеют кидаться курицами. А многие умеют. Бегут, бывает, догонят, да и как кинут прямо в спину… Перья оттого пляшут перед глазами, мешают смотреть вперёд.

Вертухин знал таких женщин хорошо. Потому, зачуяв опасность, нагнулся, и курица перелетела через него, приземлившись на спину чьей-то собаки и, оседлав её, вместе они понеслись в сторону неподалёкой котлетной. Потому, наверное, одна из дорог этой улицы пахла жареным.

Другие женщины умеют кидаться брюками. Хотя не все это делают. Вертухин кротко присел, когда в него летели, вьясь штанинами левой на юга, правой на север брюки, что упали прямо в люк, ведущий к открытым ремонтам. Такой фасон пришёлся в пору рабочему, и он улыбнулся в темноту фосфорными зубами, отчего тут же стала освещена причина поломки, и воду в микрорайоне снова включили.

А ещё, некоторые женщины норовят кинуться курчавым пуделем. Кроме тех, которые крепко жмут их к груди. Пуделя летят свободно, превращая в стрелу свои тонкие хвосты, и, примчавшись в мишень мокрым носом, забывают свои прежние прозвища. Так как пудель, летящий в Вертухина, нёсся слишком низко из-за того, что хозяйка его – женщина из тех, кто всё-таки умеет кидаться пуделями – споткнулась о пробегающую мимо маленькую кукушку. Собачка у неё полетела низко, и Вертухин ухитрился её перепрыгнуть, отчего пудель угодил прямо в ведро рыбака, удящего в фонтане рыбу. Так он нашёл себе настоящего, крепкого друга.

– Нет спасу от этих женщин! – обиженно заметил Вертухин, наконец, добравшийся до почты. – Но, видимо, в них есть какой-то тайный умысел, не до конца мною уловимый сегодня.

АНТОН ПОГРЕБНЯК

ВЕТЕР НА ПРОСВЕТЕ

Воет ветер над Просветом
На Просвете ветер, ветер
Ветер рвёт плащи и шляпы
Словно кошка, цапнет лапой
И утащит в Зазеркалье
Ветер в небе цвета стали
Ветер в бронзе, ветер в брынзе
Он дождём внезапно брызнет
Сдует, смоет с лиц улыбки
Ветер-флейта, ветер-скрипка
Саксофон и контрабас
Слёзы вышибет из глаз
Сопли вышибет из носа
Не ответив на вопросы
Крутит пыль, шуршит листвой
Ветер, ветер, я не твой
Всюду расставляет сети
Ветер, ветер на Просвете.

ДИСПЕТЧЕРСКАЯ

АВИНКИН Егор. 25 лет, родился в Петербурге. В 2008 году закончил филфак СПбГУ, работает переводчиком.

АЛЕКСАНДРОВИЧ Дарья. 20 лет. Студентка факультета журналистики УрФУ им. Б.Н. Ельцина (бывший УрГУ им. А.М. Горького) – Екатеринбург. Родилась в городе Кировград, Свердловская область; проживает в Екатеринбурге. Статьи и заметки публиковались во многих газетах. Свою прозу и поэзию ранее не публиковала.

АСМУС Анна. Родилась в СПб, в 1989. Закончила театральную школу СПб № 293. Поставила авторскую пьесу «Исповедальня», за которую была награждена дипломом «За вклад в литературу». В настоящее время учится в мастерской Сергея Снежкина по специальности «режиссёр художественного кино». В фильмографии несколько фильмов. Публикации иллюстраций и стихов.

АСМУС Екатерина. Родилась в СПб, в 1967. Жила в Африке (Хартум) и Европе (Лондон, Париж). Образование высшее – художник-модельер. Профессии: Художник-постановщик. Сменила много специальностей в искусстве. С 2000 года основная работа в кинопроизводстве. Участвовала в создании таких картин как «Бедный, бедный Павел», «1814» и др. Автор-исполнитель. Пишет песни и стихи. Выпустила несколько музыкальных альбомов. Ведёт авторские радиопрограммы. Публикации во многих изданиях СПб, России, мира.

БОРОДИН Сергей. Родился в 1981 в Курске. Проживает в Курской области в Железногорске. Окончил Орловский Государственный Технический Университет (инженер). Работает в ООО «Смазочные материалы» менеджером по продажам. Автор «Вокзала».

БЕСЕДИН Платон. Родился в Севастополе. Образование – высшее техническое и высшее психологическое. Публиковался в периодике, сборниках прозы и альманахах (Россия, Украина, Германия, США). Лауреат и шорт-листер ряда конкурсов («Дебют», «Активация слова» и др.). В сентябре 2011 выпустил дебютный роман «Книга Греха». Автор «Вокзала».

БАБКИНА Мария. Родилась в 1983 в Брянске. Училась в Москве в Литинституте им. Горького. Живёт в Петербурге.

БИНЮКОВ Тимофей. Родился в 1992; живёт в Харькове, Украина; студент Политехнического университета.

ВАЙНБЕРГ Анна. 1969 г.р., живет в Санкт-Петербурге. Ранее не публиковалась. Начала писать стихи около 5 лет назад.

ВЕШКИНА Татьяна. Родилась в Санкт-Петербурге, здесь и живёт. Посещала кружок "Дерзание". Участвовала в конференции молодых писателей Северо-Запада. Учится в Санкт-Петербургском университете культуры и искусств.

ВСЕВОЛОДОВ Роман. Родился в 1977. Журналист. Член Союза писателей России. Прозаик, поэт, драматург. Создатель журнала «Вокзал». Создатель, редактор журнала «Другие Люди». Живёт в Санкт-Петербурге.

ГРАЧЁВА Татьяна. Кроме майла данных нет.

ГУСЕВ Дмитрий. Родился в г. Братске Иркутской области, живёт в Новосибирске. Учился в двух вузах, но ни одного не окончил. Работал грузчиком, экспедитором, риелтором и пр. Записал три альбома в составе группы «Бухенвальд Флава», которую называют "главные рэп-провокаторы страны". В 2010 завершил первый сборник стихов, а летом 2011 года выпустил сольный мини-альбом «Бетонная тайга».

ДЕМЬЯНЕНКО Андрей. Родился в 1974 в Ленинграде. Окончил БГТУ. Лауреат литературной премии «Молодой Петербург». Живёт в Санкт-Петербурге.

ДИХТЯР Юрий. Харьков, 1967 г.р. Социолог, многодетный отец. Публикации: «Литературная газета», «Березіль», лит. сборник «Мантрица», «Очевидное-невероятное». Награды в интернет-конкурсах.

ДОРОХИН Сергей. 1972 г.р., по профессии учитель химии. Вся сознательная жизнь прошла в г. Новомосковске Тульской области. Два сборника рассказов и роман «Три тысячи километров» (2011 г). Публикации в газетах, журналах, коллективных сборниках.

ДОРОШЕВ Владимир. 1983 г.р., Санкт-Петербург. Проживает в Санкт-Петербурге. Специальности – электромонтёр, программист. Публикуется впервые.

ДЫМАНТ Анатолий. 1985 г.р., г. Севастополь. Художник. Участник городских, областных, всеукраинских и международных выставок, также нескольких АРТ-проектов. Лауреат международных конкурсов живописи.

ЗАВЕЛЬСКАЯ Елена. Художник, поэт. Родилась на Камчатке. Выросла и живёт в Санкт–Петербурге. Закончила художественную школу и технический ВУЗ. Ученица художника Льва Овчинникова. Публикации во многих журналах, автор книги «Между небом и землёй».

ИЛЬИН Олег. Родился в Таллине в 1972 г. Окончил РГПУ им. Герцена. Книги стихов и прозы: «Terra ironica», «Лень линии плена льна полной луны», «Море мрамора». Печатался в различных альманахах и сборниках, журналах и газетах. Живёт в Санкт-Петербурге.

КАПУСТИН Евгений. Санкт-Петербург. Родился в 1984 году. Окончил Санкт-Петербургский Государственный Морской Технический университет. Публикации в газетах, журналах, сборниках. Лауреат и дипломант нескольких поэтических конкурсов. Редактор-составитель международного сборника современной духовной поэзии «Отзвуки Небес».

КАРЕЛИН Алексей. Родился в 1990 в с. Митьковка Брянской области. Закончил Брянский политехнический колледж, учится заочно в Брянском государственном техническом университете. Служил в ГРАУ. Программист. Публиковался во многих газетах и журналах. Лауреат стипендии им. П.Л. Проскурина.

КАРЛОВ Сергей. Родился в г. Горловка Донецкой области в 1958. Окончил СПбГПМА в 1982 – педиатрический факультет. Детский психиатр. Живёт в СПб. Постоянный автор «Вокзала».

КАЧАРОВСКАЯ Елена. Родилась в Ленинграде. Менеджер туристической фирмы. Пишет стихи, прозу, песни. Лауреат и дипломант многих песенно-поэтических фестивалей. Публикации в журналах и альманахах СПб. В 2011 вышла книга стихов и прозы «Душа рассыплется на нежности». Живёт в СПб. Постоянный автор «Вокзала».

КОРКУНОВ Владимир. Родился 1984, в городе Кимры Тверской области. Работает журналистом. Печатался во многих журналах.

КИЯНИЦА Алексей. Родился в 1976 в Алма-Ате. Публикации в Казахстане и Санкт-Петербурге. Автор сборника стихов и рассказов «Приговорённый к себе». Живёт в Санкт-Петербурге.

КРИШТУЛ Илья. 47 лет. Родился и живёт в Москве. Юмористические рассказы публикуются в различных изданиях, сетевых и бумажных.

ЛАПШИН Станислав (Ситников Станислав). Родился 1985 году.Образование высшее юридическое. Пишет в смешении жанров. Проживает в Омске.

МЕДВЕЖОНКОВ Ёжик. Культовый сетевой автор. Данные засекречены. Постоянный автор «Вокзала». Сам: «В своё время был сценаристом индийских фильмов, страдал тяжёлой формой клептомании, беря из книжных магазинов исключительно «Малую землю» Л.И. Брежнева. После исчезновения этого издания, заболел психическим расстройством и навсегда перестал писать. В настоящее время живёт в Бразилии, где разводит диких обезьян».

МИЛАН Марсель (Загартдинов Марсель). Родился в 1965 в г. Орске Оренбургской области. В 1987 году окончил Оренбургское лётное училище. С 1986–1992 – служба в ВВС. В настоящий момент сотрудник электротехнической компании. Проживает в Оренбурге.

МУСИН Игорь. Родился в 1993 году в Санкт-Петербурге. Барабанщик, бас-гитарист. Живёт в Санкт-Петербурге.

НАЗАРОВ Андрей. 1969 г.р. Родился и живёт в городе Нарва, Эстония.

НЕУСТРОЕВ Олег. 45 лет. Родился и живёт в Новосибирске. Журналист. Служил срочную службу в Советской армии. Работал на заводе, на стройке, в нескольких новосибирских газетах. Окончил заочно юридический факультет. Пишет прозу с 20 лет. Публиковался в альманахе «Молодая проза Сибири» и в журнале «Дружба Народов».

ОГНЕВ Антон. Родился в 1986 в г. Воркута республики Коми. С 1988 года живёт в Брянске. По специальности радиотехник. Участник брянского театрально-поэтического клуба «Пегас» и городских конкурсов поэзии.

ОЛЬГА Бес_Крайность (Ольга Туркина).

ОСЕТИНСКИЙ Олег. Родился в 1937. В сентябре 1953 г. был исключён из школы за выпуск "антисоветской" стенной газеты «Одесские новости». Самый молодой кинодраматург СССР, у которого был куплен полнометражный сценарий «Катера». Автор 12 художественных фильмов, в том числе кинотрилогии «Судьбы России». В 1999 дважды признавался читателями лучшим журналистом месяца в Москве. В настоящее время сотрудничает в журналах и газетах всего мира.

ПАВЛОВ Игорь. Родился в Ленинграде в 1966, публиковался в альманахах «Мансарда», «Натуральное хозяйство», «Urbi», в журнале «Аврора», выпустил 3 сборника стихов.

ПОГРЕБНЯК Антон. Родился в 1978 в Ленинграде. Живёт в Санкт-Петербурге. Образование: Политех (с отличием) – магистр физики. Кино и Телевидения – художник-аниматор. Работает web-программистом. Поэт, прозаик. Публиковался в «Неве», сборниках ЛИТО. Автор книги стихов «Патриции».

ПОЛЯКОВ Игорь. Родился в Симбирске (Ульяновске) в 1970. Окончил Ульяновский политехнический университет. Писатель. В прошлом издатель литературного альманаха «Северный царь». Живёт в Петербурге.

РЫЖКОВ Александр. 1985 г.р., гражданин Украины, житель русскоязычного города Николаева. Магистр экологии, кандидат технических наук. Работает в Национальном университете кораблестроения имени адмирала Макарова руководителем центра международного сотрудничества. Свыше 40 публикаций в журналах, газетах и сборниках России, Украины и зарубежья. Лауреат многих конкурсов. В 2011 году принят в члены МГО СПП, обладатель медали имени Чехова (Москва, 2011 г.).

САПГИР Генрих. (1928–1999). Родился в Бийске Алтайского края. С 1944 участник литературной студии поэта и художника Евгения Кропивницкого. В советские годы Сапгир много публиковался как детский писатель (ему принадлежат сценарии классических мультфильмов «Лошарик», «Паровозик из Ромашкова», слова песни «Зелёная карета»). Первая публикация «взрослых» стихов Сапгира за границей – в 1968, в СССР – в 1989. Переводчик.

САФРОНОВ Валерий. Родился в 1955 в Ленинграде. Служил на Балтфлоте. Закончил Первый ЛМИ (СПБГМУ) им. академика И.П. Павлова в 1983 и клиническую ординатуру ЛенГидув (МАПО) в 1990. Врач-невролог. Публикации: «Другие люди», «Второй Петербург», «Литературная Россия», «Советский врач».

СМИРНОВ Александр. Родился в 1986 в Ярославле. В 2008 году окончил математический факультет Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, специальность «Прикладная математика и информатика». Кандидат физико-математических наук. Печататься начал в 2007 году. Около 80 публикаций в различных изданиях России и Мира.

СОКОЛОВА Василиса. Родилась в 1996 в Санкт-Петербурге. Учится в школе «Экспресс» (самостоятельное обучение экстерном), 11 класс.

СОКОЛОВА Калерия. Родилась в 1992 в Санкт-Петербурге. Публиковалась в журналах «Звезда», «Северная Аврора», «Аврора», сборниках «Молодой Петербург», «Четверг. Вечер» и других.

СТОЯЛОВЫ Максим и Денис. Родились 1989 в городе Мелитополе (Украина). Максим – администратор компьютерных сетей, Денис – столяр-строитель. Публикации в журналах «Очевидное и невероятное», «Новый дом», «Техника молодёжи» и др. Один из рассказов экранизирован.

ТЁМНО-БЕЛЫЙ (Уродов Андрей). Родился в Сыктывкаре в 1993. В 2009–2010 проживал и учился в США. Выпустил сборник стихов, прозы и графики «Разукрашка». Фотохудожественные выставки. Сам же о себе: «Нигде не публиковался, ничего занимательного о себе рассказать не могу, в детстве мама вышивала на моём полотенце первые буквы инициалов, получалось УРАН, это было забавно, я радовался, но уже после мне рассказали, что это самая туманная, странная и неизученная планета…»

ТОМАХ Татьяна. Член Союза писателей России с 2007 г. Родилась и живёт в С.-Петербурге. Образование высшее техническое. Более 50 публикаций рассказов, повестей, пьес в журналах и сборниках. Роман «Имя твоего волка» опубликован в 2009 г. издательством «Форум».

ТУРКИНА Ольга. Окончила СПбХУ им. Н.К. Рериха. Автор публикаций стихов, иллюстраций и прозы в петербургских и московских изданиях. Участник российских поэтических фестивалей. Родилась в 1988 в Ленинграде, живёт в Санкт-Петербурге.

ШАБАНОВ Роман. Родился в 1979 в г. Уфа. Учился в авиационном университете имени Серго Орджоникидзе, затем в академии искусств. Поставил несколько спектаклей. Работал режиссёром. В настоящее время живёт в Москве.

ШИПИНА Елена. По профессии фотохимик-технолог, более двадцати лет посвятила прикладной науке, работая в отраслевом НИИ. После перестройки – мама трёх детей. Сменила много специальностей. Посещает студию поэтов под руководством Г.С. Гампер, публикации в сборниках студии.

ЮМЖАКОВ Ярослав. Родился в 1972 на Урале. Пишет стихи, прозу. Живёт в Петербурге.

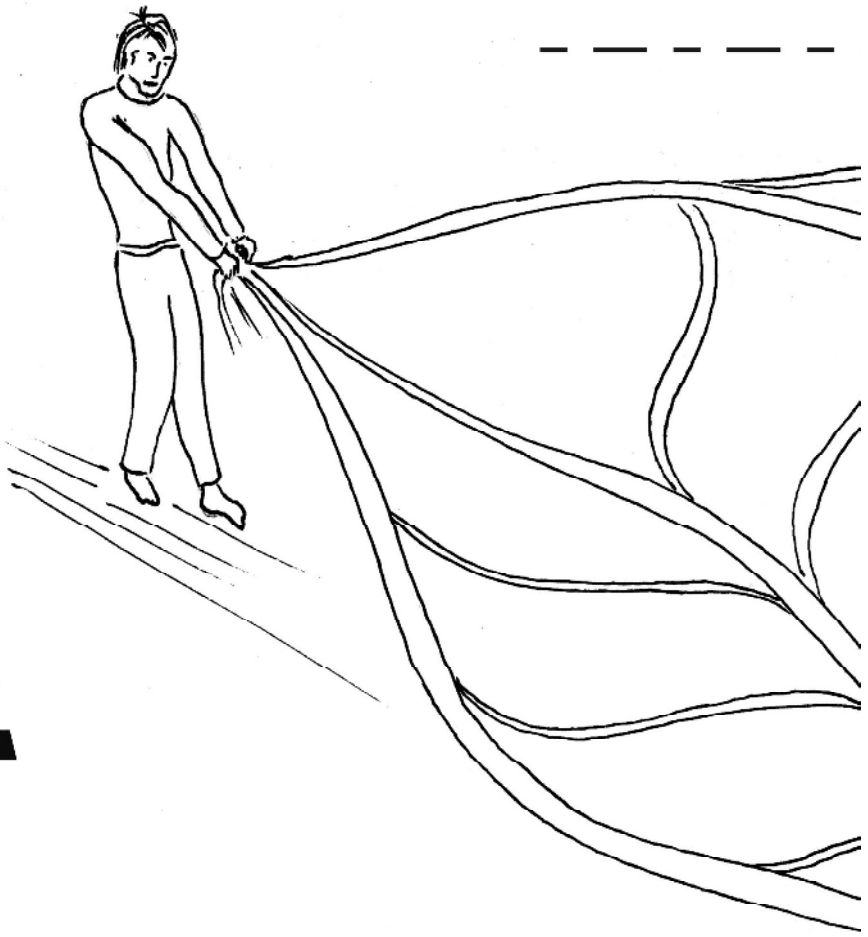
ПРИВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

ТЁМНО-БЕЛЫЙ

ВЕРЛИБР

привет, жизнь.
мне от тебя ничего не нужно.
ты всех сама расставила у поручней в узких вагонах.
кому некуда ехать – ждут в переходах,
весной прорастая кривыми липами рощ и аллей.
всем параллелям нашлась параллель –
время придумано
и ходит от станции к станции,
по расписанию давит людей,
не прислоняться! мол,
а к двенадцати
всех присклOнит алый портвейн.
утром по тротуару
в трауре
молча грести, налегая на вёсла,
внаглую россыпью пуститься в метро –
задача не из лёгких.
впрочем, двери уже смыкаются,
перекрывают воздух.
из лёгких, вне из лёгких!
жизнь, тебя нет.

Журнал выходит с августа 2007 года, раз в три месяца.
Почтовый адрес: 195253, Санкт-Петербург, ул. Буренина, д. 3, кв. 47.
Электронный адрес: vokzal@pisem.net
Журнал продаётся в книжных магазинах города. По низкой цене приобрести его можно в галерее «Борей» (С-Пб, Литейный пр., 58), на презентациях и в редакции – справки по телефону: 8-950-025-18-37.
Журнал Вокзал; учредитель: Демьяненко Андрей Николаевич; гл. редактор: Демьяненко А.Н.; литературный редактор: Туркина О.В.; №4 15.12.2011; перспективный тираж - 3000 экз.; цена свободная; адрес редакции: 195253, Санкт-Петербург, ул. Буренина, д. 3, кв. 47, отпечатано там же.
Свидетельство о регистрации журнала: ПИ № ТУ 78 - 01020 от 28 ноября 2011 года.



ВОКЗАЛ

Жаль, что слова в свежераспечатанных электронных письмах
остывают быстрее даже, чем их бумага,
выезжающая из принтера.

Ольга Туркина

№4 2011